

***ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ
В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ:
ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ***

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ ЭТНИЧНОСТИ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ
В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ:
ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ**

Коллективная монография

*Под общей редакцией
доктора социологических наук, профессора
Шайхисламова Рафаэля Бадретдиновича*

**Уфа
РИЦ БашГУ
2021**

УДК 316.32+81'27
ББК 60.52+81.001.2
Я41
doi.org/10.14258/lingdiv.2021

*Монография подготовлена и опубликована в рамках
Программы фундаментальных и прикладных исследований
«Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление
общероссийской идентичности» (Поручение Президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020 г.)
(рук. акад. РАН В.А. Тишков) по проекту
«Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность,
толерантность, диалог» (рук. проф. Р.Б. Шайхисламов)*

*Печатается по решению кафедры социологии и работы с молодежью
факультета философии и социологии БашГУ.
Протокол № 2 от 30.09.2021 г.*

Рецензенты:

Г.Т. Галиев – доктор социологических наук, профессор
(Евразийская социологическая ассоциация);
А.Я. Зарипов – доктор философских наук, профессор
(УГАТУ, г. Уфа)

**Языковое многообразие в российских регионах: возможности
Я41 развития:** коллективная монография / под общей ред. д-ра
социол. наук, проф. Шайхисламова Р.Б. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021.
– 196 с.

ISBN 978-5-7477-5430-0

В коллективной монографии публикуются результаты исследований, посвященных анализу языковой ситуации, взаимосвязи языковой и этнической идентичности, сохранению и развитию родных языков и возможностям развития языкового многообразия в регионах России.

Для специалистов в области межнациональных отношений, языковой политики, научных работников, преподавателей среднего и высшего образования, аспирантов и студентов, а также для всех, кто интересуется проблемами этнокультурного и этноязыкового развития.

УДК 316.32+81'27
ББК 60.52+81.001.2

ISBN 978-5-7477-5430-0

© Асадуллина Г.Р., Атаев Б.М., Бойко И.И.,
Большаков А.Г., Воронцов В.С., Долгова А.П.,
Ефлова М.Ю., Ибрагимова М.О., Кудрявцева Р.А.,
Максимова С.Г., Максимова О.А.,
Минзарипов Р.Г., Ноянзина О.Е., Озерова К.А.,
Омельченко Д.А., Садретдинова Э.В.,
Субботин В.Я., Хайруллина Н.Г.,
Харитоновна В.Г., Храмова Е.В., Шабыхов В.И.,
Шайхисламов Р.Б., Шаяхметова Р.Р., 2021
© БашГУ, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Глава I Язык, этничность и гражданственность в идентификационной матрице жителей регионов России: социально-демографические и социокультурные факторы (по данным социологического исследования).....	6
Глава II Этническая и языковая идентичность молодежи в полиэтничном регионе.....	39
Глава III Межэтническая ситуация и этноязыковые процессы в Республике Дагестан.....	54
Глава IV Языковое многообразие в Республике Марий Эл в XXI веке: динамика, современное состояние, специфика.....	68
Глава V Проблемы сохранения и развития родных языков в Удмуртии в условиях языкового многообразия.....	105
Глава VI Особенности конструирования концепта «родной язык» в молодежной среде Башкортостана.....	117
Глава VII Социологическая диагностика языковой ситуации в среде коренных малочисленных народов Тюменской области.....	141
Глава VIII Реализация политики билингвизма в Республике Татарстан: репрезентация проблемы в новых медиа.....	150
Глава IX Языковая политика в республиках Поволжья и Приуралья: уровень конфликтности и рисков.....	159
Глава X Языковая политика в Чувашии в контексте современных этнокультурных процессов.....	173
Библиографический список.....	183
Сведения об авторах.....	193

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основной замысел монографии заключается в раскрытии возможностей развития языкового многообразия регионов страны. Имеется в виду не просто сохранение языков – и мажоритарных, и миноритарных, а их развитие. Сохранение языка без его постоянного развития, адаптации к меняющейся коммуникативной среде ведет лишь к его архаизации и стагнации. Сегодня необходима языковая политика, нацеленная именно на развитие языков, на их обогащение на основе конструктивного межязыкового взаимодействия.

В основе понятия «многообразие» находится слово «множество», в обыденном языке означает количество различных объектов и процессов. Но в науке множество – это не просто много разных объектов, это совокупность разных элементов, обладающих общими характеристиками. Применительно к множеству языков можно говорить, например, о семьях языков (алтайской, индоевропейской, уральской и т.д.). Но помимо семьи языков, существует и социокультурное множество языков, образующееся в результате тесного взаимодействия носителей разных языков (в том числе принадлежащих разным семьям языков) на определенном социальном пространстве.

Понятие «языковое многообразие» как характеристика языковой сложности, сочетающей общий язык общения, которым в нашей стране является русский язык, и миноритарные языки, прочно утвердилось в отечественных социально-гуманитарных науках.¹ Языковое многообразие не значит «много языков». На одном социальном пространстве могут сосуществовать «много языков», образующих языковое разнообразие как совокупность языков, не образующих единую социолингвистическую систему. Языковая сложность, в отличие от языкового разнообразия, определяется взаимопроникновением различных языков, сохраняющих свою целостность, но в то же время образующих общее языковое пространство. Взаимопроникновение, или, иными словами, интеграция языков образует общую, более сложную систему – межязыковую. Эта языковая надсистема представляет собой устойчивую взаимосвязь различных языков, в которой общепринятый язык, служащий средством общения с носителями других языков, двуязычие и многоязычие как характеристика общения и языковой компетенции

---

¹ Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 141.

индивидов, образуют этноязыковую структуру общества.

Межъязыковое взаимодействие представляло и представляет противоречивый, разнонаправленный социокультурный процесс. Наряду с тенденцией к развитию языкового многообразия проявляют себя и другие тенденции – к языковому однообразию в виде постепенного оттеснения на периферию общественной жизни миноритарных языков, к языковому разнообразию в виде совокупности изолированных, этнически замкнутых языков в миграционных анклавах мегаполисов.

Эти сложные, неоднозначные социально-языковые процессы авторами анализируются на примере регионов Поволжья и Урала (Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Чувашия, Мари-Эл, Тюменская область), Дагестана. В них уделяется внимание проблемам родных языков, билингвизма, языковой политике в регионах.

Монография подготовлена участниками научных проектов в рамках реализации Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ, грантов Российского фонда фундаментальных исследований.

*Ответственный редактор,
доктор социологических наук, профессор
Р.Б. Шайхисламов*

ГЛАВА 1

ЯЗЫК, ЭТНИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ МАТРИЦЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹

С.Г. Максимова

доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Д.А. Омельченко

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

О.Е. Ноянзина

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Аннотация. В данной главе рассматриваются вопросы становления языка, этничности и гражданственности в идентификационной матрице жителей регионов России. Направление анализа данных представлено в виде выявления факторов, обуславливающих особенности этнической идентификации и ее взаимосвязи с другими социальными идентичностями и языковыми практиками. Показана роль основных этнических и демографических характеристик населения моно-этнических и поли-этнических регионов России, в частности особенности их происхождения, национальная принадлежность, владение языками.

Ключевые слова: язык, этничность, гражданственность, идентификационная матрица, моно-этнические и поли-этнические регионы

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ в рамках научного проекта № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах России». The reported study was funded by Grant of the President of the Russian Federation for the leading scientific schools according to the research project № НШ-2632.2020.6 “Return migration and migration policy: adaptive strategies of returnees and receiving population in border regions of Russia»

Язык является сложным коллективным и общественным явлением, продуктом совместной деятельности и взаимодействия между людьми, имеющим неизменную основу и, одновременно трансформирующимся вслед за неизбежными социальными изменениями, условиями жизнеосуществления. Язык не создается людьми каждый раз заново, он приобретает и усваивается в ходе повседневной жизни, обучения, трудовой деятельности и передается из поколения в поколение. Представления индивидов о своем языке являются важной частью общей концепции их восприятия себя, своего окружения, своей идентичности – личностной, территориальной, национальной, государственной. В представлениях и устойчивых метафорах о языке заключена историческая память народа, который им обладает. То, что думает население России о своем языке, является с одной стороны, продуктом их собственного мировосприятия и встраивания отношения к языку в представления о себе как о носителе данного языка, с другой – отражает объективно существующие актуальное состояние и тенденции в развитии языковой ситуации в России и мире. В этой связи, оценки, мнения, представления и установки населения регионов России о русском языке являлись важной частью эмпирического анализа, направленного на выявление факторов функционирования русского языка в разнообразных этнических и социальных условиях.

В сущности, в условиях глобализации зачастую именно благодаря языку постигаются межгрупповые различия при сходстве внешнего вида, одежды, манер, образа жизни. Важность языка настолько велика, что любая угроза его утраты (запрет на использование языка или ограничение доступа к его свободному употреблению) приводит к конфликтной ситуации и ожесточенным протестам населения, поскольку воспринимается в качестве одной из наиболее чувствительно воспринимаемых форм дискриминации (вспомним случаи экономического неравенства среди франкоязычного населения в Квебеке, испаноязычного – в США, притеснения русскоязычного населения в Латвии и Эстонии). Даже в мультиязыковой Европе, согласно одному из последних исследований, проведенному в 24 странах, в тех государствах где практикуется политика одноязычия, социальной эксклюзии подвергаются от 51% до 90% взрослого населения, в странах с трехязыковой политикой (основанной на английском, французском и немецком языках) – от 30% до 56%

жителей, и даже языковая политика, допускающая шесть языков, является дискриминирующей для 9–22% населения.¹

Между тем, этническая идентичность не обязательно однозначно соотносится с языком, соответствующим данной национальности, и не всегда важна для формирования групповой солидарности.² Этническая идентичность и ее культурное содержание являются в значительной степени функционально зависимыми. Это означает, что люди часто стремятся сохранить свою этническую идентичность, которая позволяет им почувствовать свою причастность к коллективной памяти и своему прошлому, но их актуальные культурные практики, включая языковые, существенно расходятся с предписанными этничностью.³ Так, анализируя статистические данные о родном языке представителей разных национальностей мы обнаружили, многим народам России присущ низкий уровень владения национальным языком, что совсем не мешает им причислять себя к данной этнической группе. И, напротив, знание других языков, используемых в повседневном и профессиональном общении, не обязательно предполагает приобретение новых этнических идентичностей (то, что башкир в Татарстане знает татарский язык не делает из него татарина). Г. Ганс очень точно обозначил такое положение вещей понятием «символической этничности», под которой он подразумевал противоречие между специфической этничностью и отказом от постоянного участия в жизни этнического сообщества, практиках, характерных для данной этнической группы.⁴ Символическая этничность является индивидуализированной и не имеет «социальной» стоимости, она важна для индивида, который, идентифицируя себя с этнической группой, периодически, по мере необходимости, демонстрирует этнические чувства при взаимодействии с этническими объектами – одевая этническую одежду, посещая этнокультурные мероприятия, этнические рестораны, выставки, показывая знания родного языка и т. д.

---

¹ Gazzola M., Wickström B. A. (ed.). *The economics of language policy*. – MIT Press, 2016.

² Eastman C. M., Reese T. C. *Associated language: How language and ethnic identity are related* // *General Linguistics*. – 1981. – Т. 21. – №. 2. – С.109; Edwards J. (ed.). *Linguistic Minorities, Policies and Pluralism: Applied Language Studies*. – Academic Press, 2014.

³ Liebkind K. *Social psychology and contact linguistics* // *Goeblua*. – 1996. – С. 41-48.

⁴ Gans H. J. *Another looks at symbolic ethnicity* // *Ethnic and Racial Studies*. – 2017. – Т. 40. – №. 9. – С. 1410-1417; Stone J., Harris K. *Symbolic ethnicity and Herbert Gans: race, religion, and politics in the twenty-first century* // *Ethnic and Racial Studies*. – 2017. – Т. 40. – №. 9. – С. 1397-1409.

В рамках различных направлений исследований и дисциплин имеются специальные подходы к анализу взаимосвязи между языком и этнической идентичностью. В ранних экономических моделях, лингвистические и этнические переменные исследовались в качестве внешних, объясняющих факторов, определяющих собственно экономические параметры, такие как уровень дохода, безработица и др. При этом, между языком и этнической идентичностью изначально не проводилось принципиального различия, но, начиная с 1970-х гг. языковому измерению стало уделяться больше внимания, особенно в рамках теории человеческого капитала. Языковые компетенции, в частности знание второго языка, стали рассматриваться наравне с другими возможностями, повышающими статус и конкурентоспособность индивида на рынке труда, такими как уровень образования или компьютерная грамотность. В то же время часто упускалось из виду, что язык выступает важным маркером этничности, как для самих индивидов, так и для других групп. В 1980-е два подхода были объединены и в настоящее время лингвистические характеристики рассматриваются как по отношению к этнической идентичности (роль родного языка), так и в качестве составляющих человеческого капитала (компетенции в использовании дополнительных языков).¹ В последние годы исследовательский интерес экономистов развернулся в противоположном направлении – в сторону изучения того, как экономические переменные могут влиять на языковые практики путем построения моделей использования языка на рабочем месте, в рекламе, языковой динамики (изучение, сохранение или отказ от использования языка). Значительное количество исследований в данной области посвящено исследованию взаимосвязи между экономическими показателями и языковой политикой, в частности, изменениями в языковом законодательстве или установлением какого-либо языка в качестве официального, наднационального.²

Рассмотрение языка с позиций психологической, политологической и социологической перспектив основывается на

---

¹ Callahan R. M., Gándara P. C. (ed.). The bilingual advantage: Language, literacy and the US labor market. – Multilingual Matters, 2014. – Т. 99.

² Zhang W., Grenier G. How can language be linked to economics? A survey of two strands of research // Language Problems and Language Planning. – 2013. – Т. 37. – №. 3. – С. 203-226; Grin F., Vaillancourt F. The Economics of Language Policy: An Introduction to Evaluation Work // Research Methods in Language Policy and Planning: A Practical Guide. – 2015. – Т. 4. – С. 118.; Gazzola M., Wickström B. A. (ed.). The economics of language policy. – MIT Press, 2016.

экологическом и ситуационном анализе, включающем интеракционистские подходы к роли языка в социальном конструировании групповой идентичности. Этничность является продуктом функционирования социальных сетей и опыта, которые, в свою очередь, зависят от внешних обстоятельств – социальной, экологической и политической среды, вынуждающих этносы конкурировать и соперничать друг с другом. Как справедливо отмечает Геллер: «Этничность основывается на границах, она приобретает значение только когда две этнические группы оказываются в оппозиции друг к другу по количеству различающихся социальных связей». Другими словами, быть членом этнической группы означает быть членом определенных социальных сетей, и, значит, иметь доступ к определенным социальным ролям и ресурсам, контролируемым этнической группой.

Одной из наиболее часто используемых теорий, аккумулирующих все возможные детерминанты этнической и языковой идентичностей, является теория витальности (жизнеспособности) этнолингвистических групп, под которой понимается способность и активность последней выступать в качестве отдельной, четко отличимой от других коллективной общности в межгрупповом взаимодействии, разрабатываемая в эколого-лингвистических исследованиях. Авторы теории этнолингвистической витальности¹ выделяют и описывают три ключевые группы факторов, определяющие жизнеспособность этнолингвистических групп: статус, демографические параметры и институциональная поддержка, каждая из которых подразделяется на более мелкие факторы. Фактор статуса, включающий экономический, социальный, социально-исторический и лингвистический статусы, касается власти и престижа, которыми обладают этнические группы: чем большим статусом и весом в обществе обладает этнос – тем больше его жизнеспособность. Экономический статус определяет доступ какой-либо языковой группы к контролю над материальными ресурсами, экономической жизнью в стране, регионе, отдельном сообществе. Социальный статус основывается на ценности и значимости данной языковой группы в обществе, в том числе для самой группы (самооценка). Социально-исторический статус влияет на особенности восприятия этногенеза группы и может выступать значимым фактором мобилизации и демобилизации этнических групп, развития национальных движений. Языковой статус отвечает за

---

¹ Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M. Towards a theory of language in ethnic group relations //Language, ethnicity and intergroup relations. – 1977. – Т. 307348.

эмоциональную оценку языка как внутри группы, так и вне ее. Национальные меньшинства, испытывающие неловкость от владения собственным языком, находящиеся в подчиненном положении будут менее витальными, чем языковые группы большинства, чей язык является более престижным.

Второй фактор объясняет, как демографические изменения влияют на жизнеспособность (этноты, резко сокращающие свою численность, естественным образом оказываются менее жизнеспособными), и включает факторы распределения и численности этнолингвистических групп на территории их исконного обитания. Группы, разделенные границами и лишенные отечества, имеют меньше шансов на поддержание своей жизнеспособности, чем группы, проживающие вместе на земле своих предков. Именно поэтому иммигранты ассимилируются гораздо быстрее, чем национальные меньшинства, для которых эта территория считается родиной. Немаловажным фактором является концентрация/диффузия членов этнической группы, а также пропорция (доля) группы в численности населения, определяющая особенности из взаимоотношений. Дополнительными факторами, связанными с численностью группы, являются определяющие ее показатели абсолютной численности, рождаемости, количества смешанных браков, миграционного оттока и притока и др.

Институциональная поддержка включает формальную и неформальную представленность этнической группы в различных государственных и общественных институтах и степень ее самоорганизации, именно в этом измерении взаимосвязь между этнолингвистической жизнеспособностью и языком проявляется наиболее ярко. Основными формами такой поддержки на неформальном уровне является лоббирование, создание инициативных групп и групп влияния, а на формальном – участие в принятии решений в сферах государственного управления, культуры и бизнеса, касающихся использования средств массовой информации, образования, государственных услуг и пр.

Наиболее острая критика данной теории представлена в работах Naarmann (1986),¹ который в качестве основного ее недостатка выделяет отсутствие очевидного указания на роль языка в поддержании жизнеспособности группы, слишком большого акцента на факторах макроуровня, тогда как адекватная реальности теория

---

¹ Naarmann H. Language in ethnicity: A view of basic ecological relations. – Walter de Gruyter, 1986. – Т. 44.

лингвистической экологии, по его мнению, должна охватывать « всю совокупность социальных отношений, определяющих вариабельность языков и поведение их носителей ». ¹ Основываясь на общей схеме системы экологических отношений, представленной четырьмя глобальными иерархическими соподчиненными уровнями (индивид – группа – общество – государство), автор рассматривает язык в его основных « фундаментальных формах существования », каждая из которых имеет свои особенности в зависимости от того, на каком уровне экологической системы она реализуется: языковое поведение индивидуального носителя, роль языка в групповых взаимоотношениях, функционирование языка в отдельном обществе и языковая политика на уровне государства ². В свою очередь, Наагманн выделяет семь ключевых групп экологических факторов, влияющих на функционирование языка на разных уровнях:

- этнодемографические, отвечающие за эволюцию и развитие сообществ в целом;
- этносоциологические, описывающие социальные условия, в которых происходит взаимодействие между группами;
- этнополитические, определяющие взаимосвязь между социальной структурой этнических групп и политической структурой общества;
- этнокультурные, основанные культурных традициях и нормах поведения, отличающих этнические группы друг от друга;
- этнопсихологические, включающие социальные установки групповой солидарности, выступающие в качестве контролирующего механизма в ходе внутри- и межгрупповой коммуникации;
- интеракционные, касающиеся сетевых взаимодействий в языковом сообществе;
- этнолингвистические, непосредственно связанные с языком этнической группы. Модель, предложенная Хаарманом, обладает несомненной эвристичностью и может использоваться в качестве общих методологических рамок, очерчивающих структурные факторы в области функционирования языка в конкретных экологических условиях.

Особую роль во взаимосвязанности и взаимообусловленности различных экологических факторов Наагманн отводит этнопсихологическим переменным, поскольку именно они отвечают за контроль межэтнического взаимодействия и способа восприятия

---

¹ Там же

² Там же

группой своей этнической идентичности и этнической идентичности группы взаимодействия. Но, хотя все эти факторы и их влияние можно отследить только косвенным путем, всеобъемлющее влияние на все остальные оказывают этнополитические факторы, создавая бэкграунд, обуславливающий языковое поведение этнических групп как на социальном, так и на групповом уровнях.

В этой связи, требуют дополнительного исследования и анализа процессы этнической и гражданской идентификации граждан России, проживающих в различных этнокультурных условиях, их взаимосвязь и взаимообусловленность с языковыми практиками, в том числе связанными с использованием родных (национальных) языков и русского языка как доминирующего языка, репрезентирующего российское государство и российскую нацию, что было сделано нами в ходе социологического исследования в тридцати различных регионах России, включающих моно-, поли- и национально специфические территории.

Особенности формирования выборочной совокупности в регионах в виде комбинации личных интервью, опроса целевых групп и онлайн опросов частично определили направление анализа данных по выявлению факторов, обуславливающих особенности этнической идентификации и ее взаимосвязи с другими социальными идентичностями и языковыми практиками. Для этого, на начальных этапах анализа представляло необходимым выяснить основные этнические и демографические характеристики опрошенных, в частности особенности их происхождения, национальную принадлежность, владение языками.

В 2018-2021 гг. было проведено социологическое исследование по оценке положения и функционирования русского языка, включая оценку формирования «образа России» в полиэтнических и моноэтнических регионах Российской Федерации, включая on-line опрос, в результате которого опрошено 6 034 респондента. Всего в исследовании приняли участие представители 60 регионов России, но для дальнейшего анализа были взяты данные по 31 региону, включая г. Москву и г. Санкт-Петербург, выборка которых была достаточно репрезентативной для проведения количественного статистического анализа. С учетом разработанной типологии, распределение регионов исследования выглядело следующим образом:

- национальные регионы (10 регионов, 29,4%): Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Дагестан, Республика

Мордовия, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Тыва, Чеченская Республика, Чувашская Республика;

- полиэтнические регионы (12 регионов, 38%): Волгоградская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Кемеровская область, Краснодарский край, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Республика Бурятия, Республика Крым, Ростовская область, Ставропольский край;

- моноэтнические регионы (9 регионов, 32,6%): Алтайский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Курганская область, Мурманская область, Нижегородская область, Томская область, Ярославская область.

На вопрос о стране рождения большинство из опрошенных отметили, что родились в России (72,2% из всех ответивших на данный вопрос). Значительная часть участников (17,1%) ответили, что родились в СССР, без указания конкретной республики, но поскольку все они отметили в качестве национальности «русские» или национальности коренных народов России (абазины, адыгейцы, буряты, дагестанцы, осетины, карачаевцы, удмурты, татары, чуваша, якуты и др., а также выбирали такие идентификации как «славяне», «россияне»), в ходе дальнейшего анализа эти группы были сведены в одну. Около 7% респондентов родились в странах, в данный момент входящих в СНГ, и 2,7% – в других странах, которые раньше являлись частью Советского Союза (Грузия, Эстония, Украина). Незначительная часть опрошенных указали в качестве стран своего рождения страны Европы, Ближнего и Среднего Востока, Восточной и Юго-Восточной Азии, а также страны Северной и Латинской Америки, Австралии и Океании (в сумме 0,6%) (таблица 1). Поскольку задачи дальнейшего анализа были связаны с анализом оценок населения относительно функционирования русского языка и образа России в трех типах государств, все страны происхождения респондентов из России были также сгруппированы в три категории (рисунок 1):

– Россия (88,8%);

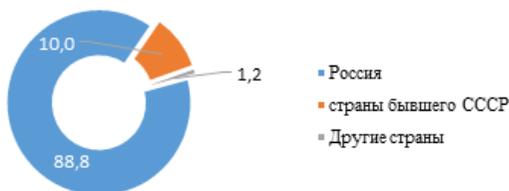
– страны постсоветского пространства (Азербайджан, Армения, Белорусия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Грузия, Эстония, Украина) (10,0%);

– другие страны (1,2%).

Таблица 1

Распределение опрошенных жителей России по странам происхождения

<i>Страна или регион</i>	<i>Страны, входящие в группу</i>	<i>Количество опрошенных</i>	<i>Доля среди всех ответивших на вопрос</i>
Россия		4458	72,2
СССР		1054	17,1
Страны, входящие в СНГ	Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан	460	7,4
Другие страны бывшего СССР	Грузия, Эстония, Украина	166	2,7
Страны Западной и Северной Европы	Норвегия, Великобритания, Германия, Франция, Швейцария	15	0,2
Страны Ближнего и Среднего Востока	Афганистан, Израиль, Иран, Сирия, Египет, Пакистан, Турция, Палестина	10	0,2
Страны Восточной и Юго-Восточной Азии	Вьетнам, Китай, Монголия	6	0,1
Другие страны	США, Австралия, Венесуэла, Нигерия	4	0,1
Страны Восточной Европы	Болгария, Польша, Чехословакия	3	0,05
Всего респондентов, ответивших на вопрос		6176	100,0

Рис. 1 Распределение респондентов по странам происхождения, %

Анализ данных о разделяемой респондентами этнической идентичности показал, что основную часть выборочной совокупности составили русские (64%), оставшаяся часть респондентов представляли

коренные народы России, народы стран СНГ и, в незначительной степени, народы других стран. Поскольку респонденты могли указать как одну, так и несколько национальностей, это доставило определенные трудности при подсчете количества ответов. Множественные идентичности выбрали только 11 человек, были указаны следующие сочетания идентичностей (практически все – в единичных вариантах): аварско-русская, бурятско-русская, армяно-русская, кабардино-русская, молдавско-русская, немецко-русская. В группе единственной идентичности 4,6% респондентов принадлежали к абхазо-адыгским народам (кабардинцы, адыгейцы, абазины, черкесы), 3% – к армянам, 2,9% – к татарам, по столько же – к бурятам, чеченцам и ингушам, 2,7% – к тувинцам, 2,5% – к осетинам и таджикам, 2,1% – к украинцам и белорусам, 2,1% – к чувашам, другие этнические группы оказались представленными менее чем 2% опрошенных, их подробное распределение представлено в таблице 2. Этнический состав в количественном и качественном соотношении, хоть и был довольно разнообразным и охватывал большинство крупных этнических групп, проживающих в России, существенно отличался как от реального распределения национальностей среди населения России, так и от региональных распределений. В этой связи, для использования в дальнейшем анализе признака этничности как фактора, влияющего на ключевые показатели, ответы респондентов были сведены в две категории. Первая категория включала респондентов, имеющих в своей этнической идентичности признак «русскости» (вне зависимости от того, была ли идентичность единичной или множественной), во вторую категорию были объединены респонденты, условно говоря, «нерусской национальности». Соотношение двух категорий было следующим: 60% респондентов имели русскую идентичность и 40% – имели другие этнические идентичности.

Таблица 2

Распределение опрошенных жителей России

<i>Народность</i>	<i>Количество опрошенных, указавших данную национальность</i>	<i>Доля национальности в выборке опрошенных, %</i>
Русские	3695	64,0
Абхазо-адыгские народы (кабардинцы, адыгейцы, абазины, черкесы)	265	4,6
Армяне	172	3,0
Татары	170	2,9
Буряты	168	2,9

Продолжение таблицы 2

Распределение опрошенных жителей России

<i>Народность</i>	<i>Количество опрошенных, указавших данную национальность</i>	<i>Доля национальности в выборке опрошенных, %</i>
Чечены и ингуши	163	2,8
Гувинцы	154	2,7
Иранские народы (осетины, таджики)	144	2,5
Другие славянские народы (украинцы, белорусы)	140	2,4
Чуваши	122	2,1
Финно-угорские народы (удмурты, мордва)	108	1,9
Казахи	88	1,5
Карачаевцы	79	1,4
Азербайджанцы	74	1,3
Алтайцы	72	1,2
Народы Дагестана (лезгины, даргинцы)	62	1,1
Узбеки	38	0,7
Евреи	32	0,6
Немцы	25	0,4
Всего	5771	100,0

Этническая идентификация населения рассматривалась с позиций овладения языком, национальной культурой, местом проживания и т.д. (рисунок 2).

Рис. 2. Факторы этнической идентификации, %.

Согласно совокупным данным по всем регионам, главными индикаторами этнической идентичности являются примордиальные характеристики этничности – язык (75,3%) и происхождение (этническая идентификация родителей) (74,2%), в то время как культурные и субъективные предпочтения находятся в иерархии компонентов этнической идентичности на втором и третьих местах: вариант ответа «культура» был выбран 56,5% опрошенных, осознание себя представителем своего народа – 56,1%.

Согласно сравнительному анализу, на выбор компонентов этнической идентичности оказывали существенное влияние социально-демографические и социокультурные факторы.

Так, для женщин оказались более значимыми, чем для мужчин, фактор этнической идентификации родителей (доля выбравших данный вариант ответа – 75,3%, в группе мужчин – 71,4%), а также соблюдаемые этнической группой традиции и обычаи (42,5%, в группе мужчин – 38,0%).

Возрастные, вернее, поколенческие различия, поскольку сравнивались три возрастные когорты – до 29 лет, 30-49 лет и 50 лет и старше, проявились в выборе практически всех вариантов ответа, однако на деле противопоставлялись мнения старшей и младшей возрастных групп, тогда как группа 30-49 летних демонстрировала промежуточную позицию, неотличимую от ожидаемой согласно полученному распределению. Для представителей старшего поколения большее значение имели «внешние» атрибуты этнической идентичности, используемые для демаркации этнических групп в процессе их взаимодействия, такие как язык, культура, традиции и обычаи, территориальная и религиозная принадлежность, кулинарные предпочтения и национальная одежда. Для молодежи было характерно преуменьшение значимости данных атрибутов, нивелируемых под влиянием глобализационных процессов, тогда как социально-психологические характеристики, связанные с самоидентификацией, национальным сознанием, свойствами национального характера и менталитета, если не преобладали, то, по крайней мере, имели такое же значение, как и в других группах.

Влияние образования проявилось в более частом выборе культуры, происхождения, менталитета, осознания своей этничности, религии и территории респондентами, имеющими высшее образование, тогда как участники, имеющие начальное профессиональное образование или более низкие образовательные уровни, реже выбирали ответы, связанные с религиозной

принадлежностью и проживанием на территории, считающейся родиной этнической группы (таблица 3).

Таблица 3

Различия в выборе компонентов этнической идентичности в основных социально-демографических группах исследования, %*

		Язык	Культура (в целом)	Еда	Осознание	Предки	Традиции, обычаи	Одежда	Менталитет	Религия	Территория
Пол	мужчины	73,4	55,0	33,7	54,8	71,4	38,0	7,9	43,3	37,3	55,0
	женщины	75,7	56,5	33,9	56,4	75,3	42,5	6,6	43,8	38,9	56,3
Возраст	до 29 лет	71,7	52,8	30,2	53,9	72,6	36,6	6,0	43,1	33,8	51,7
	30-49 лет	74,3	54,9	33,2	55,7	73,1	39,6	7,0	42,5	38,7	56,6
	50 лет и старше	78,5	61,3	40,1	56,6	75,2	46,6	9,7	45,8	43,8	58,9
Образование	НП или менее	74,2	51,6	32,1	50,2	70,9	39,3	7,7	40,4	35,0	51,3
	СП или НВ	72,9	53,8	32,8	52,5	70,8	39,2	7,6	40,5	37,2	54,0
	Высшее	76,0	59,1	35,2	60,1	76,4	41,4	6,7	47,3	40,1	58,6

* Здесь и далее в таблицах относительные частоты посчитаны по столбцам. Полужирным начертанием выделены группы в которых наблюдаемые частоты значимо превышают наблюдаемые, курсивом – значимо ниже ожидаемых (критерий χ^2 , $p < 0,05$).

Особое значение для выбора ключевых компонентов этнической идентичности имели также страна происхождения (рождения) и тип региона. Для респондентов, родившихся в России, более значимым было говорить и думать на языке своего народа (75,8% выборов, в группе стран бывшего СССР – 63,7%, в других странах – 53,8%) и жить на родине (59,5%, в других группах – 20,0% и 30,8% соответственно). Респонденты, родившиеся в странах бывшего СССР и других странах, помимо придания меньшего значения языку и проживанию на определенной территории, гораздо реже, чем респонденты, родившиеся в России, выбирали варианты ответа, связанные с происхождением и наследованием этничности от родителей (60,0% в группе других стран, в группе респондентов, родившихся в России – 73,5%, в группе стран СССР – 70,1%), исповедание определенной религии (21,5%, в других группах 37,7-39,2%). Судя по тому, что ответы респондентов из России противопоставлялись ответам

респондентов, родившихся в других странах без существенной дифференциации между постсоветскими и другими странами, эти различия свидетельствовали скорее о влиянии фактора мобильности, переезда в другую страну, способствовавших пересмотру взглядов на природу этничности и переосмысление собственной идентичности, чем межстрановые различия как таковые.

В национальных регионах было выявлена повышенная значимость национальной культуры (58,6%, в других регионах – 54,3-55%), национальной кухни (40,9%, в других регионах 31,4% и менее) и одежды (10,6%, в других регионах менее 6%), происхождения, соблюдения обычаев и традиций своего народа (45,6%, в других регионах менее 40%), исповедания соответствующей религии (49,1%, в других регионах менее 35%), а также проживания на определенной территории (61,0%, в других группах менее 53%). В моноэтнических регионах существенно меньшее значение имели традиции и обычаи народа, религия и территория (последние два компонента получили похожие оценки и в полиэтничных регионах).

Таким образом, в регионах с преобладанием русского населения наблюдалось снижение роли традиционных и религиозных практик, отсутствовала жесткая привязка этничности к территории, тогда как в национальных регионах со значительной численностью коренных народов России, эти факторы по-прежнему являлись приоритетными для этнической идентификации (таблица 4).

Таблица 4

Различия в выборе компонентов этнической идентичности в зависимости от типа региона и страны рождения респондента, %*

	Тип региона			Страна рождения		
	Национальный	Полиэтнический	Моноэтнический	Россия	страны СССР/СНГ	другие страны
Говорю и думаю на языке своего народа	73,4	73,4	76,3	75,8	63,7	53,8
Воспитан на национальной культуре	58,6	54,3	55,0	56,0	54,0	53,8
Употребляю национальную пищу	40,9	31,4	29,2	33,2	35,9	30,8
Осознаю себя представителем своего народа	56,3	56,4	53,9	56,1	51,0	47,7
Мои родители – представители этого народа	78,1	71,6	70,8	73,5	70,1	60,0

Продолжение таблицы 4

	Тип региона			Страна рождения		
	Национальный	Полиэтнический	Моноэтнический	Россия	страны СССР/СНГ	другие страны
Соблюдаю традиции, обычаи своего народа	45,6	39,5	36,2	40,0	41,0	38,5
Ношу национальную одежду	10,6	5,8	5,7	7,1	6,8	10,8
Обладаю чертами характера, менталитета своего народа	43,4	44,8	41,7	43,2	44,9	46,2
Исповедую соответствующую религию	49,1	35,0	30,7	37,7	39,2	21,5
Живу на родине	61,0	52,8	53,2	59,5	20,0	30,8

* Здесь и далее в таблицах относительные частоты посчитаны по столбцам. Полужирным начертанием выделены группы в которых наблюдаемые частоты значимо превышают наблюдаемые, курсивом – значимо ниже ожидаемых (критерий χ^2 , $p < 0,05$).

Тип региона и страна происхождения были важны не только как самостоятельные факторы, характеризующие определенные этнокультурные условия, формирующие представления и ожидания респондентов. Выбор значимых компонентов для определения этнической идентичности был в большей степени обусловлен самой этнической идентичностью, присущих респондентов из этих стран и регионов и сопряженными с ними религиозными практиками. Так, респонденты с русской идентичностью в большей степени ориентировались на знание языка и проживание на территории, считающейся родиной для какой-либо национальности, в то время как респонденты, в идентичности которых «русскость» отсутствовала чаще указывали на важность этнического происхождения, религии, национальной культуры в целом и отдельных культурных практик, таких как ношение национальной одежды, употребление национальной пищи (таблица 5).

Примечательны различия, выявленные в ходе анализа взаимосвязи между выбором важных компонентов этнической идентичности и религиозной принадлежностью респондентов. Владение языком национальности имело более важное значение для респондентов, ассоциирующих себя с христианской религией, тогда как важность этнического происхождения, причастность к национальной культуре, в том числе соблюдение традиций, обычаев,

предпочтение национальной еды и одежды чаще подчеркивали исповедующие буддизм и ислам. Территориальный фактор чаще отмечался респондентами, являющимися адептами буддизма и христианства, в то время как для мусульман, напротив, этот фактор имел меньшее значение. Свойства менталитета, характера, а также когнитивные процессы, связанные с осознанием собственной идентичности, чаще подчеркивались буддистами, в то время как респонденты, идентифицирующие себя как неверующие, атеисты этому фактору придавали меньшее значение (таблица 5). Таким образом, можно сделать вывод о том, что респонденты, не имеющие русской идентичности и исповедующие буддизм и ислам, имели классические представления об этнической идентичности, которая в значительной степени определялась факторами национальной культуры и традиционных верований, находила отражение во внешней демонстрации этнических различий посредством одежды и культурных предпочтений. Для христиан (большую часть которых составляли православные русские граждане) и атеистов было характерна увязка этничности с языком и территорией.

Таблица 5

**Различия в выборе компонентов этнической идентичности
зависимости от национальной и религиозной принадлежности
респондентов, %***

		Язык	Культура (в целом)	Еда	Осознание	Предки	Традиции, обычаи	Одежда	Менталитет	Религия	Территория
русские	Да	85,1	53,6	27,7	56,1	68,4	35,0	5,5	42,4	32,9	63,6
	Нет	58,1	58,9	42,1	54,5	80,0	47,7	9,6	44,9	44,8	42,8
Религия	Атеизм	68,1	45,6	23,9	48,1	69,5	23,5	5,1	36,5	9,5	53,5
	Буддизм	66,8	63,3	50,8	69,9	82,8	58,9	13,8	57,7	56,1	63,3
	Ислам	69,1	69,6	51,1	56,1	79,0	57,1	12,2	45,6	61,2	46,2
	Христианство	78,5	53,7	29,8	54,6	71,4	38,0	5,8	42,6	39,7	57,3

Далее предстояло выяснить какое место занимала этническая идентичность в иерархии других социальных идентичностей, в частности гражданской, территориальной (региональной и локальной),

цивилизационной (разных типов). Признавая наличие множественных идентичностей у индивида и понимая, что выраженность и актуализация определенных видов идентичностей зависят от многих ситуационных и контекстуальных факторов, мы сознательно ограничили свободу ответов респондентов, попросив их обозначить наиболее важную для них идентичность в момент проведения исследования (задавался следующий вопрос: «Что из перечисленного ниже лучше всего описывает Вас в настоящий момент?»).

Большинство жителей регионов России, принявших участие в опросе, в качестве наиболее ярко выраженной идентичности указали гражданскую идентичность (53,1%), на втором месте в общерегиональной иерархии находилась этническая идентичность (16,2%), однако ее выраженность существенно отставала от гражданской. Территориальные идентификации – региональная и локальная (местная) были выражены примерно у 9% респондентов, цивилизационные, такие как «восточный человек», «западный человек» вообще практически не распространены (3,4% и 1,2%) наднациональная идентификация с общностью «граждан мира», людей без гражданства, космополитов разделялась 7,4% опрошенных (рисунок 3).

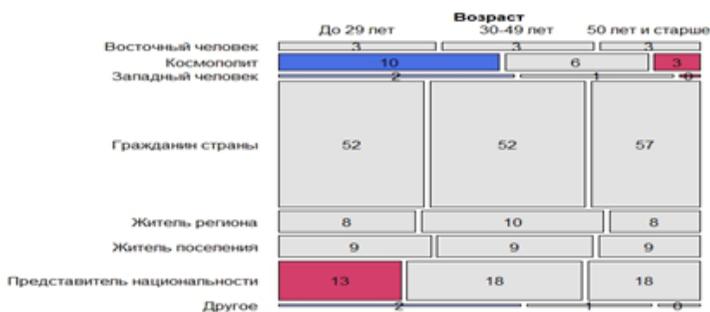

Рис.3 Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного лучше всего характеризует Вас в данный момент?», %

Среди социально-демографических факторов, определяющих выбор идентичности, статистическую значимость имели возраст, образовательный уровень и тип региона проживания респондентов, среди социокультурных факторов наиболее существенное значение имели этничность и религиозная принадлежность.

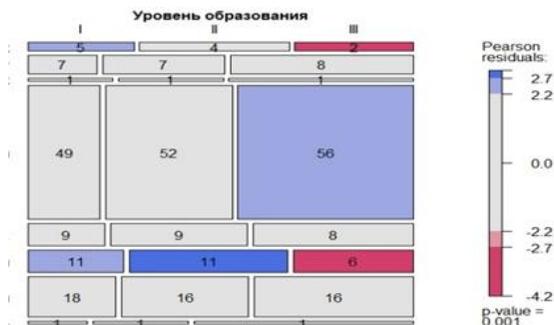
Основные возрастные отличия касались выбора национальной (этнической) идентичности и ее своеобразного антипода – наднациональной, космополитической идентичности, предполагающей отказ от гражданства и принятие общечеловеческих, общепланетарных

ценностей, ставящих интересы всего человечества в целом выше интересов отдельной нации или государства и рассматривающая человека как свободного индивида. Первая значимо реже выбиралась представителями молодого поколения – до 29 лет (13% ответов, в других группах – 18%), тогда как вторая, напротив имела большую популярность среди молодежи (10%) и реже всего выбиралась респондентами старше 50 лет (ответы старшего поколения отчасти испытывали отголоски влияния советской «борьбы с космополитизмом», который, в отличие от поощряемого интернационализма клеймился как буржуазная и неприемлемая для советского человека идеология, что обусловило негативное восприятие самого термина). Кроме того, респонденты из числа молодежи значимо чаще причисляли себя к «западным людям» (2%), в то время старшей возрастной группе эта идентификация не присутствовала совсем (рисунок 4).

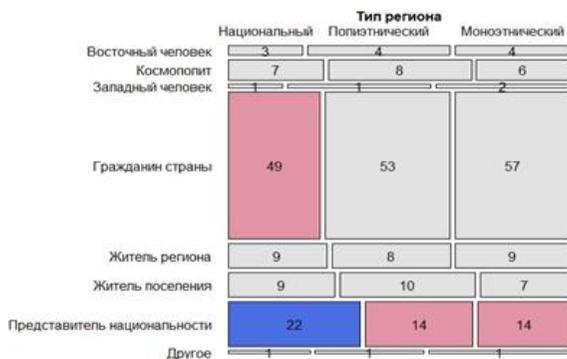
Рис. 4 Взаимосвязь между выбором наиболее значимой идентичности и возрастом респондентов, %

Образовательный уровень респондентов имел значение при выборе таких идентичностей как «восточный человек» и «житель поселения», значимо реже выбирающихся респондентами с высшим образованием, по сравнению с респондентами, имеющими среднее или начальное профессиональное образование (рисунок 5).

Рис. 5 Взаимосвязь между выбором наиболее значимой идентичности и уровнем образования респондентов, %¹

Тип региона проживания респондента отразился на выборе гражданской и этнической идентичности в качестве ведущих: в иерархии социальных идентичностей жителей, проживающих в национальных регионах, этническая идентичность занимала более высокое место (22% выборов), чем у жителей поли- и моноэтнических регионов России (по 14%), в то время как гражданская идентичность, напротив, имела меньшее значение (данный тип был выбран 49% респондентов, в то время как в других регионах – от 53% до 57%) (рисунк 6).

Рис. 6 Взаимосвязь между выбором наиболее значимой идентичности и типом региона, %

¹ Здесь и далее в диаграммах указаны следующие образовательные уровни: I – начальное профессиональное или менее, II – среднее профессиональное или незаконченное высшее, III – высшее образование, включая магистратуру, аспирантуру, наличие ученой степени.

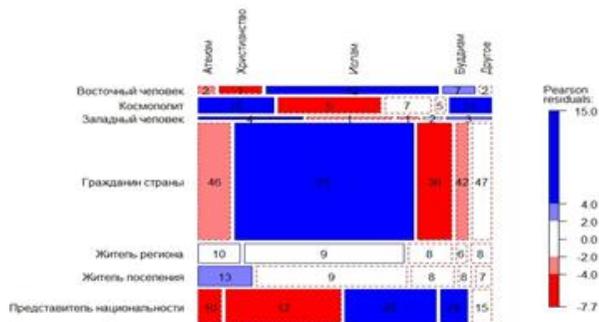
Анализ взаимосвязи между этнической идентичностью (наличием/отсутствием русской идентичности) и выбором ведущего типа идентичности еще раз наглядно продемонстрировал тенденции сохранения значимости этнического фактора среди коренных (нерусских) национальностей и вытеснения/замены этнической идентификации гражданской у русского населения. Гражданская идентичность среди русских отмечалась на 20% чаще, чем среди других национальностей, тогда как среди представителей иноэтнических групп доля выбравших национальную принадлежность в качестве ведущей более чем в 2,0 раза превышала долю отметивших данный вариант ответа среди русских, этой же группе была присуща большая причастность к восточной цивилизации (7% ответов, среди русских – только 1%), (рисунок 7).

Рис. 7 Взаимосвязь между выбором наиболее значимой идентичности и национальной (этнической) идентичностью респондента, %

Согласно полученным данным, представители разных религиозных направлений, включая отказ от религии (атеизм), имели различные конфигурации идентификационных матриц. С «восточными людьми» значительно чаще идентифицировали себя последователи ислама (12%) и буддизма (7%, в других группах не более 2%), тогда как западная и космополитическая идентичности оказались в большей степени присуща атеистам и выбравшим «другое» в качестве варианта ответа (большая часть респондентов из данной категории являлись «неопределившимися», верящими в некие общие «божественные силы»). Гражданская идентификация однозначно ассоциировалась с христианством, тогда как национальная (этническая) – с исламом и буддизмом. Примечательно, что локальная идентичность

(идентификация себя с жителями конкретного поселения) в большей степени была присуща респондентам без определенных религиозных предпочтений (рисунок 8).

Рис. 8 Взаимосвязь между выбором наиболее значимой идентичности и религиозной принадлежностью, %

Лингвистическая идентичность и лингвистические практики респондентов исследовались путем выяснения их родного языка, а также языков, используемых в повседневном общении, в общественных местах, выявления их различий в значимых с позиций исследования социально-демографических и социокультурных группах населения.

Отвечая на вопросы по поводу родного языка, 75,8% респондентов указали, что считают родным только один язык, 23,7% – имеют два и более родных языков, одним из которых является русский и 0,5% – два и более родных языка, среди которых русского языка нет (рисунок 9).

Рис. 9 Распределение респондентов по странам происхождения, %

В группе с единственным родным языком, для 84,5% респондентов это был русский язык, для 2,3% – чеченский, для 2,1% –

тувинский, для 1,9% – кабардинский. От 0,5% до 1% респондентов (по каждому языку) в качестве родного отметили бурятский, армянский, татарский, карачаевский, адыгейский, алтайский, узбекский, от 0,1% до 0,5% – азербайджанский, таджикский, аварский, балкарский, лезгинский, осетинский, чувашский, казахский, абазинский, даргинский, киргизский, кумыцкий, лакский, украинский, французский, черкесский. Единичные случаи владения были выявлены в отношении арабского белорусского, вьетнамского, грузинского, дигорского, иврита, изидского, китайского, корейского кумандинского, курдского, латышского, мегрельского, мокшанского, мордовского, норвежского, польского, табасаранского, туркменского, хакасского, цыганского, эрзянского языков.

Из совокупности респондентов, владеющих двумя языками, включая русский, в 7,8% случаев сочетание языков включало русский и украинские языки, в 7,7% – русский и армянский, в 7,6% – русский и бурятский, в оставшихся случаях – сочетание с другими языками. Реже всего встречалось сочетание русского языка с абазинским, немецким и черкесским языками (по 1,8% в каждом сочетании), русского и даргинского (1,6%), мордовского (1,0%), лезгинского, английского и таджикского языков (по 1%). Прослеживается довольно четкая тенденция владения двумя языками, являющимися либо вторыми государственными языками в национальных республиках, либо языками наиболее крупных диаспор народов стран СНГ, длительное время проживающих на территории России.

Что касается двуязычия респондентов, не включающего русский язык, то наиболее частотными были сочетания алтайского и казахского или алтайского и кумандинского языков, а также чеченского и арабского (по 6,7%). Другие сочетания были представлены в меньшей степени: абазинский и черкесский (3,3%), аварский и азербайджанский, аварский, кумыкский и лакский языки (по 3,3%), вайнахские языки – чеченский и ингушский (3,3%), ногайский и кумыкский, осетинский и дигорский, осетинский и грузинский, табасаранский и даргинский, таджикский и арабский, таджикский, фарси и иранский, татарский и бурятский, тувинский и монгольский, турецкий и кумыкский, узбекский и башкирский, чеченский и армянский, а также другие, более редкие сочетания. В большинстве случаев языковая пара (редко три, тогда туда включался еще и иностранный язык – английский или немецкий) включала родственные языки (например, чеченский и ингушский, алтайский и казахский, таджикский и фарси) либо языки народов, проживающих в приграничной зоне, соединяющей разные государства (тувинский и монгольский, осетинский и грузинский).

Помимо вопроса, касающегося родного языка, был задан дополнительный: «Какой язык Вы впервые выучили в детстве и все еще понимаете?», акцентирующий внимание на очередности изучения того или иного языка и его сохранение в течение жизни. В общей выборке по всем регионам, 68,8% респондентов указали в качестве такого языка русский язык, 25,6% – другой язык и 5,6% – два языка, включая русский.

В моноэтнических и полиэтнических регионах, а также в группах респондентов, родившихся в России, преобладал только русский язык (72-83%). В национальных регионах более частыми по сравнению с другими регионами являлись ситуации, когда первым выученным языком являлся этнический язык (45%) либо родными, становились сразу два языка, один из которых являлся русским (11,2%).

В группе выходцев из постсоветских стран и стран дальнего зарубежья чаще всего родным являлся другой язык (50,3% и 46,9% случаев). Примечательно, что доля русского языка как первого выученного в группе респондентов, родившихся в странах бывшего СССР (44,3%) была ниже, чем в других странах и значимо отличалась от теоретического ожидаемого значения (скорректированные стандартизированные остатки составили – 13,8), что является результатом проводимой в данных странах после распада СССР политики дерусификации и интенсивного вытеснения русского языка национальными языками (подробнее об этих процессах см. Чибисов, 2009; Цветков, 2011, Воевода, 2012).

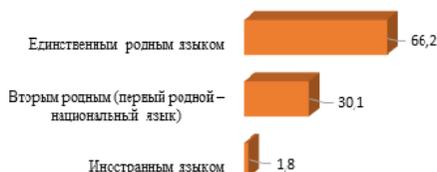
Вполне очевидным образом, в группе респондентов с доминирующей русской идентичностью первым выученным языком являлся русский язык (94,6%). Однако, около 4% респондентов данной группы отметили, что первым языком для них являлся другой язык, 1,5% – указали на владение русским и другим языком. Таким образом, последние две категории респондентов иллюстрировали яркое несовпадение между этнической и лингвистической идентичностью и являли собой довольно редкий случай сохранения родного (национального языка) при приобретении доминирующей в государстве этнической идентичности. Распределение владения родным языком в различных религиозных группах было частично взаимосвязано с распределением в этнических группах. Владение русским языком на уровне первого выученного родного было в большей степени характерно для исповедующих христианство (73,8%) или атеистов (18%, в других группах не более 5,8%), тогда как другие языки в качестве родных указывались респондентами, принадлежащими к мусульманской и буддистской религиям (49,0% и

14,4%, других группах не более 28,4%). В этих же группах чаще практиковалось двуязычие (рисунок 10).

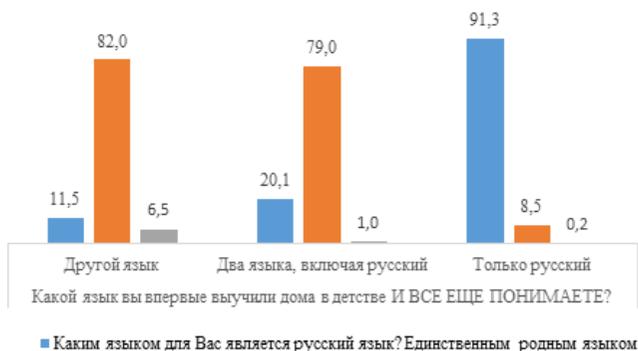
Рис. 10 Распределение ответов на вопрос: «Какой язык Вы первым выучили в детстве, и все еще понимаете?» в зависимости от типа региона, страны происхождения, этнической и религиозной принадлежности респондентов, %

Еще один уточняющий вопрос: «Каким языком для Вас является русский язык» задавался, во-первых, для уточнения информации, полученной по другим вопросам, которые касались языков, и, во-вторых, для выяснения отношения по отношению к русскому языку у тех респондентов, которые имели в своем активе другие языки. Одномерное распределение было следующим: 66,2% респондентов отметили, что русский является «единственным родным языком»; 30,1% – вторым родным (первый родной – национальный язык), и для 1,8% участников опроса русский язык являлся иностранным языком (рисунок 11).

Рис. 11 Распределение ответов населения, проживающего в России на вопрос «Каким языком для Вас является русский язык?», %

Если первым выученным языком в детстве являлся русский, то в 91,3% случаев русский оценивался респондентами как единственный родной язык. Однако 8,5% респондентов из данной группы отметили, что русский является вторым родным языком, тогда как первым родным является национальный, то есть наблюдалась перемена отношения к русскому языку, которая не могла быть объяснена простой хронологией жизненных событий: первым выученным языком был русский, а вторым, вероятно, национальный, но в актуальной иерархии языков, существующей в создании респондентов, они поменялись местами. Подобная ситуация чаще всего наблюдалась в национальных регионах, где 18,9% респондентов (практически, каждый пятый), у которых первым выученным языком был русский, считали его вторым родным языком (для сравнения: в полиэтнических регионах подобные ответы составили 8,9%, в моноэтнических – только 3%). Еще одна неоднозначная ситуация, характерная для 0,2% ответов, заключалась в том, что респонденты с первым родным языком обозначали его в качестве иностранного, что можно было объяснить только личными качествами респондента, его специфическим отношением к исследованию, желанием дать экстравагантный вариант ответа (рисунок 12).

Рис. 12 Распределение ответов населения, проживающего в России на вопрос «Каким языком для Вас является русский язык?» в зависимости от родного языка респондента %.

Сравнительный анализ различий ответов на вопрос об отношении к русскому языку показал, что в моно- и полиэтнических регионах русский значимо чаще являлся единственным родным языком (84,4% и

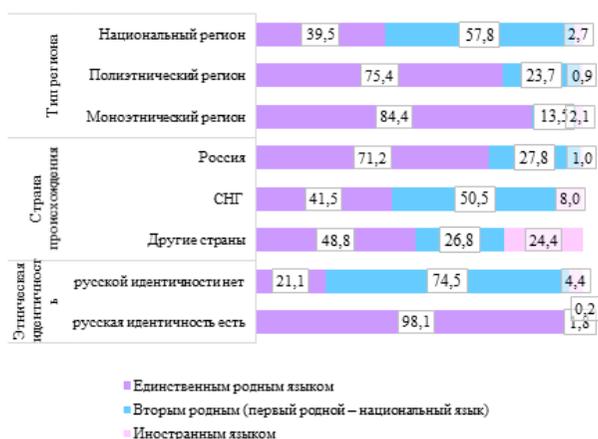
75,4% ответов), тогда как в национальных регионах – вторым родным после национального (57,8%, в других регионах – 13,5% и 23,7%).

Среди респондентов, родившихся в России, 71,2% указали, что русский язык является единственным родным, почти треть отметили, что он является вторым родным после национального и 1,0% - что он является для них иностранным языком.

В группе респондентов, родившихся в странах бывшего СССР (кроме России), 41,5% – также отметили, что русский является для них единственным родным языком, и 50,5% – что он является вторым родным. Только 8% опрошенных, родившихся в новых независимых государствах, указали, что русский является для них иностранным. Эти ответы имели принципиальное значение, поскольку являлись свидетельством того, что несмотря на определенные политические события, восприятие русского языка на постсоветском пространстве осталось тем же, каким было во времена, когда все государства составляли единое целое, и характеризуется приданием русского особого статуса языка, объединяющего наши государства (не иностранного). Более того, сравнение ответов в группах респондентов разного возраста привело к еще более поразительным результатам: среди респондентов до 29 лет, родившихся в постсоветских странах, только 4,3% назвали русский язык иностранным, больше всего таких ответов (12,9%) было выявлено в группе 30-49 летних (чье детство и юность как раз пришлись на период «парада суверенитетов» и формирование национальных политик в новых государствах), промежуточную позицию заняло старшее поколение, 10,4% разделяли отношение к русскому языку как к иностранному ($p < 0,05$, χ^2), что еще раз подтверждало тезис об особой роли русского языка на постсоветском пространстве.

Результаты исследования в регионах России показали, что несмотря на увеличивающуюся тенденцию разрыва между языком и этнической идентичностью, в большинстве случаев, по крайней мере применительно к российским условиям, и в особенности к русскому населению, эта связь сохраняется и является очень тесной: 98,1% респондентов, имеющих русскую идентичность, считают русский язык единственным родным языком и только 2% – отмечают другие варианты. В том случае, если указывалась другая этническая идентичность, 74,5% респондентов отмечали, что русский является вторым родным языком после национального, 4,4% – что он является иностранным языком. В то же время, 21,1% респондентов нерусской национальности также указали, что русский язык является их единственным родным языком (рисунок 13). Таким образом, если для

русского населения, связка языка и этничности являлась довольно жесткой, то для остальных национальностей была характерна тенденция замены национального языка на русский (что мы видели ранее на примере анализа переписей населения). При этом, тенденция вытеснения русского языка среди коренных (нерусских) народов России и других национальностей прогрессировала по мере увеличения доли русского населения в регионе: если в национальных регионах среди иноэтнических респондентов русский язык считали единственным родным языком только 13,8% опрошенных, то в полиэтнических регионах таких респондентов было уже 24,7%, а в моноэтнических регионах – 35,3%.

Рис. 13 Различия в ответах на вопрос о персональном статусе русского языка в зависимости от типа региона, страны происхождения и типа этнической идентичности, %

Анализ специфики употребления русского языка в повседневной жизни, как средства для домашнего общения, также позволил сделать вывод о большей распространенности русского языка, даже в случаях, когда он не являлся основным языком: только на русском языке в семье говорили 79,4% опрошенных (тогда как родной русский – только у 68,8%), на другом языке – 16,9% (родной другой – 25,6%), на двух языках, включая русский (3,7%, хотя два родных были указаны у 5,6% опрошенных). Таким образом, согласно полученным данным, 97% из тех, у кого русский являлся родным языком, дома говорили только по-русски, и только 3% - на других языках или являлись билингвами.

Среди респондентов, для которых родным являлся другой язык, 38,3% – говорили тем не менее дома только по-русски, 7% – практиковали двуязычие. В группе с двумя родными языками 44,5% опрошенных дома говорили только по-русски и 35,0% – на других языках, то есть в 80% случаев происходило свертывание двуязычия до одного используемого языка, и только 20,5% опрошенных продолжали разговаривать на двух языках (при этом не обязательно это те же языки, которые респондент указал в качестве родных, поскольку специальных вопросов не задавалось, выяснить этот факт не представлялось возможным) (различия значимы на 5% уровне, критерий χ^2) (рисунок 14).

Одним из наиболее важных факторов, определяющих язык домашнего общения, являлся тип региона проживания респондента: в моноэтнических регионах, 90,6% опрошенного населения говорили дома только по-русски, 7,6% – на другом языке, 1,9% – на двух языках, один из которых являлся русским. В полиэтнических регионах ситуация в целом была сходной с моноэтническими регионами: по-русски дома говорили 89,1% опрошенных, на другом языке – 8,3%, на двух языках (тенденция увеличения использования других языков не является статистически значимой) – 2,6%. В национальных регионах на русском языке дома говорили только 54,1% опрошенных, на другом языке – 38,8%, что существенно выше, чем в других регионах, и еще 7,1% опрошенных отметили, что используют два языка.

Различия ответов в зависимости от страны происхождения заключались в значимо меньшем использовании других языков в повседневном общении среди родившихся в России (15,6%, в других странах около 28%) и, напротив, повышенного использования других языков в странах бывшего СССР (27,6%), а также билингвизма, практикуемого дома в среде выходцев из других государств (доля данных ответов в группе респондентов из постсоветских стран составила 6,2%, в группе других стран – 10,6%). Таким образом, иностранное происхождение респондентов способствовало сохранению практик использования других языков в среде повседневного общения, большему распространению билингвизма.

Влияние этнической идентичности на употребление языка в повседневной среде было сходно с выявленным в ходе анализа родных языков и взаимосвязи между регионами. В группе русских общение дома происходило в 99,3% случаев на русском языке и только 0,7% респондентов сообщили, что общаются дома на других языках, в группе с другой идентичностью русский язык дома использовали чуть менее половины (49,7%) опрошенных, тогда как 42% – общаются на

другом языке и 8,5% – использовали два языка. Использование преимущественно русского языка дома ассоциировалось кроме русской этничности с христианством или атеизмом, тогда как использование других языков – с исламом и буддизмом ($p < 0,05$, χ^2 , рисунок 15).

В отличие от сферы частного семейного, домашнего общения, в общественной, публичной сфере доминирование русского языка проявлялось более ярко: 90,0% респондентов в общей выборке по всем регионам указали, что в общественных местах используют только русский язык, другой язык используют только 2,6% опрошенных, о возможности использовать два языка сообщили 5,4% участников исследования, 2% – уклонились от ответа.

В моно- и полиэтнических регионах употребление русского языка в общественной сфере являлось преобладающим (97,3% и 95,7% соответственно). В национальных регионах на русском языке говорили 81,0% опрошенных, что существенно меньше, чем в других регионах, соответственно возрастала доля использования других языков (7,5%) и двуязычия (11,6%). Между тем, даже в однотипных регионах ситуация была различной: среди национальных регионов, охваченных исследованием, больше всего использование других языков в общественных местах отмечали респонденты в Республике Тыва (25,9%), Чеченской республике (20,5%) и Республике Алтай (14,4%), в меньшей степени – в Республике Мордовия (0,5%). В группе полиэтнических регионов употребление других языков в общественных местах чаще отмечалось респондентами из Москвы (14,3% ответов), в моноэтнических регионах – в Воронежской области (33,3% ответов), что можно объяснить существенным притоком иностранных мигрантов). Различия ответов об использовании языков в общественных местах в зависимости от страны происхождения проявились только в значимо большем использовании других языков (6,5%) выходцами из стран дальнего зарубежья (в группе родившихся в России – 2,7%, среди стран постсоветского пространства – 2,0%). Русская этническая идентичность ассоциировалась с использованием в общественных местах только русского языка (98,8%), тогда как другие идентичности предполагали употребление других языков (6,4% ответов), а также – максимального использования потенциала билингвизма (12,2%, среди русских – только 1,0%). Среди христиан и атеистов было значимо меньше использующих другой язык (только 0,5% и 1,9% соответственно), тогда как использование другого языка среди исповедующих буддизм и ислам, напротив, было существенно более высоким – 14,4% и 6,5%. В этих этнорелигиозных группах был

также наиболее высокий процент респондентов с билингвальными практиками – 23,5% и 11,4% соответственно (рисунок 16).

Рис. 14 Взаимосвязь между родным языком (языками) респондента и языком, на котором происходит общение дома, %

Рис. 15 Различия в языке, на котором происходит общение дома в зависимости от типа региона, страны происхождения, этнической и региональной идентичностей, %

Рис. 16 Распределение респондентов по странам происхождения, %

На вопрос о том, что является наиболее важными характеристиками русского языка, его роли и позиции в мире, 59,8% опрошенных ответили, что русский язык – это прежде всего государственный язык, чуть менее половины (49,3%) – что это язык мировой художественной культуры – литературы, кино, театра и т.д. На третьем месте по частоте ответов стояла позиция «русский язык – это один из важных факторов, объединяющий многонациональный российский народ» (48,6%). Замыкала список утверждений, получивших наибольшую поддержку респондентов, альтернатива «русский язык – один и наиболее востребованных языков, объединяющих русскоговорящих людей во всем мире» (42,3%).

Рис. 17 Распределение ответов на вопрос: «Что на ваш взгляд, является наиболее важными характеристиками русского языка?», %

Другие варианты ответа, характеризующие русский язык как инструмент международных отношений и дипломатии, средство для получения образования, язык науки и высоких технических достижений, были выбраны только пятой частью опрошенных или менее (рисунок 17). Около 1% респондентов предложили собственный вариант ответа, в котором подчеркивались красота и богатство русского языка (*«богатейший словарный запас и разнообразие форм выражения мыслей», «богатство и разнообразие словоформ», «богатый и прекрасный язык», «многогранность, емкость, красота»*), а также его сложность, создающая с одной стороны трудности для изучения, а с другой – возможности для самовыражения (*«это один из самых сложных языков, богатый стилями», «самый точный (в объяснении событий)»*). Немаловажным являлось и то, что в «открытых» ответах респонденты подчеркивали существующую связь между русским языком и повседневной жизнью людей, их идентичностью и преемственностью поколений (*«для меня это средство общения», «как учили в детстве, так и говорю», «на нем говорили мои предки», «мой родной язык», «русский язык – я думаю по-русски», «то, что я на нем говорю это главное», «его учат в школе»*). Единичными являлись ответы, раскрывающие возможности русского языка в объединении не только представителей разных национальностей, но и разного вероисповедания (*«язык конфессионального общения»*), а также юмористически-политические высказывания (*«на нем Путин В.В. разговаривает»*).

Таким образом, в представлениях населения регионов России, русский язык прежде всего ассоциировался с русской (российской) государственностью, подчеркивались его консолидирующие, объединяющие функции в условиях многонациональной среды, второй по значимости характеристикой являлась роль русского языка в формировании национального культурного наследия России, его литературно-художественного достояния.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ в рамках научного проекта № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах России».

ГЛАВА II

ЭТНИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ¹

Асадуллина Г.Р.

*доцент кафедры социологии и работы с молодежью
Башкирского государственного университета, старший научный
сотрудник БашГУ, г. Уфа*

Садретдинова Э. В.

*доцент кафедры социологии и работы с молодежью
Башкирского государственного университета, старший научный
сотрудник БашГУ, г. Уфа*

Шайхисламов Р.Б.

*профессор кафедры социологии и работы с молодежью
Башкирского государственного университета, главный научный
сотрудник БашГУ, г. Уфа*

Аннотация. В главе монографии рассматривается на основе анализа данных проектов, реализованных авторами в 2020 и 2021 годах, проблема взаимосвязи этнической и языковой идентичности в молодежной среде Башкортостана. Языковая идентичность определяется как язык мышления, как язык понятий, суждений, умозаключений, осуществляемых индивидом во внутреннем диалоге. Язык, определяемый индивидом как родной, не всегда является языком его мышления, и поэтому не является в полной мере показателем языковой идентичности. В то же время несоответствие языковой и этнической идентичности не является само по себе признаком неизбежной утраты этничности. Язык мышления, не соответствующий языку этничности (традиционному этническому языку), может быть фактором и ассимиляции, и мультикультурализма, и межэтнической интеграции, предполагающей сохранение этничности. Вопрос только в другом – какая форма дифференциации этнической и языковой идентичности – является ведущей тенденцией сегодня и станет в будущем.

Ключевые слова: молодежь, родной язык, языковая идентичность, этническая идентичность, социальное конструирование.

Одной из самых обсуждаемых и в научных кругах, и в общественности, является проблема сохранения и развития

---

¹ Глава выполнена в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг. по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог».

миноритарных языков. При этом представители общественности исходят из представлений о прямой зависимости между уменьшением доли носителей миноритарных языков и утратой этничности («без языка нет будущего у народа»). Эти опасения имеют под собой основания – языковая и этническая социализация в реальности тесно связаны. Но насколько значима связь между языковой и этнической социализацией? Является ли язык этничности непреложным условием этнической идентичности? В отношении этих вопросов существуют, как известно, два подхода – примордиалистский и конструктивистский¹.

Рассуждая на основе примеров из истории европейских стран на тему, является ли язык обязательным основанием формирования этносов и этнической идентичности, известный американский исследователь этой проблемы Д.Джозеф приходит к выводу, что взаимосвязь между этнической идентичностью и традиционным языком является более сложной, чем это представляется многим исследователям². Рассуждения этого автора касаются главным образом вопроса о роли языков в формировании западноевропейских этносов в эпоху Возрождения и в Новое время.

Э. Хобсбаум обращает свое внимание на таком аспекте взаимосвязи языка и этнической идентичности, как многоязычие. Он показывает, что в историческом плане в основе национальной однородности лежит множественная идентичность. Вследствие этого «национальный язык» в большинстве стран сформировался на основе многоязычия³. Данный автор также затрагивает проблему изучения родных языков. По мнению Э. Хобсбаума, важнейшую роль в сохранении и трансляции родного языка играет, прежде всего, семья и практики неформального общения в ближайшем окружении человека, а не формальные образовательные практики в учебных заведениях. «...В сущности, требование официального обучения на языке, отличном от общепринятого, когда оно не приносит очевидной выгоды ученикам, оказывается требованием признания власти или статуса, а не более легкого обучения. Но оно также может быть требованием обеспечения выживания и развития «неконкурентоспособного» языка,

---

¹ Фишман Дж.А. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 132–140.

² Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 20–48.

³ Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 49–59.

который в противном случае обречен на исчезновение... Одно только двуязычное обучение не поможет»¹.

Проблемам миноритарных языков обращена работа профессора университета Аляски М. Краусса, не занимающего позицию беспристрастного наблюдателя процесса исчезновения отдельных языков. Он видит прямую связь между исчезновением языка и социобиологическим вырождением: «языковая опасность в значительной степени сравнима с опасностью биологических видов в естественном мире и связана с ней... Языки, которые дети больше не изучают в качестве родного языка, находятся за пределами простой опасности, поскольку, если курс не будет каким-то образом резко изменен, они уже обречены на вымирание, как виды, лишённые репродуктивной способности»². Вопрос о взаимной зависимости между этничностью и этническим языком широко обсуждается в отечественных социально-гуманитарных науках. Одни ученые считают, что утрата этнического языка неизбежно приводит к утрате этничности, другие полагают, что между изменениями этничностью и этнического языка не существует такой жесткой взаимозависимости³.

В главе настоящей монографии мы подвергнем анализу места языка в этнической идентификации в молодежной среде такого многоязычного региона, как Башкортостан. В основе нашего анализа находятся следующие эмпирические данные: 1. В рамках реализации проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» в Башкортостане, Татарстане, Белгородской и Тюменской областях, Алтайском крае в 2020 году; 2. В рамках реализации проекта РФФИ «Социальное конструирование родного языка и проблем его сохранения в молодежной среде Башкортостана» в 2019-2021 годы (глубинное интервьюирование, стандартизированное интервьюирование).

---

¹ Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 49–59.

² Krauss M. The world's languages in crisis // Language. – 1992. – Vol. 68, No 1. – P. 4–10.

³ Анализ этой проблемы см.: Тишков В.А., Акбаев Х.М. «Народ не умирает с языком» или «язык не живет без народа»? // Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / Отв. ред. Е.И. Филиппова и С.В. Соколовский. – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия — Телеком, 2020. – С. 19–39.

В результате анкетирования, проведенного в 2020 году в пяти субъектах страны, были получены данные об идентификаторах этничности среди молодежи. Среди таких идентификаторов были языковые факторы, сформулированные как «*думаю на языке этого народа*» и «*говорю больше на языке этого народа, хотя и думаю на другом языке*». Фактор языка, по этим данным, не является атрибутивным свойством этничности. Фактор «*думаю на языке этого народа*» в своей собственной этнической идентификации отметили от 35 до 60 процентов респондентов в разных регионах (в Башкортостане – 40%, в Татарстане – 35%, в Алтайском крае – 59%, в Тюменской области – 60%, в Белгородской области – 57%). Эти данные говорят о том, что от 65 до 40 процента респондентов в разных регионах не считают язык этничности неизменным признаком этнической идентичности. Значительная часть молодежи нерусской идентичности (об этом речь пойдет ниже) думает на русском языке, однако для нее это не является основанием отнести себя к русским. При этом некоторые из числа такой молодежи, думая на русском языке, не утратили навыки общения на языке этнической идентичности. Этот факт также рассматривается частью респондентов (17 – 24%) как основание для определения своей этнической идентичности. Язык этничности, таким образом, в глазах молодежи представляется важным, но не обязательным признаком, по которому определяется этническая идентичность. Правильным будет вывод – язык этничности является одним из важных компонентов системы идентификаторов этнической идентификации молодежи. В эту систему входят, кроме языка этничности, этническая идентичность родителей, *представляющая собой ядро этой системы*; этническая культура в целом и этнические традиции и праздники в частности; проживание на территории, считающейся этнической родиной; антропологические признаки этничности. Периферийными компонентами системы идентификаторов этнической идентификации сопричастность к общему историческому прошлому народа, общая государственность, конфессиональная принадлежность. Культурные компоненты этой системы идентификаторов прямо или косвенно связаны с языком этничности (праздники, традиции, песни); они образуют вместе социокультурную подсистему этнической идентичности. Этническая идентификация молодежи представляет собой многосоставной процесс. В таблице 1 приводятся данные по пяти регионам страны определения молодежью социокультурных факторов своей этнической идентичности.

Сравнение этих по разным регионам показывает, что наибольшие различия в ответах респондентов показывает такой фактор, как «думаю на языке этого народа». Эти различия обусловлены этническим составом этих регионов. В регионах, в которых русские составляют абсолютное большинство населения, этот фактор является более значимым. Фактор «думаю на языке этого народа» в большей степени отмечается респондентами русской идентичности.

Таблица 1

Социокультурные идентификаторы этнической идентификации молодежи (в%)*

	Башкортостан	Татарстан	Алтайский край	Тюменская область	Белгородская область
Культуру этого народа считаю своей	56,2	47,1	50,0	57,8	53,8
Думаю на языке этого народа	39,6	34,5	58,7	60,6	57,2
Общие черты национального характера	28,3	19,4	28,0	32,4	29,0
Говорю больше на языке народа, хотя думаю другом языке	23,5	18,6	17,3	19,9	17,0
Исповедую религию этого народа	22,9	24,6	23,2	29,2	34,8

*Данные исследования «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020, N=4000. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

В таблице 2 приведены значения этого фактора по трем группам этнической идентичности – русских, башкир и татар в разных регионах.

Таблица 2

Язык, на котором думают, как фактор этнической идентичности молодежи (в%)

Думаю на языке этого народа	Русские	Башкиры*	Татары*	Другие
Республика Башкортостан	61,9	32,4	25,7	32,8
Республика Татарстан	56,7	-	23,8	22,9
Тюменская область	67,7	-	-	32,7
Алтайский край	61,3	-	-	22,5
Белгородская область	60,5	-	-	22,3

*Башкиры и татары включены в категорию «другие» в тех регионах, где их доля в выборочной совокупности не является репрезентативной.

Мы видим двукратную разницу в выборе языка как этнического идентификатора между русскими и представителями других этносов. Для всех респондентов русской идентичности, за исключением единичных случаев, русский - язык, на котором и думают, и говорят, и общаются. Этот факт для тех из них, кто не указал на фактор «думаю на языке этого народа», является само по себе разумным компонентом этнической идентичности. В то же время значительная часть молодежи другой этнической идентичности думает не на языке этничности, а на русском языке, что обусловлено коммуникативной средой городов, крупных поселков, предприятий, учебных заведений. Поэтому язык этничности для большинства молодых людей нерусской этнической идентичности является менее значимым.

В опросе молодежи в 2021 году в рамках проекта «Социальное конструирование «родной язык» и «проблема сохранения родного языка» в молодежной среде Башкортостана» мы предложили респондентам не просто указать разные факторы своей этнической идентичности, а определить их значимость. Мы исходим из того, что языковой фактор для абсолютного большинства молодежи обладает значением в определении своей этнической идентичности, но – в разной степени (см. таблицу 3).

Таблица 3

Степень значимости идентификатора «думаю на языке (языках) народа (народов)» (в%)

Этническая идентичность	Степень значимости идентификатора			
	первостепенная	второстепенная	третьестепенная	не имеет значения
русские	56,9	20,6	6,7	15,8
башкиры	53,0	18,4	10,9	17,7
татары	28,9	19,7	14,2	37,2
другие	21,6	36,5	13,5	28,4
Двойная идентичность: русская и другая	36,4	32,3	15,1	16,2
Другая двойная идентичность	15,6	18,7	18,8	46,9

Что касается второго языкового идентификатора – «говорю больше на языке (языках) этого народа (народов), хотя думаю на другом языке» - то их значимость оценивается респондентами разной этнической идентичности примерно так же, как и первый

идентификатор («думаю...»), отклонение между ними составляет в среднем 5 процентов. Свою этническую идентичность таким идентификатором определили («говорю больше...») 28 процентов респондентов башкирской идентичности, проживающих в Башкортостане, 22 процента респондентов татарской идентичности, проживающих в Башкортостане и 20 процентов татарской идентичности, проживающих в Татарстане.

Обратим внимание на данные, приведенные в последнем столбце («не имеет значения») таблицы 3. Меньше всего исключают языковой фактор из числа идентификаторов респонденты русской и башкирской идентичности, а также респонденты двойной идентичности, указавших в качестве одной из них русскую идентичность. Почти половина респондентов других форм двойной идентичности (башкиры-татары, татары-марийцы, башкиры-мордва и т.д.) считает, что такой фактор «думаю на языках этих народов» не имеет значения для их этнического самоопределения. Это связано с тем, что подавляющее большинство таких респондентов думает на русском языке. Для респондентов двойной идентичности, одной из которых является русская идентичность, этот показатель на таком же уровне, что у респондентов одинарной русской идентичности. Что касается респондентов башкирской идентичности, то такая доля полагающих, что язык, на котором думают, не имеет значения при определении этнической принадлежности, также связано с особенностями языковой идентичности башкирской молодежи. Довольно значительна доля респондентов, не придающих какое-либо значение языковому фактору в этнической идентичности, среди респондентов татарской, чувашской, марийской, удмуртской и других идентичности.

Таким образом, из числа респондентов этнических идентичностей, выборка которых является репрезентативной, большинство придает значение языковым факторам в разной степени. Так же, как в предыдущем опросе 2020 года, язык является первостепенной важности признаком этнической идентичности для русских и башкир. В то же время наибольшая доля тех, кто не придает значения языку в своей этнической идентичности, обнаруживается среди респондентов татарской идентичности. Объяснение тому мы находим в том, что среди горожан, жителей крупных поселков, в которых доминирующим языком общения является русский, татары (кроме русских) представлены в большей степени, чем башкиры, мари, удмурты и другие этнические группы. Русскоязычное общение в деловой и бытовой жизни городов и крупных поселков убавляет значимость других языков как ориентира этнической идентификации.

Следует заметить также и то, что татары представлены в значительной степени большими поколениями городских жителей, чем башкиры и другие нерусские этносы республики. Языковое многообразие или однообразие в сфере общения во многом предопределяет и предпочтение молодежи к выбору языка общения со сверстниками.

Значимость языковых факторов этнической идентичности определяется тем, в какой степени русский язык является языком мышления среди молодежи (см. табл.4).

Как видим, на языке этничности думает половина респондентов этнической идентичности, 23 процента респондентов татарской идентичности, каждый десятый – других этнических идентичности. В силу большей коммуникативной функциональности русского языка он становится или одним из двух, или единственным языком мышления значительной части молодежи нерусской идентичности. При этом наличие двух или более языков мышления обнаруживается у незначительной части (от 4 до 12 процентов) молодежи башкирской, татарской, чувашской, марийской и т.д. идентичности. Что касается языка мышления респондентов, указавших две и более этнической идентичности, то он у абсолютного большинства (84 процента) является русским. Это связано и с тем, что русский язык в большинстве случаев является языком межэтнического общения на самых разных уровнях, в том числе – семейном.

При этом обнаруживается достаточно большой разрыв между численностью респондентов, определяющих язык этничности как родной язык, и численностью респондентов, думающих на соответствующем этническом языке. Так, 35% респондентов, определяющих башкирский язык в качестве единственно родного, и 35% респондентов, считающих башкирский язык в качестве одного из родных языков, не думают на этом языке. Среди респондентов, определяющих татарский язык как единственно родной язык, 59% не думают на татарском языке; а среди тех, кто считает татарский язык одним из родных языков, 73% не думают на татарском языке.

Как мы видим, взаимосвязь между этнической идентичностью и языком, на котором думают, считают родным, является далеко не однозначной. Язык этничности (под которым следует понимать традиционный язык этноса) не для всех респондентов является признаком их языковой идентичности.

При этом следует определить, что понимать под языковой идентичностью личности. Прежде всего, является ли признание индивидом какого-либо языка как родного, показателем его языковой идентичности? С одной стороны, «родной язык» — это

словосочетание, в котором выражается чувство общности языка и человека. С другой стороны, язык, декларируемый как родной, не всегда является языком мышления. Признание того или иного языка в качестве родного может быть мотивировано индивидом по разным основаниям (как первый язык, как язык родителей, как язык этничности, как язык мышления, как наиболее употребляемый язык). Следовательно, для одних родной язык – это язык, на котором думают, для других – это язык этнической идентичности, для третьих – наиболее функциональный в сфере общения язык. В таком многозначном виде язык, признаваемый индивидом в качестве родного, не всегда однозначно указывает на его языковую идентичность. Понятие «родной язык» связано, как правило, с этничностью человека, с принадлежностью к семье, этнической культуре. Но декларируемый в качестве родного язык не всегда определяет внутренний мир человека.

Если исходить из того, что внешнее речевое действие человека предворяется его внутренней речью, то имманентно присущей человеку системой вербальных знаков следует признать язык мышления. Если общение с другими строится на одной и той же знаковой системе, то не требуется процедура внутреннего перевода. Но если общаются на разных языках, то, как правило, осуществляется перевод с языка мышления на язык говорения. Как правило – потому, что у некоторых в мышлении могут быть одновременно два и более языка. Большей частью – это усвоенные с детства языки. Поэтому вполне обоснованно можно утверждать, что *языковая идентичность человека определяется его языком (языками) мышления.*

Этничность – не предзаданность социальной принадлежности человека, подобно полу, возрасту или расе. Она является результатом самоопределения человека. Необходимость такого самоопределения возникает еще в детском возрасте, когда ребенок обнаруживает существование «других», «не таких, как мы» - по имени, фамилии, языку и другим социальным маркерам. Конструирование этничности осуществляется не только в виде «Я – это Мы», но и в виде «Я и Мы – не Они».

В таблице 4 мы видим, каким образом конструируется этничность человека в ситуации расхождения этнического происхождения человека и его языковой идентичностью. В анкете содержался вопрос в следующей формулировке: *«В нашей республике часто встречаются случаи, когда человек родом из одного народа, но он говорит и думает на другом языке. Как Вы считаете, как определить национальность такого человека?»*. Респондентам было предложено выбрать один из

четырёх конструктов этнической идентичности человека в подобной ситуации.

Таблица 4

Конструкты определения этнической идентичности человека при несовпадении с его языковой идентичностью

Национальность в такой ситуации определяется...	Этническая идентичность					
	Русские	Башкиры	Татары	Другие	Двойная, включая русскую	Двойная, кроме русской
Двойная – по родителям и по языку	14,5	17,6	9,6	10,8	23,2	15,6
По самоопределению	29,3	12,8	17,9	24,3	25,2	31,3
По языку, на котором думает и говорит	9,3	8,3	12,8	12,2	8,1	3,1
По национальности родителей	38,2	53,4	49,6	39,2	37,4	37,5
Затрудняюсь ответить	8,7	7,9	10,1	13,5	6,1	12,5

То, что очевидным представляется в ситуации соответствия этнического происхождения и этнической языковой идентичности, становится проблематичной для конструирования этнической идентичности при несоответствии этих двух сторон. Как видим, лишь каждый десятый респондент склонен определять этничность человека по его языку мышления и говорения. Отклонение от среднего значения по этническим группам респондентов незначительное – не более 5%. Языковому фактору придают большее значение сельская молодежь (15 процентов), чем молодежь средних и малых городов (9 процентов) и мегаполиса (6 процентов, в нашем случае – Уфа).

Здесь следует отметить то, что предложенная для осмысления ситуация воспринимается респондентами разной этнической идентичности неодинаково. Практически все респонденты русской идентичности думают на русском языке. Следовательно, эту ситуацию они оценивают применительно к представителям других этнических групп. И в этом плане подавляющее большинство респондентов русской идентичности не склонны отождествлять все русскоязычное население с русскими (как это декларируют некоторые маргинальные политики). Что касается респондентов башкирской и татарской идентичности, то предложенная в виде вопроса ситуация воспринимается иначе – если молодой человек башкирской или татарской национальности не думает и не говорит на башкирском или татарском языке, означает ли это, что он перестает быть башкиром или татариним? Как видим по ответам, подавляющее большинство молодых людей башкирской и татарской идентичности не склонны

придерживаться формулы «нет языка – нет народа». Иными словами, эта ситуация ими растолковывается так – то, что человек не думает и не говорит на языке этничности, не является основанием для изменения его этничности.

Почти половина респондентов склонна считать, что в подобной ситуации этничность человека определяется по его родителям, а не по языку. Промежуточный вариант – определения двойной этничности человека – и по родителям, и по языку – представляется приемлемым 15 процентам респондентов (отклонение по признаку этнической идентичности респондентов – 6%). И, наконец, в среднем каждый пятый респондент считает, что в подобной ситуации свою этничность должен определить сам человек. Больше придерживающихся такой позиции – среди респондентов русской и двойной идентичности. Несмотря на то, что почти половина респондентов придерживается представлений о предписанном характере этнической идентичности (в данном случае – по родителям), в реальности каждый человек сам определяет свою этничность, неважно – следуя ли общепринятым меркам, или в результате осмысленного выбора.

В данном случае важно не то, как на самом деле определить этничность человека, это нормативно никак не регламентируется. Важно другое, – в основе суждений большинства респондентов находится представление о том, что «неэтническая» языковая идентичность человека не предполагает утрату им этнической идентичности. По крайней мере, не всегда.

В реальности мы имеем дело со сложной, неоднозначной картиной взаимосвязи этнической и языковой идентичности. Эта картина характерна в той или иной степени для всех полиэтничных регионов. Тем более она характерна в молодежной среде, в городах. На примере Республики Башкортостан иллюстрация такой картины представлена в таблице 5.

Таблица 5

Соотношение этнической и языковой идентичности среди молодежи

<i>Этническая идентичность</i>	<i>Языковая идентичность</i>	<i>в %</i>
<i>Русские</i>	Русская	100
<i>Башкиры</i>	Башкирская	49,2
	Русская	37,6
	Башкирская и русская	12,4
	Другая	0,8

Продолжение таблицы 5

<i>Этническая идентичность</i>	<i>Языковая идентичность</i>	<i>в %</i>
<i>Татары</i>	Татарская	22,5
	Русская	68,3
	Русская и татарская	6,9
	Другая	2,3
<i>Двойная идентичность с русскими и другими этносами</i>	Русская	88,9
	Татарская и русская	3,0
	Башкирская и русская	2,1
	Русская и другая (кроме башкирской и татарской)	6,1
	Другая	0,1
<i>Двойная идентичность, кроме идентичности с русскими</i>	Русская	71,0
	Башкирская	9,7
	Татарская	6,5
	Башкирская и татарская	0
	Башкирская и русская	3,2
	Татарская и русская	0,9
	Другая	8,7

Для представителей башкирской и татарской этнической идентичности язык этничности (башкирский и татарский соответственно) не признается родным каждым четвертым среди башкир и почти половиной среди татар. Среди респондентов башкирской идентичности у половины язык этничности и их языковая идентичность совпадает; двуязычная идентичность (башкирская и русская) присуща 12,5 процентам этих респондентов. Совпадение этнической и языковой идентичности среди респондентов татарской идентичности составляет 22 процента. Двуязычная (включая татарскую) идентичность присуща 7 процентам этих респондентов.

Намного сложнее дело обстоит с взаимосвязью этнической и языковой идентичности среди респондентов двойной этнической идентичности. С одной стороны, у таких респондентов – не один, а два языка этничности. С другой стороны, у них – больше возможностей для формирования билингвизма не только на уровне говорения, но и мышления. Следовательно, можно предположить и о двойной языковой идентичности этих респондентов. Однако среди тех, кто частично идентифицирует себя с русскими, а частично – с другим этносом (как правило, с родителями разной этнической идентичности), у абсолютного большинства одинарная русская языковая идентичность. Налицо картина асимметрии в языковой идентификации

таких респондентов. Примерно такая же картина с языковой идентичностью респондентов с двойной идентичностью, кроме русской идентичности (башкиры-татары, татары-чуваши и т.п.) – языковая идентичность примерно 70 процентов из них не имеет отношения ни к одному из языков этничности.

Среди респондентов русской идентичности фактор языковой идентичности («*думаю на языке этого народа*») занимает второе место, уступая фактору «*мои родители – люди этой национальности*». Среди респондентов нерусской идентичности языковой фактор занимает 3-5 места, уступая таким признакам, как «национальность родителей», «культура народа», «обычаи, традиции народа». Чем объясняются такие различия в роли языкового фактора («*думаю на языке этого народа*») в этнической идентификации? Во-первых, следует отметить, что не для всех респондентов этот фактор представляется существенным. То, что примерно 40% респондентов русской идентичности не отметили данный признак, вовсе не означает, что они не думают на русском языке. Этот признак некоторым может представляться само по себе разумеющимся, не требующим специальной фиксации в анкете. Для других языковой фактор может являться менее значимым, чем другие. Но, тем не менее, для респондентов русской идентичности их этническая и языковая идентичность практически тождественны.

Другое дело – языковая и этническая идентичность среди молодежи нерусской идентичности; расхождение между ними может быть объяснено следующими обстоятельствами. Во-первых, для определенной части молодежи нерусской идентичности русский язык является не только средством межэтнического общения, но и знаковой системой, которой пользуются в процессе мышления. Однако это не служит веским основанием для самоидентификации как русского. Во-вторых, определенной частью молодежи язык может рассматриваться как идентификатор этничности в качестве средства не только мышления, но и общения. Далее мы рассмотрим, насколько значительна доля тех, кто думает на одном языке, но говорит и на другом языке. Язык общения, речевые способности человека также могут основанием для этнической идентификации. Так, по данным нашего опроса в октябре 2020 года, в Башкортостане такой фактор этнической идентичности, как «*говорю больше на языке этого народа, хотя думаю на другом языке*», для себя определили среди респондентов – 27,9% башкирской идентичности, 22,5% – татарской идентичности, 11,7% - обобщенно других нерусских идентичностей. В Татарстане, по данным того же опроса, этот фактор определили в

качестве этнической самоидентичности среди респондентов – 20,3% татарской идентичности и 18,9% обобщенно других нерусских идентичностей. Фактор «говорю...» ненамного уступает в перечне идентификаторов респондентов нерусских идентичностей фактору «думаю...».

В завершение анализа приведенных данных необходимо ответить на очень нелегкие, для отдельных народов весьма чувствительные вопросы – каковы могут быть последствия дальнейшего расхождения между этнической и языковой идентичностью. Такое расхождение было минимальным у прародителей нынешней молодежи, оно стало больше у родителей молодых людей. Вполне логично предположить, что у следующих молодых поколений (нынешних детей) эта дистанция между этнической и языковой идентичностью увеличится еще больше.

Такая ситуация расхождения между языковой и этнической идентичностью сначала стала характерной для коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. В настоящее время эта ситуация становится заметным явлением среди народов Поволжья и Урала. В будущем в результате глобализации она коснется в той или иной степени не только миноритарных, но мажоритарных языков. Основными причинами ситуации расхождения между этнической и языковой идентичностью являются существенные различия в функциональных возможностях языков в сфере общения, профессиональной деятельности, образовании. В результате функционирование миноритарных языков ограничиваются семейно-бытовой сферой. Из поколения в поколение уменьшается доля их носителей не только в деловой, но и в семейно-бытовой сфере.

Расхождение между этими двумя видами идентичности человека может иметь разные сценарии его развития. Первый сценарий – их дальнейшее сосуществование, сохранение разной языковой и этнической идентичности индивида. Второй сценарий – изменение этнической идентичности в соответствии с языковой идентичностью индивида. Третий сценарий – изменение языковой идентичности в соответствии с этнической идентичностью человека. Наиболее вероятным из них представляется второй; менее вероятным, но возможным – первый, и практически невероятным – третий сценарий. В современном мире есть народы, практически утратившие свой традиционный язык, но сохранившие свою этническую идентичность. Гораздо больше примеров утраты этнической идентичности в результате архаизации и исчезновения из поля функционирования этнически традиционных языков.

Социокультурные последствия роста расхождения между языковой и этнической идентичностью могут быть разными. С одной стороны, приобретение неэтнической языковой идентичности зачастую является единственным способом не оказаться вне общих тенденций в профессиональной деятельности. Например, многие миноритарные языки не могут в полной мере обеспечить мыслительную и речевую деятельность людей, занятых сложными видами труда. Немаловажное значение имеет и «престижность» языка. В глазах носителей мажоритарного языка речь представителя миноритарного языка воспринимается как признак его архаизма, отсталости, несовременности. Постепенно и сами носители миноритарного языка начинают в иной языковой среде стремиться стать «современными», «своими», отказываясь от говорения на традиционном этническом языке даже в кругу представителей собственной этничности.

С другой стороны, расхождение между этнической и языковой приводит не только к большим возможностям для приобщения индивида к культуре других народов, но и к утрате самобытной, уникальной культуры народов. Язык – это не просто вербальное и невербальное средство трансляции смыслов, но и средство порождения и хранения смыслов. Поэтому язык является неотъемлемой частью культуры как программы воспроизводства социальной жизни, как системы смыслов, значений, норм. Появляется целая цепочка взаимосвязанных процессов – утрата этнического языка, деградация этнической культуры, социокультурный разрыв поколений, потеря культурной идентичности. Если бы дело только обстояло с утратой этнической идентичности. Зачастую представители миноритарных языков, утрачивая этноязыковую, этнокультурную идентичность, не приобретают новую языковую и этническую идентичность. Деградация этнокультурной идентичности очень часто, особенно среди малочисленных народов, означает культурную деградацию в целом, маргинализацию и люмпенизацию значительной части этих народов.

ГЛАВА III

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН¹

Атаев Б.М.,

доктор филологических наук, профессор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала

Ибрагимов М.О.

доктор филологических наук, доцент Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала

Аннотация. В данной главе ставится цель рассмотреть этноязыковую ситуацию в Республике Дагестан, складывающуюся на фоне ослабления позиций национальных языков даже в отношении их востребованности на семейно-бытовом уровне, в связи с чем задача выполнения ими социально значимых функций представляется менее актуальной. Функционирование всех социальных институтов на русском языке, количественный состав языков Дагестана и их качественное разнообразие значительно осложняют этноязыковую палитру.

Законодательно закрепленные нормы в области сохранения и развития языков коренных народов имеются, но принцип равноправия языков, предполагающий обеспечение государством поддержки полноценного функционирования и русского языка как средства межэтнического общения, фактора упрочения российской гражданственности, и языков, носители которых компактно проживают на территории Российской Федерации, не всегда последовательно реализуется на практике.

Анализ сложившейся социолингвистической ситуации позволяет констатировать, что для гармоничного развития дагестанских этносов в рамках единой общероссийской культуры актуальным представляется поиск оптимального соотношения двух параметров – этнического и общегражданского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_а «Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example».

Ключевые слова: языковая ситуация, этноязыковые процессы, дагестанские языки, этноязыковое многообразие.

Современная этноязыковая ситуация в Дагестане складывается таким образом, что выполнение национальными языками социально значимых функций представляется задачей менее актуальной, чем сохранение теряющих позиции даже на уровне семейно-бытового употребления некоторых дагестанских языков, преподавание которых ограничивается начальными классами.

По причине полилингвизма республики в дагестанских городах все государственные, образовательные, общественные и культурные организации, учреждения (за исключением национальных театров, редакций национальных изданий и радио), предприятия и т.д. функционируют на русском языке, который является для всех дагестанцев языком межнационального общения.

Полилингвизм и полиэтничность Дагестана на протяжении всей его многовековой истории являлись фундаментальной характерной особенностью, базовым источником формирования и развития уникальных традиций населяющих его территорию народов. Определяющим признаком языковой ситуации в Дагестане является количество компонентов – двадцать восемь языков, многие из которых имеют разветвленную систему диалектов и говоров. Социолингвистические отличия между языками выявляются в количестве носителей, в количестве этносов, использующих язык для коммуникации, в социальных сферах, обслуживаемых каждым языком. Определенные функциональные различия наблюдаются, в свою очередь, и между доминирующими литературными языками.

Среди качественных признаков, характеризующих языковую ситуацию в Республике Дагестан, можно назвать генетическое разнообразие языков, относящихся к различным языковым семьям: дагестанско-нахской – аварский, агульский, андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бегтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, даргинский, каратинский, лакский, лезгинский, рутульский, табасаранский, хваршинский, цахурский, цезский, чамалинский, чеченский; индоевропейской – русский и татский языки; алтайской – азербайджанский, кумыкский и ногайский языки.

Социолингвистические параметры, перечисленные выше, одновременно характеризуют Дагестан как полиэтничный регион и очерчивают дагестанский ареал национально-русского двуязычия. В республике представлено 28 равноправных национальных языков,

которые неравнозначны с точки зрения выполняемых ими функций: 14 литературных письменных языков функционируют как языки обучения в школе, языки средств массовой коммуникации, на них выпускается художественная литература, тогда как бесписьменные языки функционируют только в сфере устного бытового общения.

Цель придания языку того или иного статуса состоит не только в символической записи в Конституции, но и в обеспечении правовых гарантий свободного его функционирования. Провозглашение принципа равноправия языков предполагает также заботу государства о поддержке полноценного функционирования русского языка как языка русского народа, как средства межэтнического общения и важного фактора упрочения российской гражданской ответственности, российского самосознания.

Этнополитические процессы в России конца XX – начала XXI вв., сопровождавшиеся усилением разного рода конфликтов в межнациональных отношениях, привели в последующем к возрастанию роли этнонационального фактора, в особенности – национального самосознания¹.

Современный период является переломным как в истории России, так и в истории всех составляющих ее народов, так как государство, начавшее с 90-х годов XX века существовать как совокупность людей, связанных в большей степени лишь по территориальному признаку, переживает период цивилизационного сдвига. Процессы формирования единой национально-культурной идентичности в силу ряда объективных политических, социально-экономических и др. обстоятельств протекают крайне медленно, а порой и противоречиво, что осложняет решение вопросов об идеалах российского общества, об определении пути дальнейшего развития страны, о сохранении своего национального своеобразия. Между тем, национальное самосознание является поворотным пунктом в формировании нации, так как о сформированности нации можно говорить только при условии осознания себя представителями нации единой этнической целостностью.

---

¹ Бутгаева А. Межэтнические отношения в Дагестане: специфика и текущие проблемы // Центральная Азия и Кавказ. 2012. № 2. Том 15. С. 72-83; Цапиева О. Муслимов Т. Этнополитическая и этносоциальная ситуация в республике Дагестан и новейшие конфликты // Россия и мусульманский мир: бюллетень реферативно-аналитической информации. 2008. № 2 (188). С. 77-93; Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: информационный бюллетень. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994.

Вопросы всестороннего исследования феномена национального единства приобретают особую актуальность в связи с необходимостью реформирования общества, в том числе и сферы национальных отношений. Процессы демократизации привели к пробуждению национальных движений, росту национального самосознания, усилению тенденций национального самоутверждения. Все вышесказанное настоятельно требует глубокого анализа для корректировки всей системы национальных отношений.

Для гармоничного развития этносов Дагестана в рамках единой общероссийской культуры очень важно соотношение в ней этнического и общегражданского. Любая нация обладает определенным этнокультурным ядром. Чем оно богаче, тем больше простора для этносамовыражения. Сбалансированная культура многонациональной страны характеризуется, с одной стороны, ее универсальностью, с другой, – степенью самобытности составляющих ее национальных культур.

Текущее состояние межнациональных отношений в Республике Дагестан характеризуется отсутствием открытых конфликтов, снижением актуальности национального вопроса в политической жизни, уменьшением политической роли национальных движений и организаций, выступающих от имени этнических групп. Вместе с тем в республике сохраняются проблемы и факторы, оказывающие негативное влияние на межнациональные отношения в ряде муниципальных образований, где показателем напряженности является системный характер межэтнических противоречий. Усилиями этнически ориентированных общественных организаций и политиков порой осуществляется этническое маркирование социальных проблем и конфликтов, по сути, этническими не являющихся¹.

Объективные проблемы, связанные с нерешенностью социально-экономических, политических, культурных и этнических проблем каждого из дагестанских народов, особенно проживающих в сложных природно-климатических условиях, при неразвитости инфраструктуры, территориальных спорах, кадровых проблемах и т.д., подталкивают некоторые группы людей использовать данные факторы для давления на власть как инструмент получения определенных привилегий.

Современная национально-языковая ситуация вызывает серьезную тревогу у ученых и общественности Дагестана по причине отказа многих начальных школ в сельских мононациональных районах

---

¹ Адиев А.З. Этнически маркируемые социальные протесты в Дагестане // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 10-30.

от программы для национальных школ, в рамках которых обучение ведется на дагестанских языках, и перехода на городскую программу обучения. Урбанизация и миграционные процессы привели к аналогичной ситуации с обучением родным языкам и родным литературам в городских и поселковых школах со смешанным национальным контингентом учащихся.

Система образования Российской Федерации, направленная на сохранение языкового и культурного разнообразия и историко-культурного наследия этносов, к сожалению, в данном случае не реализуется через главный способ их сохранения и развития – посредством изучения родных языков в школе как учебного предмета.

Таким образом, объективно существует комплекс нерешенных проблем социально-экономического, культурного, воспитательного и т. д. характера, создающий почву для межэтнического противостояния и межэтнической напряженности в республике. Описанию путей решения этих проблем и прогнозированию сценариев развития дагестанских языков посвящен ряд работ¹.

Социологические исследования, проведенные в Дагестанском федеральном исследовательском центре РАН в последние годы, позволяют сделать выводы о том, что основными факторами ухудшения межнационального климата в республике по-прежнему остаются территориальные споры, обусловленные причинами проживания одних народов на территории, где в историческом прошлом проживали другие народы. Нестабильности межнациональной обстановки в республике способствует также проблема частной собственности на землю, которая поднималась на республиканском уровне и вызвала неоднозначную реакцию в дагестанском обществе. Если вопрос аренды небольших участков земли под коммерческие предприятия и коммерческую деятельность не вызывает какого-либо негатива со стороны населения, то резонанс в обществе вызвала идея о допустимости крупной частной собственности на землю, при существующей в массовом сознании дагестанских народов высокой оценки роли и места «территории

---

¹ Атаев Б.М. Миноритарные языки Дагестана: состояние и перспективы. Махачкала, 2012. 290 с.; Атаев Б. М., Ибрагимова М.О. Национально-языковая политика в Дагестане: современное состояние и перспективы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3 (32). С. 126-132; Атаев Б.М. Миноритарные языки Северного Кавказа // Закономерности социокультурного развития языков в полиэтническом государстве: Россия-Вьетнам. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 162-179. Соавт.: Биткеева А.Н., Михальченко В.Ю., Кондрашкина Е.А., Кожемякина В.А., Каплунова М.Я., Казакевич О.А., Агранат Т.Б., Кириленко С.В., и др. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/332071626/>

проживания» и «исторической территории» как важных показателей этнической идентичности.

К сожалению, также дает о себе знать утрата накопленного в социалистический период опыта интернационального воспитания, культуры межнационального общения и этнического поведения, уважительного отношения к иноэтнической культуре, что отрицательно сказывается на климате межнациональных отношений как внутри, так и за пределами республики. Наряду с этим, ухудшению отношения к представителям иных национальных образований, в том числе и к дагестанцам, способствуют центральные средства массовой информации, которые придают национальную окраску тем или иным конфликтным событиям.

В этой связи важным является исследование состояния межнациональных отношений в современном дагестанском обществе и механизма регулирования межэтнической напряженности и противостояния в Республике Дагестан. Такое исследование предусматривает выявление оценочных суждений респондентов о межнациональных отношениях, реализующихся в целом в Республике Дагестан, в городской и сельской местности, а также об ориентированности на поддержание межнациональной коммуникации.

Интенсивность межэтнических и межъязыковых контактов в Дагестане также имеет очень большое значение, так как она позволяет оценить специфику межнационального взаимодействия, ее характеристику, факторы, связанные с межэтническими отношениями и сложившейся языковой ситуацией в республике.

Проводимый нами анализ межэтнической ситуации и этноязыковых процессов в республике Дагестан опирается на социологическое исследование, которое проводилось в ДФИЦ РАН во второй половине 2019 года. Опрос респондентов осуществлялся по специально разработанной анкете, включающей в себя вопросы, направленные на решение исследовательских задач, соотносящихся с целью и задачами исследования.

Анкета была адаптирована к проблемам городского населения Республики Дагестан как особой этноконтактной зоны, и сельских населенных пунктов, районов со смешанным этническим составом населения, в том числе с выраженными проблемами русского населения, репрессированных и насильственно переселенных народов, разделенных народов, малочисленных народов Дагестана.

Опрос проводился в 20 городских и районных муниципальных образованиях Республики Дагестан: в Бабаюртовском, Буйнакском, Дербентском, Казбековском, Карабудахкентском, Кизилюртовском,

Кизлярском, Кумторкалинском, Новолакском, Ногайском, Тарумовском и Хасавюртовском районах; в городах Махачкала, Буйнакск, Дагестанские Огни, Дербент, Каспийск, Кизилюрт, Кизляр, Хасавюрт.

Выборочная совокупность, равномерно охватывающая национальную, половозрастную, социальную, образовательную структуры дагестанского общества, включала не менее 3500 респондентов. Репрезентативность данных опроса обеспечена использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени.

Население Дагестана представлено 14 титульными народами (малочисленные народы андо-цезской группы официально включены в состав аварцев), поэтому национальные интересы именно титульных этнических образований обуславливают характер межнациональных отношений в республике. Видимо, по этой причине их оценка опрошенными дагестанскими народами носит относительно противоречивый характер (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете межнациональные отношения в Вашем районе, населенном пункте?» (в % от общего количества опрошенных)

Ответы	%
Положительно, представители всех национальностей в моем районе, населенном пункте живут мирно и дружно, без межнациональных столкновений	90,93
Отрицательно, проживающие в нашем районе, населенном пункте представители других народов провоцируют межнациональные конфликты и происходят столкновения	9,07

Как видно из постановки вопроса, респондентам были предложены две формулировки, которые оценивают состояние межнациональных отношений в Республике Дагестан в целом либо положительно, либо отрицательно. Результаты нашего исследования показывают, что более 90% дагестанцев предпочли вариант: *«представители всех национальностей в моем районе, населенном пункте живут мирно и дружно, без межнациональных столкновений»*. Лишь каждый десятый опрошенный предпочел ответ: *«Отрицательно, проживающие в нашем районе, населенном пункте представители других народов провоцируют межнациональные конфликты и происходят столкновения»*.

Следующим шагом данного исследования является переход от общей оценки межнациональных отношений к частному мнению о наличии/отсутствии отрицательных суждений в адрес представителей отдельных народов, а также степень распространенности негативных этно-стереотипов и отрицательного отношения к людям другой национальной принадлежности в дагестанском обществе (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то других национальностей?» (в % от общего количества опрошенных)

Ответы	%
Да	5,01
Скорее да	5,85
Нет	72,65
Скорее нет	16,49

Материалы таблицы позволяют констатировать, что подавляющая часть опрошенных респондентов не испытывают негативных чувств по отношению к представителям других этносов. Утвердительный ответ о наличии неприязни был получен от каждого десятого из опрошенных дагестанских народов. При этом анализ большинства подобных ответов при дальнейшей конкретизации интервьюерами показывает их абстрактный характер, который затрагивает не отдельные этнические группы, а скорее некие «образы» или категории, собранные на основе негативных этнических стереотипов, присутствующих в обществе.

Анализ половозрастных и национальных характеристик респондентов позволяет отметить, что различия в указанных категориях опрошенных дагестанских народов незначительны. Таким образом, можно сделать вывод, что отдельные этнические группы, которые стабильно являются объектами раздражения или неприязненного отношения дагестанских народов, в ходе нашего исследования не выявлены.

Опрошенные дагестанцы отмечают в ответах на вопрос «Созданы ли условия для изучения Вашего национального (родного) языка в Дагестане?» правовые полномочия, направленные на сохранение и развитие этноязыкового многообразия, которые дает федеральное законодательство национальным республикам (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос «Созданы ли условия для изучения
Вашего национального (родного) языка в Дагестане?»
(в % от общего количества опрошенных)**

Ответы	%
Да, в полной мере	44
Да, частично	31
Нет, не в полной мере	17
Обучение национальным (родным) языкам в республике проводится формально	8

Российская гражданская идентичность в основном государственно-гражданская. Для укрепления гражданской идентичности важно наполнить ее смыслами - уважения к закону, правам человека, справедливости, достоинству людей, независимо от национальности, вероисповедания, поддержания норм и принципов поведения, соответствующих такой идентичности. Гражданская идентичность способствует межэтническому согласию, блокирует этнические предубеждения, но не у всех и не всегда. Гражданская идентичность требует дальнейшего изучения и в научном плане, и в плане трансляции научных разработок в образовательную сферу и массовое, общественное мнение. Общероссийская идентичность, как показали исследования, формируется в нашем обществе при сохранении высокого уровня этнического самосознания среди дагестанцев разных национальностей. В таблице 4 представлены параметры, являющиеся индикаторами этнической идентичности дагестанцев.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос «Что Вас больше всего
объединяет с людьми Вашей национальности?» (в %)**

Ответы (можно выбрать несколько ответов)	%
Национальный язык	48,9
Национальная культура, обычаи, традиции	58,6
Родная земля, территория, природа	39,8
Черты характера	9,4
Религия	34,2
Историческое прошлое, историческая память	22,9
Общая государственность	12,4
Внешний облик (внешность)	3,1
Другое	1,2

Идентифицируя себя по этничности, люди на первое место ставят национальную (этническую) культуру и традиции (58,6%),

национальный язык, территорию проживания народа (родная земля, территория, природа). В сумме полученных ответов около половины опрошенных (48,9%) подчеркивают «национальный язык» как основной элемент их этнической общности. Важность национального языка как центрального маркера этнической идентичности подтверждалась и в результатах предыдущих опросов. Следующим по значимости характеристиками этнической идентичности для дагестанцев выступают: «родная земля, территория, природа» (39,8%). Данные опроса свидетельствуют о доминировании в дагестанском обществе примордиалистского подхода в рефлексии этнического самосознания, предполагающего объективную основу существования этноса в природе или общественной жизни и культуре.

Религия отмечается респондентами как составная часть этнического самосознания дагестанцев, поскольку религиозное мировоззрение, как и религиозные ритуалы и практики преломляются через призму этничности. 34,2% опрошенных дагестанцев отметили религию как маркер, объединяющий респондентов с людьми их национальности. Еще одним важным элементом этнического самосознания дагестанцев выступает историческое прошлое (историческая память) – данный ответ выбрали 22,9% респондентов. Таким образом, в качестве значимых элементов (маркеров) этнического самосознания у жителей республики можно выделить национальные обычаи и традиции дагестанских народов; национальные языки; территорию проживания этносов; религию, имеющую во многих случаях этническую специфику, а также историческую память.

На 2019 год в государственной программе Республики Дагестан «Реализация государственной национальной политики в Республике Дагестан на 2018-2020 годы» были заложены следующие целевые показатели, достижение которых определяется методом социологического опроса:

- 1) удовлетворенность реализацией прав на обучение на языках народов Дагестана;
- 2) удовлетворенность реализацией прав на изучение языков народов Дагестана;
- 3) доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в республике;
- 4) уровень толерантного отношения к представителям другой национальности;

5) удовлетворенность реализацией прав на получение информации (посредством СМИ) на языках народов Дагестана¹.

В таблице 5 отражены целевые показатели этой государственной программы за 2019 год.

Таблица 5

Мониторинг достижения целевых показателей государственной программы РД «Реализация государственной национальной политики Республики Дагестан на 2018-2020 годы», определенных на 2019 год

Целевые показатели	Единица измерения	Запланировано на 2019 год	Исполнено, согласно данным опроса
Удовлетворенность реализацией прав на обучение на языках народов Дагестана	процент	65	77,9
Удовлетворенность реализацией прав на изучение языков народов Дагестана	процент	64,5	79,7
Доля граждан положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в республике	процент	82	87,2
Уровень толерантного отношения к представителям другой национальности	процент	85	88,6
Удовлетворенность реализацией прав на получение информации (посредством СМИ) на языках народов Дагестана	процент	65,5	77,4

Из материалов таблицы следует, что данные социологического опроса за 2019 год подтверждают достижение (исполнение) всех целевых показателей, заложенных в государственной программе Республики Дагестан «Реализация государственной национальной политики в Республике Дагестан на 2018-2020 годы» на 2019 год.

Важным аспектом изучения этнической идентичности является выявление в массовом сознании дагестанцев нормальных и гипертрофированных форм этнического самосознания. Типы идентичности с различным качеством и степенью выраженности отношения человека к своей этничности были выделены на основе

¹ Государственная программа Республики Дагестан «Реализация государственной национальной политики в Республике Дагестан на 2018-2020 годы.

широкого диапазона шкалы этноцентризма. Индикаторами актуализации (субъективной значимости) этнической идентичности является согласие с суждением: «все средства хороши для защиты интересов моего народа», а также с суждением: «я никогда не забываю о своей национальности». Индикатором этнической солидарности в пределах нормы является согласие с позицией «каждому человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности», а индикатором «безразличия» выступает суждение: «национальная принадлежность является второстепенной характеристикой человека».

Одной из ключевых проблем межэтнических противоречий в Дагестане выступает внутренняя миграция из горных районов республики на равнину. Эта миграция представляется как совокупность миграционных потоков, в каждом из которых численно преобладают лица с общей этнической самоидентификацией, перемежающиеся из одного крупного этнокультурного ареала в другой и самоотчуждающиеся от отпускающего либо принимающего общества и (или) отчуждаемые одним из этих обществ либо обоими вместе.

Этническая миграция влияет на формирование численности населения, половозрастного, национального состава населения, демографическое поведение, уровень и образ жизни населения на территориях, которые осваивались в советский и постсоветский период. Влияние миграции на языковое поведение народностей проявляется в формировании новых видов дву- и многоязычия. При изменении условий проживания возникают проблемы, связанные с сохранением традиционного уклада жизни, что ставит под вопрос востребованность и перспективность бесписьменных дагестанских языков.

Роль миграции населения в Дагестане неоднозначна. Можно наблюдать процессы сменяемости этнического состава жителей Бабаюртовского, Кизлярского, Кизилюртовского и др. районов республики, что вызывает определенное напряжение в проблеме распределения земельных и политических ресурсов конкретных территорий, которое затем находит отражение и в межнациональном, межъязыковом пространстве. Если в советское время, проводимая в республике переселенческая политика не вызывала недовольства со стороны принимающего общества, то в перестроечный период наблюдается переход от глухого недовольства к открытым обвинениям в адрес соседних народов.

Чтобы сохранить в Дагестане мирное развитие и предотвратить межнациональные конфликты, важно не допустить придания социальным и бытовым проблемам этнической окраски. Обращенность

к такому понятию как «национальное достояние» тесно связано с государственной национальной политикой, которая должна базироваться на учете принципов мультикультурализма и полилингвизма, предполагающих равноправное существование всех национальных культур. В этой связи возникает вопрос об оценке дагестанскими народами полиэтничности своего населенного пункта (см. табл. 6)

Таблица 6

Оценка дагестанскими народами полиэтничности своего населенного пункта (в %)

Вы хотели бы, чтобы в Вашем населенном пункте проживали представители других народов? (можно выбрать 2 варианта ответа)	%
Да, это способствует улучшению межнациональных отношений	35,57
Да, ибо это способствует знакомству с национальной культурой других народов	27,14
Да, это помогло бы улучшить межнациональное общение	19,35
Нет, это способствует появлению межнациональной напряженности и конфликтов	7,44
Нет, чужая национальная культура способствует разрушению национальной культуры моего народа	4,78
Нет, это способствует появлению территориальных споров между народами	4,00
Другое	1,72
Итого	100

Из предложенных респондентам вариантов каждый третий опрошенный придерживается позиции «*это способствует улучшению межнациональных отношений*». Далее, позиции, что совместное проживание с представителями иноэтнической общности «*способствует знакомству с национальной культурой других народов*» придерживается каждый четвертый. На третьем месте вариант «*да, это помогло бы улучшить межнациональное общение*».

Однако в массовом сознании опрошенных дагестанских народов существуют и противоположные мнения о том, что многонациональность населенного пункта способствует появлению «*межнациональной напряженности и конфликтов*» и «*территориальных споров между народами*». При этом негативное восприятие совместного общежития продемонстрировало менее 10% респондентов.

Из анкет социологического опроса следует, что 87% респондентов хотя бы знают свой родной язык на более высоком уровне; 74% опрошиваемых изучали в прошлом или изучают в настоящее время родной язык. Чуть более половины респондентов (51,8%) удовлетворены реализацией прав на изучение национальных языков, 20% дагестанцев в той или иной мере не удовлетворены уровнем их реализации. Аналогичным является и соотношение респондентов, считающих в целом удовлетворительной// неудовлетворительной реализацию прав на изучение родного языка. Еще одним важным показателем национально-языкового многообразия дагестанского общества является частотность межэтнического общения: 68,8% респондентов ответили, что вступают в межнациональное общение постоянно, контактируют редко 22,9% и 8,2% респондентов указали на отсутствие межнационального общения.

В контекст нашего исследования вписывается мнение предшествующих авторов о важности сосредоточения усилий ученых «... на выявлении внешних и внутренних социально-экономических и политических факторов, препятствующих социальному включению отличительных «других» в российское согражданство, и публичном продвижении научно обоснованных рекомендаций по укреплению многокультурной российской нации»¹.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии в массовом сознании дагестанских народов позитивного восприятия инонационального окружения, более того, в контексте многонациональности опрошенные усматривают положительное влияние на состояние межнациональной ситуации и межэтнического климата в республике. *Не вызывает сомнения тот факт, что для гармоничного развития дагестанских этносов в контексте единой общероссийской культуры актуальным является поиск оптимального соотношения этнической и общегражданской составляющих.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)»

---

¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: РОССПЭН, 2013. С. 185.

ГЛАВА IV

ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ В ХХІ ВЕКЕ: ДИНАМИКА, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, СПЕЦИФИКА

Шабыков В.И.

кандидат философских наук, старший научный сотрудник ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», г. Йошкар-Ола, Россия

Кудрявцева Р.А.

доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия

Аннотация. В данной главе на материале социологических исследований МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева 2001–2020 годов рассматриваются вопросы языкового многообразия в Республике Марий Эл в ХХІ веке, анализируются его динамика, современное состояние и специфика. Проблемы динамики языкового многообразия представляются на уровнях языковой компетенции (знания языков) и языковой коммуникации (использования языковых знаний в общении).

В данном контексте актуализированы такие вопросы, как оценка уровня собственной лингвокомпетенции и языковых намерений; рефлексия относительно государственных языков Республики Марий Эл и «государственного двуязычия»; отношение к марийскому языку (желание / нежелание его изучать, чтение текстов на марийском языке, будущее марийского языка, возможности расширения сфер его функционирования, пути повышения его престижа); языковая коммуникация (язык общения в семье и социуме). Постановка задачи создания диахронической картины языкового многообразия в республике потребовала дополнения традиционных методов описания и анализа полученных социологических данных их сравнительным изучением. При анализе социологического материала главное внимание уделено факторным оппозициям, связанным с этнической самоидентификацией респондентов, главным образом, марийцам и русским – как двум основным и наиболее многочисленным группам населения Республики Марий Эл, а по отдельным позициям акцентируется внимание на отличии результатов, полученных, в целом, по республике и среди молодежи.

Ключевые слова: Республика Марий Эл, социолингвистика, языковая ситуация, XXI век, языковое многообразие, языковая компетенция, языковая коммуникация, государственные языки, двуязычие, полилингвизм, марийский язык

Языковая ситуация в Республике Марий Эл (далее – РМЭ), как и во многих других регионах Поволжья и Приуралья, обозначена на современном этапе очевидными признаками многоязычия как на уровне социума, так и на уровне личности, сохраняя одновременно и тенденцию к языковому однообразию на уровне отдельных этнических групп и их представителей. Характеризующие многоязычие социума наличие языка-медиума (русского языка), двуязычие и полилингвизм являются важнейшими средствами достижения в обществе межнационального согласия и основным фактором этнокультурной интеграции, предполагающей налаживание доброжелательного взаимодействия этносов на общезначимой почве, но с безусловным сохранением их самобытной культуры и традиций.

Цель данной работы – рассмотреть вопросы динамики языкового многообразия в РМЭ в XXI веке на уровнях языковой компетенции (знания языков) и языковой коммуникации (использования языковых знаний в общении). Исследование является продолжением уже имеющихся работ авторов по представлению языковой ситуации в республике в новом тысячелетии¹.

Эмпирической базой исследования стали материалы следующих социологических исследований МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева:

---

¹ См.: Шабыков В.И. Ценностная парадигма общественного сознания в Республике Марий Эл (на материале социологических исследований): монография / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, 2016. 176 с.; Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве (на материале Республики Марий Эл): монография / МарНИИЯЛИ, Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2020. 183 с.; Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А., Казанцев Д.Е. Проблема «государственного» двуязычия в восприятии обучающейся молодежи Республики Марий Эл // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2. Ч. I. С. 204–207; Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. СМИ и художественная литература на марийском языке в информационно-коммуникационной среде Республики Марий Эл // Социодинамика. 2016. № 11. С. 53–60. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_19056.html; Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл (на материале социологических исследований 2012 и 2015 годов) // Вопросы филологии. 2018. № 1(61). С. 74–85; Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл в начале 2010-х годов: социолингвистический анализ // Урал-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 214–235.

«Межнациональные отношения в Республике Марий Эл» (2001)¹, «Культурная интеграция населения Республики Марий Эл» (совместно с Марийским государственным университетом, 2006), «Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл» (2011², 2015³, 2018⁴ и 2020⁵), «Языковая ситуация в Республике Марий Эл» (2012), «Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве» (2018)⁶.

В опросе были использованы следующие методы: 1) случайная бесповторная квотная выборка населения в возрасте 15 лет и старше; 2) формально-стандартизированное интервью. Квотная выборка рассчитывалась из генеральной совокупности населения РМЭ по возрасту, полу, образованию, национальной принадлежности и месту жительства. Объем выборки (750–1300 человек в каждом их опросов), в обязательном порядке включающий в себя три главных этноса РМЭ (в соответствии с данными переписи населения 2010 года 41,8% составляют в республике марийцы, 45,1% – русские, 5,5% – татары), и тщательный отбор анкетеров-интервьюеров обеспечили точность данных и репрезентативность исследования. Постановка задачи создания диахронической картины языкового многообразия в республике

---

¹ Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2001 года): науч.-статист. бюллетень / сост., предисл. В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2002. 153 с.

² Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2011 года): науч.-статист. бюллетень / В.И. Шабыков, О.В. Орлова, Г.С. Зеленева и др. // Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений / МарНИИЯЛИ; науч. ред. О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2013. С. 163–431.

³ Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2015 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И. Шабыков, О.В. Орлова, Г.С. Зеленева и др. Йошкар-Ола, 2016. 181 с.

⁴ Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И. Шабыков, О.В. Орлова. Йошкар-Ола, 2018. 192 с.

⁵ Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2020 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. Г.С. Зеленева, О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2021. 202 с.

⁶ Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве (материалы социологического исследования в Республике Марий Эл 2018 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2018. 185 с.

потребовала дополнения традиционных методов описания и анализа полученных социологических данных их сравнительным изучением.

Данное исследование посвящено изучению следующих конкретных вопросов, связанных с языковой компетенцией и языковой коммуникацией: 1) оценка уровня собственной лингвокомпетенции и языковых намерений; 2) рефлексия относительно государственных языков РМЭ и «государственного двуязычия»; 3) отношение к марийскому языку (желание / нежелание его изучать, чтение текстов на марийском языке, будущее марийского языка, возможности расширения сфер его функционирования, пути повышения его престижа); 4) языковая коммуникация (язык общения в семье и социуме). При анализе социологического материала главное внимание уделено факторным оппозициям, связанным с этнической самоидентификацией респондентов, главным образом, марийцам и русским – как двум основным и наиболее многочисленным группам населения РМЭ, а по отдельным позициям акцентируется внимание на отличии результатов, полученных, в целом, по республике и среди молодежи.

1. Языковая компетенция

Рассмотрим в динамике сопоставимые данные исследований XXI века по лингвокомпетенции населения РМЭ, в том числе по владению им марийским языком.

1.1. Владение языками

В РМЭ, по материалам Всероссийской переписи населения 2010 года, русским языком владели 95,6% жителей республики (в т.ч. им владели 98,2% марийского и 97,9% татарского населения¹); марийским – 75,6% мари, 3,49% татар и минимальное число (1,46%) – русских (табл. 1).

---

¹ Национальный состав Республики Марий Эл: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сб. / Территор. орган ФСГС по РМЭ: предс. ред. коллегии А.В. Целищев. Йошкар-Ола, 2012. С. 44-59.

Таблица 1

Владение языками в РМЭ в зависимости от национальной принадлежности (в %)

Владение языком	В том числе				
	мари	русские	татары	чуваши	другие
<i>(по материалам Всероссийской переписи 2010 г.) (в % от общей численности этноса)</i>					
Русским	98,2	100	97,9	99,8	48,5
Марийским (горным и луговым)	75,6	1,46	3,49	4,51	6,33
Татарским	0,54	0,2	75,82	1,51	0,43
Чувашским	0,07	0,04	0,13	53,34	0,05
Английским	1,68	4,52	2,76	2,59	4,07
Немецким	1,01	1,65	1,05	1,69	2,56
Французским	0,22	0,41	0,30	0,27	0,41
<i>(по результатам социологического исследования 2012 года) (в % от числа опрошенных)</i>					
	мари	русские	татары	другие	
Русским	98,2	100	95,7	93,9	
Марийским (горным и луговым), <i>в т.ч. среди молодежи</i>	76,6	2,2	5,8	6,1	
Татарским	0,5	0,0	63,8	0,0	
Чувашским	0,2	0,0	0,0	30,6	
Английским	3,1	5,6	4,3	2,0	
<i>в т.ч. среди молодежи</i>	7,1	9,9	15,0	11,1	
<i>(по результатам социологического исследования 2020 года) (в % от числа опрошенных)</i>					
Русским	100	100	100	94,5	
Марийским	80,9	4,1	2,3	5,0	
<i>в т.ч. среди молодежи</i>	83,2	3,0	0,0	6,5	
Татарским	0,2	0,2	83,0	0,0	
Английским	2,3	5,1	6,8	0,0	
<i>в т.ч. среди молодежи</i>	6,9	14,3	15,4	0,0	

Все показатели по позиции, аналогичной переписи (владение на уровне «пишу, читаю, говорю») русским языком, языками народов, проживающих в РМЭ, и иностранными языками почти повторились в

социологическом исследовании МарНИИЯЛИ 2012 года (табл. 1), за исключением английского языка. Опрос показал усиление его позиции в лингвокомпетенции всех основных этнических групп РМЭ, а у мари – почти в два раза, у татар – в полтора раза. К 2020 году у русских и мари эти показатели несколько снизились, однако у татар, наоборот, выросли (примерно в полтора раза) (табл. 1). Но следует отметить, что полученные числовые значения небольшие (не более 6,8%).

В молодежных этноцензовых группах, если сравнивать с мнением всего населения РМЭ, показатели по владению английским языком были выше примерно в два раза в 2012 году и в три раза – в 2020 году (табл. 1). Причем, наибольший рост владеющих этим иностранным языком к 2020 году был отмечен среди татарской молодежи (15,4% опрошенных), наименьший – среди молодых мари (6,9%).

Значительному росту числа молодых людей, владеющих английским языком, безусловно, способствовал факт массового (обязательного!) его изучения в образовательных учреждениях, чего нет применительно к марийскому языку. В 2018 году, отвечая на вопрос «Какие языки Вы изучаете или изучали?» (табл. 2), 92% русской, 87,6% марийской и 88,1% татарской молодежи отметили, что изучали / изучают данный иностранный язык.

Таблица 2

Ответы молодежи на вопрос «Какие языки Вы изучаете или изучали?»¹ (2018) в зависимости от национальной принадлежности (в % от числа ответивших)

Языки	Всего по РМЭ	Русские	Мари	Татары	Другие
1) русский	93,6	95,3	92,3	91,5	91,4
2) марийский	66,6	55,3	92,3	25,4	60,3
3) татарский	8,4	3,8	2,2	55,9	15,5
4) английский	89,6	92,0	87,6	88,1	91,4
5) немецкий	10,0	11,8	7,3	8,5	13,8
6) французский	6,1	5,6	4,4	5,1	13,8
7) другой (напишите)	7,6	7,1	5,8	3,4	24,1

Из таблицы 2 видно, что изучение марийского языка отметили примерно 67% молодых респондентов (92,3% мари, 55,3% русских, 25,4% татар). Владение марийским языком («пишу, читаю, говорю») в

¹ Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве (материалы социологического исследования в Республике Марий Эл 2018 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2018. С. 14, 85.

2020 году отметили примерно 81% мари (83,2% молодых мари). Что касается других этнических групп, то их показатели значительно ниже данных по владению английским языком. Так, например, среди опрошенных русской национальности владение иностранным языком отметили 5,1% (среди молодежи – 14,3%), марийским языком – 4,1% (среди русской молодежи – 3%, что почти в пять раз меньше, чем английским языком) (табл. 1).

1.2. Уровень владения языками

На протяжении обоих десятилетий XXI в. отмечен предельно высокий уровень владения *русским языком*. Полноценно владели им («пишу, читаю, говорю») 97,4% в 2001 г. и почти 100% в 2020 г. (табл. 3).

Таблица 3

Уровень языковой компетенции населения РМЭ

(в % от числа опрошенных)

Языки*	Пишу, читаю, говорю	Читаю, говорю, но писать не умею	Говорю, но читать и писать не умею	Говорю с затруднениями	Понимаю, но не говорю	Не владею	Не ответили
2001							
Русский	97,4	0,5	0,4	0,8	0,5	0,3	0,1
Марийский	35,0	5,4	4,6	2,5	8,3	43,8	0,4
Татарский	4,3	1,5	2,0	1,3	4,2	84,8	1,9
Другие	2,7	0,8	0,5	2,9	1,7	86,9	4,5
2012							
Русский	98,6	0,2	0,1	0,2	0,0	0,3	0,6
Марийский	34,8	4,1	2,6	3,3	13,2	39,8	2,2
Татарский	3,9	0,9	1,5	1,2	4,0	85,0	3,5
Чувашский	1,3	0,2	0,2	0,1	2,1	91,7	4,4
Удмуртский	0,2	0,2	0,2	0,2	0,6	93,8	4,8
Английский	4,3	1,1	0,9	8,3	5,4	75,7	4,3
Другие	2,1	0,4	0,3	0,8	0,5	47,2	48,7
2018							
Русский	99,3	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,5
Марийский	35,6	3,5	3,5	3,1	13,1	37,8	3,4
Татарский	5,1	1,4	2,2	1,1	4,7	79,2	6,3
Другие	6,2	1,1	1,2	3,5	3,7	73,5	10,8
2020							
Русский	99,4	0,0	0,0	0,3	0,0	0,0	0,3
Марийский	36,3	2,9	3,3	2,6	13,1	37,8	4,0
Татарский	5,2	0,3	0,9	1,1	5,8	81,0	5,7
Английский	3,7	0,9	0,0	2,1	2,1	45,0	46,2
Немецким	0,3	0,2	0,0	0,3	0,4	45,8	53,0
Другие	2,3	0,7	0,6	0,0	0,3	45,9	50,2

*Указаны языки в соответствии с формулировками в анкетах

Владеющих на аналогичном уровне **марийским языком** (родным, государственным) всегда было значительно меньше (примерно в три раза); их численность и среди всего населения, в целом, и среди молодежи держалась почти на одном уровне (примерно 35–36%) (табл. 3).

Но при этом прослеживалась тенденция некоторого уменьшения численности не владеющих марийским языком. Так, если в 2001 году таковых было 43,8%, то к 2020 году их стало 37,8%. Среди молодежи их всегда было несколько больше, чем, в целом, по РМЭ, но тенденция наблюдалась та же – от 49% в 2001 году до 45,2% в 2020 году.

Постепенно уменьшалась, хотя и незначительно, и численность респондентов, читающих и говорящих, но не умеющих писать (от 5,5% в 2001 году до 2,9% в 2020 году).

Уменьшение респондентов с нулевым показателем и не владеющих письменной речью во многом объяснялось неплохой организацией обучения марийскому языку в образовательных учреждениях в соответствии с действующим законодательством, результаты чего «работали» по инерции еще некоторое время и после 2017 года, когда руководителем страны была провозглашена новая языковая политика (идеология) в образовании («добровольное право» в изучении языков народов России), сужающая роль марийского языка в сфере образования и ограничивающая возможности для его сохранения и развития в социуме¹, и после 2018 года, когда вступили в силу поправки к федеральному закону об образовании, закрепляющие принцип добровольности изучения языков.

Напротив, резко увеличилась до 13,2% к 2012 году (от 8,3% в 2001 году) численность понимающих марийскую речь, но не говоривших на этом языке, и примерно на этом же уровне удерживалась вплоть до 2020 года (табл. 3). Такая же ситуация с респондентами, говорящими на марийском языке с затруднениями.

Конкретизация полученной в ходе социологического опроса информации об уровне владения марийским языком с учетом этноидентификационного фактора позволяет представить более объективную картину языковых интенций и компетенций граждан, в том числе позволяет увидеть некоторые признаки внутренней конфликтности общественного сознания РМЭ. Так, если среди

---

¹ См.: Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве (на материале Республики Марий Эл): монография / МарНИИЯЛИ, Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2020. 183 с.

марийцев в 2012 году полноценно владели им 76,6% и вообще не владели только 2%, то среди русских респондентов картина прямо противоположная – соответственно 2,2% и 70,3%. Такая тенденция подтверждается и данными исследований 2018 и 2020 годов – при незначительном увеличении количественных значений по позициям «пишу, читаю, говорю» (и у русских, и у мари) и «не владею» (у мари), уменьшении по позиции «не владею» (у русских) (табл. 4). Значительное увеличение числа не владеющих марийским языком значительно увеличилось у татар – от примерно 60% в 2012 году до почти 72 % в 2020 году (табл. 4).

Таблица 4

Уровень языковой компетенции населения РМЭ в зависимости от национальной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Уровень владения	Русские			Мари			Татары		
	2012	2018	2020	2012	2018	2020	2012	2018	2020
Марийским языком									
Пишу, читаю, говорю	2,2	5,0	4,1	76,6	79,0	80,9	5,8	1,1	2,3
Читаю, говорю, но писать не умею	0,8	2,0	0,2	8,3	5,6	6,5	2,9	1,1	0,0
Говорю, но ни читать, ни писать не умею	0,6	2,9	1,4	4,9	3,7	5,3	2,9	4,6	3,4
Говорю с затруднениями	3,6	3,0	3,3	2,7	3,3	1,1	2,9	1,1	4,5
Понимаю, но не говорю	19,3	17,9	20,7	5,1	6,0	2,9	20,3	17,2	14,8
Не владею	70,3	65,7	63,3	2,0	1,9	2,7	59,4	59,8	71,6
Не ответили	3,2	3,5	7,0	0,4	0,5	0,6	5,8	15,1	3,4
Татарским языком									
Пишу, читаю, говорю	0,0	0,0	0,2	0,5	0,0	0,2	63,8	66,7	83,0
Читаю, говорю, но писать не умею	0,0	0,4	0,0	0,4	1,2	0,0	13,0	10,3	5,7
Говорю, но ни читать, ни писать не умею	0,2	1,3	0,4	1,3	1,7	1,3	14,5	10,3	3,4
Говорю с затруднениями	0,8	0,7	0,6	1,4	1,2	2,1	2,9	0	0,0
Понимаю, но не говорю	2,2	3,6	2,9	5,3	5,8	9,0	2,9	5,7	3,4
Не владею	93,0	89,4	88,5	87,5	81,7	84,0	2,9	6,9	4,5
Не ответили	3,8	4,6	7,4	3,6	8,4	3,4	0,0	0,1	0,0

Продолжение таблицы 4

Уровень владения	Русские			Мари			Татары		
	2012	2018	2020	2012	2018	2020	2012	2018	2020
Английским языком									
Пишу, читаю, говорю	5,6		5,1	3,1		2,3	4,3		6,8
Читаю, говорю, но писать не умею	2,2		1,4	0,2		0,4	0,0		1,1
Говорю, но ни читать, ни писать не умею	1,2		0,0	0,4		0,0	1,4		0,0
Говорю с затруднениями	9,0		3,3	7,8		1,1	10,1		2,3
Понимаю, но не говорю	5,6		2,7	4,2		2,1	11,6		0,0
Не владею	72,3		45,2	80,4		50,8	65,2		25,0
Не ответили	4,0		42,3	4,0		43,3	7,2		64,8

Сравнительный анализ данных по совокупному и молодежному населению РМЭ в этноидентификационном контексте позволил сделать следующие выводы об изменениях в уровне владения марийским языком:

1) темпы роста и спада количественных показателей в молодежной среде в некоторых случаях являются более выраженными, например, отмеченное в исследованиях усиление актуальности полноценного владения марийским языком для респондентов-мари: среди марийцев РМЭ, в целом, – от 76,6% в 2012 году до 80,9% в 2020 году (всего лишь на 4,3%) (табл. 4); среди марийской молодежи – соответственно от 74,6% до 83,2% (уже на 8,6%) (табл. 6);

2) мнение русской молодежи заметно отличается от мнения русского населения республики в целом по ряду позиций:

– оно менее лояльно относительно полноценного владения марийским языком: если среди русского населения РМЭ, в целом, обозначена некоторая тенденция увеличения респондентов с такой лингвокомпетенцией (от 2,2% в 2012 году до 4,1% в 2020 году) (табл. 4), то среди молодежи, наоборот, отмечено их уменьшение (до 3%);

– противоположно направленная динамика обозначена и в количественных показателях по не владеющим марийским языком: уменьшение среди всего населения (от 70,3% в 2012 году до 63,3% в 2020 году) и, наоборот, увеличение, причем, значительное, среди молодежи (соответственно от 64,9% до 72,6%, то есть почти на 8%);

– заметно (почти в 2 раза) уменьшилось число молодых респондентов, понимающих, но не говорящих на марийском языке (от 21,9% в 2012 году до 12,5% в 2020 году) (табл. 6), в то время как население РМЭ, в целом, демонстрирует устойчивые позиции на уровне примерно 19–21% (табл. 4).

Что касается владения *татарским языком*, то интерес к полноценному владению им в республике минимальный; вопрос актуален, главным образом, для татар (табл. 4). Но следует отметить, что данный язык в республике хорошо поддержан в образовательной сфере, в основном, в местах компактного проживания татарского населения – как родной язык, изучаемый в школе.

Численность полноценно владеющих главным языком международного общения – *английским языком* – в XXI веке практически не увеличивалась (4,3% в 2012 году и 3,7% в 2020 году), однако в значительной степени (примерно на 30%) уменьшилась за этот период численность респондентов, вообще не владеющих этим языком (соответственно 75,7% и 45%) (табл. 3).

1.3. Уровень владения марийским языком марийского населения РМЭ

Численность мари, занимающих крайние позиции (полноценное владение и не владение языком вообще) по марийской лингвокомпетенции, в течение первых двух десятилетий XXI века держалась примерно на одном и том же уровне – лишь с небольшой численной разницей. Так, полноценно владеющие марийским языком составляли примерно 75–81% (наибольший показатель отмечен в 2020 году – 80,9%), а не владеющие им ни в какой мере составляли 1,9–3,4% (наименьший показатель был отмечен в 2011 году) (табл. 5).

Таблица 5

Уровень владения марийским языком марийского населения РМЭ (в % от числа опрошенных)

Уровень владения марийским языком	2001	2006	2011	2012	2018	2020
Пишу, читаю, говорю	75,4	74,9	79,7	76,6	79,0	80,9
Читаю, говорю, но писать не умею	9,2	8,7	7,5	8,3	5,6	6,5
Говорю, но ни читать, ни писать не умею	6,5	4,7	2,7	4,9	3,7	5,3
Говорю с затруднениями	1,6	2,5	1,5	2,7	3,3	1,1
Понимаю, но не говорю	5,1	5,2	6,3	5,1	6,0	2,9
Не владею	2,2	3,4	1,9	2,4	1,9	2,7

Суммированная численность мари, неполноценно владеющих этническим (марийским) языком (ответы «читаю, говорю, но писать не умею», «говорю, но ни читать, ни писать не умею», «говорю с затруднениями», «понимаю, но не говорю») в 2001–2020 годах имела примерно такой же радиус общего колебания, как и по позиции «пишу, читаю, говорю» (6%), – 6,6% (табл. 5). Наименьший уровень таких респондентов отмечен в 2020 году, что, видимо, связано с увеличением численности тех, кто причислил себя к полноценно владеющим марийским языком (см. об этом выше) – все это создает иллюзию движения к более благополучной ситуации с этническим языком у марийского населения.

Если брать во внимание только начальные (2001) и конечные (2020) «точки», действительно, мы имеем дело именно с такой ситуацией (уменьшение неполноценно владеющих марийским языком – от 22,4% до 15,8%). Однако цифры, полученные в результате шести исследований с 2001 по 2020 годы, не позволяют говорить о последовательном падении общей численности таких респондентов, ибо имеют место не объяснимые с социологических позиций перепады, например, увеличение их в 2012 году до 21% (после 18% в 2011 году). Возможно, имели место некорректные моменты в организации исследования в 2011 году (при исключении его результатов уже можно было бы однозначно говорить о последовательном уменьшении числа марийцев, неполноценно владеющих марийским языком). Но в любом случае (по результатам всех исследований) цифры, связанные с не владеющими этническим языком мари, являютсястораживающими относительно перспектив марийского языка в будущем.

Сравнительный анализ результатов социологических исследований 2012–2020 годов, полученных по марийской молодежи, а также сопоставление их с динамикой мнения всего населения РМЭ приводят нас к следующим выводам:

– у молодых респондентов численность полноценно владеющих и не владеющих марийским языком, ее динамика почти аналогичны данным по совокупному населению РМЭ, лишь по некоторым позициям можно отметить чуть более выраженные показатели, например, в 2020 году: если, в целом, по РМЭ полноценно владеющие марийским языком составляли 80,9%, то среди молодежи их было больше – 83,2% (табл. 5);

– к 2018 году обозначилась четкая тенденция увеличения марийской молодежи, понимающей, но не говорящей на марийском языке, то есть вовсе не способной поддерживать устную коммуникацию на этническом языке (следует отметить, что это

примерно десятая, довольно значительная, часть марийской молодежи) (табл. 6).

Таблица 6

Уровень владения марийским языком марийской и русской молодежи РМЭ (в % от числа опрошенных)

Степень владения марийским языком	Мари			Русские		
	2012	2018	2020	2012	2018	2020
Пишу, читаю, говорю	74,6	74,3	83,2	3,3	5,1	3,0
Читаю, говорю, но писать не умею	7,7	5,1	6,1	1,3	2,2	0,0
Говорю, но ни читать, ни писать не умею	3,0	2,9	2,3	0,0	5,6	1,2
Говорю с затруднениями	3,0	3,7	1,5	6,0	3,9	5,4
Понимаю, но не говорю	8,3	10,3	3,8	21,9	12,9	12,5
Не владею	3,0	2,9	3,1	64,9	67,4	72,6
Не ответили	0,4	0,7	0,0	2,6	2,9	5,4

1.4. Желание / нежелание изучать марийский язык

В социологической анкете 2012 года (исследование «Языковая ситуация в Республике Марий Эл») присутствовал вопрос (в анкетах других лет он отсутствовал), задаваемый не знающим марийский язык и позволяющий прогнозировать как судьбу марийского языка, так в определенной мере и судьбу языкового многообразия в РМЭ: *«Хотели бы Вы изучать марийский язык?»*.

Анализ ответов респондентов, их намерений показал следующее: хотели бы изучать марийский язык среди марийцев – 58,1%, среди русских – 13,4%, не хотели бы изучать – соответственно 28,4% и 75%; затруднились с ответом («не знаю») – соответственно 13,5% и 11,4%.

Таким образом, позитивные намерения относительно марийского языка связаны, главным образом, с марийским населением, не владеющим им, а сохраняющийся интерес значительной части мари к этническому языку, видимо, можно квалифицировать не только как фактор их этноидентификации, но, в определенной мере, и как признак витальности языка. Отрицательный ответ большинства русского населения (три четверти опрошенных однозначно не хотели бы его изучать) фиксирует его приверженность в большей степени на языковое однообразие, чем на языковое многообразие (двуязычие и полилингвизм), и в определенной мере является «внутренне конфликтогенным» в условиях полиэтнического региона.

Но при этом следует отметить, что процент желающих изучать марийский язык среди не знающей его русской молодежи чуть выше,

чем среди всего аналогичного русского населения РМЭ (16,8% против 13,4%), а не желающих, наоборот, меньше (71,9% против 75,2%).

Респонденты-марийцы, не знающие марийского языка (21 человек из 519 опрошенных марийцев), свое нежелание изучать его объясняют следующими причинами (представляем их по мере убывания значимости): невостребованность марийского языка в их повседневной жизни (28,6%), отсутствие желания (23,8%), безразличие (19%), ненужность языка в их профессиональной деятельности (14,3%), отсутствие способностей для изучения языков (9,5%).

У русских респондентов, не знающих марийского языка (403 человека из 563 опрошенных русских), также на первом месте находится невостребованность языка в их повседневной жизни, но показатель почти в два раза выше (54,1%); на втором месте – отсутствие желания (также со значительно превышающим уровнем значения – 30,8%); на третьем месте – не безразличие, как у марийцев, а ненужность марийского языка в профессиональной деятельности (14,9%); на четвертом месте – безразличие (данный показатель у русских, по сравнению с марийцами, ниже и составляет 12,7%).

У русской молодежи, не знающей марийского языка, по первой (невостребованность в повседневности) и четвертой (безразличие) позициям количественные данные, по сравнению с совокупным русским населением, не знающим этого языка, выше на 5%, по второй (отсутствие желания) – выше даже на 7,5%. Это позволяет утверждать, что у русской молодежи сильнее выражен эмоциональный фактор в восприятии марийского (неродного, но государственного) языка.

2. Языковая коммуникация

2.1. Язык общения в семье

В последнем десятилетии наибольшее число респондентов, общающихся в семье только на своем этническом языке (независимо от того, признается он родным или нет), стабильно отмечается среди русского населения РМЭ (табл. 7–9). По численности значительно уступают ему аналогичные группы среди мари и татар.

Рассмотрим состояние лингвокоммуникации в семье на примере общения респондентов с родителями и со своими детьми дошкольного и школьного возраста (при их наличии).

Язык общения с родителями

Нами выявлена значительная разница между численностью русских, в наибольшей мере общающихся с родителями только на своем этническом (русском) языке, и мари (на марийском) и татар (на татарском). Однако данная разница имеет тенденцию к уменьшению (у мари – стабильную, у татар – непоследовательную): в 2012 году – на

32,7% у мари и на 36,2% у татар; в 2018 году – соответственно на 30,7% и 43,6%; в 2020 году – соответственно на 27,5% и 29,1% (табл. 7).

Таблица 7

Язык общения с родителями в зависимости от национальной принадлежности респондентов (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Русские			Мари			Татары		
	2012	2018	2020	2012	2018	2020	2012	2018	2020
Только на русском	86,9	73,5	64,3	12,5	12,9	11,8	4,3	13,8	2,3
Только на марийском	0,4	1,8	1,0	54,2	42,8	36,8	1,4	0,0	0,0
Только на татарском	0,0	0,0	0,0	0,4	0,0	0,0	50,7	29,9	35,2
На русском и марийском	1,2	4,8	2,3	20,8	27,2	22,9	0,0	0,0	1,1
На русском и татарском	0,0	0,4	0,2	0,0	0,2	0,0	27,5	36,8	29,5
Не ответили, в т.ч. не имеющие родителей	11,3	18,6	32,2	11,9	16,7	28,5	13,3	17,2	31,9

В наибольшей мере интенсивность процесса «ухода» этнического языка из общения с родителями проявилась у татар (в 2020 году, по сравнению с 2012 годом, численность коммуницирующих на татарском языке уменьшилась на 25,5%), в наименьшей мере – у мари (уменьшилась на 17,4%) (табл. 7). Однако заметим, что приводимые нами цифры достаточно большие, они предельно информативны в том смысле, что прогнозируют отнюдь не радужные перспективы для сохранения языков этих народов уже в ближайшем будущем.

Ситуация кажется более благоприятной и оптимистичной при суммировании однозначных («только на марийском» и «только на татарском») и «билингвальных» ответов («на русском и марийском» и «на русском и татарском»). Получается, что в 2020 году в таких вариантах среди мари этнический язык при общении с родителями был востребован у трех четвертей опрошенных, среди татар меньше – у 64,7%.

Язык общения с детьми

Общая тенденция по использованию языков в общении с детьми (речь идет только о респондентах, имеющих детей) в XXI веке в РМЭ – это усиление русскоязычной коммуникации и ослабление коммуникации на марийском и русском языках. В наибольшей мере это выражено в позиции «общение с детьми дошкольного возраста». Эта коммуникативная среда является основополагающей, базовой; оперативно реагируя на текущую языковую ситуацию и языковую политику, в равной мере способна закладывать на будущее как

позитивные, так и негативные тенденции развития. Соответственно, в отличие от семейной коммуникации с детьми школьного возраста в ситуации новых официально-идеологических установок способна сохранять в той или иной мере языковой опыт, поскольку он уже сложился, языковая коммуникация с детьми дошкольного возраста весьма показательна. Неудивительно, что родители детей-дошкольников в условиях вынужденного или не осознаваемого (не до конца понимаемого) ими выбора между этническими интересами и грубым прагматизмом, подогреваемым новыми политическими решениями (заявлениями) властей, чаще всего выбирают последнее.

Это подтверждается и нашими исследованиями 2012–2020 годов. Так, в 2018 году (именно в этом году перед началом учебного года родители школьников впервые написали заявления, фиксирующие их выбор языка обучения и учебных предметов в качестве родного и государственного языка, социологического исследование проводилось после этого события, в октябре-декабре 2018 года) очень резко, более чем в три раза, по сравнению с 2012 годом, уменьшилась численность респондентов-мари, указавших, что разговаривают со своими детьми дошкольного возраста только на марийском языке (от 33,6% до 10%), и в 1,4 раза увеличилась численность разговаривающих с ними только на русском языке (от 35,7% до половины ответивших на вопрос) (табл. 8). А в 2020 году численность мари, говорящих с детьми дошкольного возраста только на марийском языке, составляла 22,8%, что в полтора раза меньше, чем в начале 2010-х годов; большинство родителей (72,1% – это на 6% меньше, чем в 2012 году) говорило на русском языке (ответы «только на русском» и «на русском и марийском»).

То есть в РМЭ во втором десятилетии XXI века закрепилась тенденция уменьшения коммуникации на этническом (марийском) языке. Это несмотря на то, что в 2012 году выявлялись обнадеживающие суждения относительно его будущего в семье, оказавшиеся к 2020 году лишь декларацией: почти 90% респондентов-мари хотели бы, чтобы их дети знали родной язык (нежелание этого или безразличие выразили только 6,1% опрошенных) и 83,5% считали обязательным для каждого человека знание своего родного языка (на необязательность указали только 7,8%) (примерно такие же позитивные относительно родного языка декларации выявлялись тогда и в молодежной среде).

**Язык общения с детьми дошкольного возраста
в зависимости от национальной принадлежности
респондентов (в % от числа ответивших)**

Варианты ответов	Русские			Мари			Татары		
	2012	2018	2020	2012	2018	2020	2012	2018	2020
Только на русском	98,5	87,7	82,7	35,7	50,0	25,3	17,6	28,6	0,0
Только на марийском	0,9	0,0	0,0	33,6	10,0	22,8	0,0	0,0	0,0
Только на татарском	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0	0,0	29,4	0,0	15,4
На русском и марийском	0,3	5,5	6,7	30,4	35,0	46,8	2,9	0,0	0,0
На русском и татарском	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	50,0	71,4	84,6
Не ответили	0,0	6,8	10,6	0,0	3,7	5,1	0,0	0,0	0,0

Такая же тенденция обнаруживается и у татарского населения: уменьшилось число общающихся с детьми дошкольного возраста только на татарском и увеличилось число говорящих только на русском языке (резко – в 2018 году) и на русском языке вкуче с татарским. Отличие татар от мари заключалось в том, что численность разговаривающих на русском языке одновременно с этническим языком у них в 2020 году была очень высокой (почти 8 %, что в 1,8 раза выше, чем у мари) (табл. 8), а также в том, что был отмечен нулевой показатель по позиции «только на русском». Все это позволяет говорить о высокой степени ориентированности татар именно на двуязычие, отмеченное нами как фактор развития языкового многообразия.

Таблица 9

Язык общения с детьми школьного возраста в зависимости от национальной принадлежности респондентов (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Русские			Мари			Татары		
	2012	2018	2020	2012	2018	2020	2012	2018	2020
Только на русском	98,1	92,7	90,9	34,7	28,2	23,8	13,5	38,5	18,2
Только на марийском	0,7	0,0	0,0	34,1	29,1	20,4	0,0	0,0	0,0
Только на татарском	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0	0,0	13,5	7,7	0,0
На русском и марийском	0,9	4,6	5,1	30,3	40,8	53,1	0,0	0,0	0,0
На русском и татарском	0,0	0,9	0,0	0,0	0,0	0,0	67,6	53,8	72,7
Не ответили	0,0	0,9	3,0	0,0	1,9	2,7	0,0	0,0	4,6

В коммуникации респондентов со своими детьми школьного возраста отмечены те же процессы, но они менее выраженные, чем в общении с детьми дошкольного возраста. Русское население, в основном, моноязычно. У мари численность говорящих только на этническом языке в 2020 году составляла примерно пятую часть ответивших, у татар этот показатель, как и в случае с общением с детьми дошкольного возраста, нулевой.

Численность использующих для коммуникации русский и этнический языки к 2020 году возросла у мари до 53,1%, у татар – до 72,7%. Почти пятая часть родителей-мари общается сегодня со своим детьми-школьниками только на русском языке (табл. 9).

2.2. Использование родных языков в общественном социуме

Около половины (примерно 47–51%) жителей РМЭ традиционно указывали в 2001–2020 годах в качестве своего родного языка русский язык, ибо, согласно последней переписи, русские составляют 45,1% в общей численности населения. Но высокий уровень признания родным языком русского языка связан не только с позицией русского населения РМЭ. В республике русский язык считает родным (как отдельно, так и вкупе с другим языком) и немалая часть представителей нерусских этносов. Соответственно, общая численность респондентов, указывающих в качестве родного русский язык, все время сохранялась примерно на уровне около 60%.

Кроме семьи, родной язык используется в общественном социуме, а именно, в следующих сферах его жизнедеятельности (представляем сравнительные данные исследований 2012 и 2020 годов в общей совокупности населения РМЭ):

– в общении с друзьями – 86,4% ответивших в 2012 году и 72,7% в 2020 году;

– в общественных местах (в магазине, в транспорте, на улице и т.п.) – соответственно 74,3% и 49%,

– в общении с коллегами по работе – соответственно 54,6% и 38,8%;

– в административных учреждениях – соответственно 35,3% и 16,2%;

– в СМС-сообщениях – соответственно 25,8% и 11,1%;

– в Интернете – соответственно 23,1% и 16%¹.

Показатели сильно разнятся при рассмотрении их в зависимости от этнической принадлежности респондентов, правда, при сохранении характерных для всего населения иерархий приоритетов.

---

¹ Результаты опроса 2020 г. даны по изданию: Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2020 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. Г.С. Зеленева, О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2021. С. 14.

Так, численность русских по всем сферам использования родного (это в большинстве своем русский этнический язык) в 2012 году значительно превышала численность марийцев: сфера общения с друзьями – 89,8% русских и 83% марийцев; общественные места – соответственно 84,5% и 66,1%; работа – 63,9% и 47,1%. Наиболее существенная разница (примерно 30–34%) обнаруживалась в таких сферах использования родного языка, как административные учреждения (53,6% русских и 19,6% марийцев), СМС-сообщения (соответственно 41% и 11,6%), интернет (39,2% и 8,3%). По двум последним сферам у молодежи в 2012 году обнаруживалась еще большая разница: СМС-сообщения (59,6% русских и 16% марийцев – разница 43,6%), интернет (соответственно 60,3% и 15,4% – разница 44,9%).

Если иметь в виду, что для большинства марийцев (79,2%) родным является марийский язык, то само собой вытекает следующий вывод: наиболее уязвимыми в плане функционирования родного (марийского) языка уже в 2012 году являлись административный социум, не стимулирующий общение на языке коренного населения, и электронная информационная среда, «живущая» по законам глобальной сети (она ориентирована на самые востребованные языки международного общения, например, английский) и в 2012 году технологически еще не подготовленная для широкого и качественного использования в ней марийского языка. Несмотря на множество заявленных во второй половине 2010-х годов научно-технологических решений, связанных с продвижением марийского языка в интернете (клавиатура с марийскими знаками, словари, размещенные в интернете и т.д.) и, казалось бы, мотивирующих к активному их использованию, вышеуказанные показатели, касающиеся электронной информационной среды, к 2020 году для широкой публики стали еще менее интересными (ответ «в Интернете» дали 7,1% респондентов-мари, «в СМС-сообщениях» – всего лишь 4,8%, т.е. на 11,2% меньше, чем в 2012 году). Относительно СМС-сообщений, возможно, есть другие причины, не связанные с прямым интересом к языку или его отсутствием.

Далее рассмотрим в динамике (2012–2020) ответы респондентов-мари, называющих родным свой этнический язык (отдельно и вкуче с русским языком), об использовании его в общественном социуме.

Вплоть до 2020 года сохраняются достаточно высокий уровень присутствия марийского языка в дружеском общении (примерно 80–90%) и крайне низкий (особенно у респондентов, считающих родным только марийский язык) уровень его использования в интернете, СМС-сообщениях и административных учреждениях. В этих общественных

сферах обозначено резкое падение к 2020 году востребованности марийского языка и у респондентов-мари, называющих родными одновременно русский и марийский языки: в интернете – в два раза, в СМС-сообщениях – в три раза, в административных учреждениях – примерно в 2,7 раза (табл. 10). Второй родной язык (русский) позволяет легко обходиться им в этих сферах без этнического языка; что касается, например, административной среды, то в ней не созданы (или не работают) механизмы стимулирования марийской лингвокомпетенции.

Практика использования марийского языка в магазине, транспорте, на улице и т.п.) марийцами, признающим родным языком только марийский, в течение 2012–2020 годов оставалась примерно на одном уровне – весьма приличном, хотя менее значимом, по сравнению с общением с друзьями (примерно 64,4–67,7%). У марийцев с родным русским и марийским языками данный показатель значительно ниже (например, в 2012 году на 21%); кроме того, он демонстрирует последовательное падение (с 46,5% в 2012 году до 40% в 2020 году) (табл. 10). Такое явление свидетельствует не только об интенсивном процессе обрусения марийцев, но и о наличии в самой марийской среде психологического фактора, в условиях общественного доминирования русского языка мешающего отдавать предпочтение в общении в наиболее людных местах (в магазине, в транспорте, на улице и т.п.) родному этническому языку. Еще более интенсивно идет падение данного показателя в профессиональной коммуникации (вариант ответа «с коллегами по работе»): с 47,9% до 28,4%) (табл. 10).

Таблица 10

Сферы использования марийцами родного (марийского) языка в социуме в зависимости от родного языка респондентов (в % от числа опрошенных)

Сфера использования	Родной язык					
	марийский			марийский и русский		
	2012	2018	2020	2012	2018	2020
в разговоре с друзьями	82,2	91,2	87,4	80,3	80,3	87,4
с коллегами по работе	43,7	45,9	46,7	47,9	35,2	28,4

Продолжение таблицы 10

Сфера использования	Родной язык					
	марийский			марийский и русский		
	2012	2018	2020	2012	2018	2020
в общественных местах (в магазине, в транспорте, на улице и т.п.)	67,5	67,7	64,4	46,5	45,9	40,0
в административных учреждениях	15,6	9,7	12,1	19,7	4,1	7,4
в интернете	1,8	7,6	5,4	15,5	8,2	7,4
в СМС-сообщениях	4,8	12,1	3,3	22,5	7,4	7,4
другое	3,0	6,3	4,9	11,3	13,9	13,7

2.3. Чтение текстов на марийском языке

Важнейшим фактором витальности языка является сохранение навыков чтения текстов. К сожалению, прямые вопросы для выявления такой лингвокомпетенции задавались респондентам только в 2012 году (опрос «Языковая ситуация в Республике Марий Эл»). Проанализируем кратко полученные результаты в ракурсе развития в республике языкового многообразия.

Русские респонденты в большинстве своем не видят необходимости в чтении на марийском языке ни художественной литературы (83,1% от общего числа их опрошенных), ни газет (82,3%), ни журналов (83,1%). Примерно на таком же уровне находятся ответы представителей русской молодежи. Поэтому нет необходимости в подробном анализе ответов русских респондентов. Что касается марийцев, то обращает на себя внимание «пестрота» их ответов как относительно видов текстов, так и самого характера отношения к ним.

Наибольшее внимание (читают постоянно или иногда) респонденты-мари уделяют марийским газетам (70,5%), наименьшее – журналам (47%); художественную литературу на марийском языке постоянно или иногда читают около половины опрошенных марийцев (49,4%). Соответственно по газетам получено наименьшее количество ответов «нет необходимости в их чтении» (17,2%), в то время как таким образом высказались относительно художественной литературы 28,1% марийцев, а журналов – 23,9%. Почти четвертая часть марийцев отмечают, что им недоступны журналы (24,5%).

Таким образом, марийское население в большинстве своем предпочтение отдает более доступной, информативной, публицистической литературе, а не словесно-художественной культуре, максимально развивающей языковое мышление. Численность

постоянно читающих художественную литературу и журнальную продукцию среди марийцев составляет всего лишь около 11–12%.

Если среди всего марийского населения постоянно и иногда читающие газеты респонденты составляли примерно одинаковое количество (соответственно 34,1% и 36,4%), то среди молодежи их показатели значительно разнятся (20,1% и 39,1%), что само собой говорит о меньшей ее заинтересованности в чтении марийских текстов (см. табл. 11).

Таблица 11

**Чтение молодежью РМЭ текстов на марийском языке (2012)
в зависимости от национальности (в % от числа опрошенных)**

Варианты ответов	Все население	В том числе	
		Мари	Русские
<i>А. Читают художественную литературу</i>			
Постоянно	5,3	11,2	0,7
Иногда	17,4	33,1	4,0
Нет возможности	10,5	14,8	5,3
Нет необходимости	60,9	37,3	82,8
Не ответили	5,9	3,6	7,2
<i>Б. Читают газеты</i>			
Постоянно	9,5	20,1	0,7
Иногда	19,5	39,1	4,0
Нет возможности	8,4	9,5	6,0
Нет необходимости	56,7	27,8	82,1
Не ответили	5,9	3,6	7,2
<i>В. Читают журналы</i>			
Постоянно	2,7	5,3	0,7
Иногда	17,6	35,5	3,3
Нет возможности	12,8	20,1	5,3
Нет необходимости	59,7	32,5	83,4
Не ответили	7,2	6,6	7,3

Об этом же свидетельствует, и значительная количественная разница по ответу «нет необходимости» между всем марийским населением республики и марийской молодежью: по художественной литературе разница составляет 9,2% (соответственно 28,1% и 37,3%), газетам – 10,6% (17,2% и 27,8%), журналам – 8,6% (23,9% и 32,5%).

3. Проблема «государственного двуязычия»

В соответствии с Конституцией РМЭ, принятой в 1995 году, государственными языками в РМЭ были провозглашены марийский (горный, луговой) и русский языки (статья 15). Вопрос о владении государственными языками, отношение к ним – это, безусловно, вопрос об отношении индивида к многоязычию социума.

3.1. Правовая рефлексия относительно государственных языков РМЭ и «государственного двуязычия»

Выявлению отношения населения к использованию государственных языков республики максимально способствует вопрос, повторявшийся в анкетах МарНИИЯЛИ в течение последнего десятилетия: «*Как Вы считаете, в полной ли мере функционируют русский и марийский языки как государственные?*».

К 2020 году почти в 2,4 раза увеличилась численность респондентов, считающих, что русский и марийский языки в полной мере функционируют как государственные языки (она сегодня составляет примерно треть), одновременно уменьшилось число тех, кто считает, что больше используется русский язык, чем марийский язык, – 64,6% в 2012 году до 49% в 2020 году (табл. 12).

Между тем реальная ситуация с государственными региональными (национальными) несколько иная (в РМЭ нет полноценного «государственного двуязычия»), и она значительно усугубилась, как было отмечено нами выше, после внесения поправок в федеральный закон об образовании. А последующие за поправками конкретные меры властных структур, а также однонаправленное (радушное) представление языковой ситуации и умалчивание проблем с последующим развитием национальных языков России в федеральных СМИ во многом способствовали формированию в общественном сознании населения РМЭ, в целом, иллюзии правового благополучия в этой сфере, а также угасанию активного интереса к языковым правам – своим или чужим.

Таблица 12

Мнение респондентов о функционировании государственных языков РМЭ (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2012	2015	2018	2020
Да в полной мере функционируют русский и марийский языки	13,5	27,7	27,3	32,0
Больше используют русский язык, чем марийский язык	64,6	59,4	55,8	49,0
Больше используют марийский язык, чем русский язык	0,5	0,5	0,9	0,3
Нет, русский и марийский языки функционируют не в полной мере	4,5	1,0	1,4	0,7
Не могу сказать определенно	15,9	11,2	13,5	17,6
Не ответили	1,0	0,2	1,1	0,4

Тенденция уменьшения считающих, что больше в республике используют русский язык, чем марийский язык, отмечена как среди русского, так и марийского населения. Но несформированность в республике реального «государственного двуязычия» все-таки больше всего волнует марийское население. Об этом можно судить по численному уровню этого показателя, заметно превышающему показатель русских, во все годы опросов (табл. 13). Так, если среди мари на данную проблему указывали в 2012 году 73%, то среди русских – на 16% меньше, в 2020 году – среди мари – 60,9%, среди русских таковых было на 12,2% меньше (табл. 13).

Таблица 13

Мнение респондентов о функционировании государственных языков РМЭ в зависимости от национальной принадлежности респондентов (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Русские				Мари			
	2012	2015	2018	2020	2012	2015	2018	2020
В полной мере функционируют русский и марийский языки	14,9	31,9	32,4	33,5	13,0	24,7	22,0	28,1
Больше используют русский язык, чем марийский язык	57,0	55,4	48,7	44,6	73,0	67,7	68,0	60,9
Больше используют марийский язык, чем русский язык	0,2	0,7	0,4	0,2	0,9	0,4	1,0	0,6
Нет, русский и марийский языки функционируют не в полной мере	5,4	0,5	0,9	0,6	3,1	1,2	2,1	0,8
Не могу сказать определенно	21,1	10,9	16,3	20,9	9,2	6,0	6,2	9,0
Не ответили	1,4	0,6	1,3	0,2	0,7	0,0	0,7	0,6

Признававших равноправное функционирование русского и марийского государственных языков среди мари меньше, чем среди русских (в 2020 году – соответственно 28,1% и 33,5%) – это тоже свидетельство более высокого «градуса» волнения мари по поводу «государственного двуязычия» в РМЭ. Результаты исследования, таким образом, фиксируют не только более спокойную реакцию русского населения на ситуацию с государственными языками РМЭ, отсутствие реального интереса к двуязычию и несколько завышенные их оценки реального места марийского языка в обществе. В этом

контексте обращает на себя внимание и достаточно высокий процент отстранившихся от ответа в 2012 году (22,5% русских респондентов либо не смогли высказаться определенно, либо не стали отвечать вообще), к 2020 году их численность чуть уменьшилась, но по-прежнему оставалась достаточно высокой (17,6%).

В русской молодежной среде такое же большое, как и у всего русского населения в целом, количество респондентов, отстранившихся от ответа (в 2012 году – 22,5%); но, в отличие от всего русского населения, в 2012 году не было завышенных оценок (идеализации ситуации по тем или иным причинам) по поводу функционирования в обществе марийского языка, рефлексия двуязычия более категоричная и объективная (про функционирование русского и марийского языков в полной мере говорят только 10,6%, что на 4,5% меньше, чем среди всего русского населения РМЭ; несколько выше их показатели по признанию доминирующей роли русского языка (59,6% – на 2,6%) и признанию полноценного функционирования обоих языков (7,3% – примерно на 2%). Мнение марийской же молодежи по большинству пунктов совпадало с оценкой всего совокупного марийского населения.

Главными причинами отсутствия полноценного двуязычия в РМЭ респонденты в 2012 году называли следующие (представляем по мере убывания значимости) (табл. 14):

- не все жители республики владеют русским и марийским языками – 62,3% (примерно в одинаковой степени это мнение преобладает и у русского, и марийского населения РМЭ);

- нет желания изучать марийский язык – 38,3% (у русских данный показатель значительно выше, чем у мари, – 44%; а у русской молодежи – даже 51,7%);

- нет уважения к языкам – 28,2% (так ответили 16,3% русских и 43,8% мари) (о чем неуважении к языкам идет речь в каждом из этих случаев – самого респондента или социума к языку респондента – мы можем только догадываться);

- марийский язык не функционирует в органах государственной власти – 16,7% (более всего волнует этот вопрос марийское население – 25,7%).

Таблица 14

**Причины отсутствия полноценного двуязычия в РМЭ (2012)
в зависимости от национальной принадлежности
респондентов (в % от числа опрошенных)**

Причины	Все население	В том числе	
		Мари	Русские
Не все жители республики владеют русским и марийским языками	62,3	62,5	61,2
Не ведется делопроизводство на марийском языке	9,0	14,9	4,4
Нет уважения к языкам	28,2	43,8	16,3
Нет уважения к русскому языку	2,4	2,7	2,0
Марийский язык не функционирует в органах государственной власти	16,7	25,7	10,0
Недостаточно возможности для получения образования на марийском языке	7,3	10,0	5,2
Не хватает финансовых средств для развития двуязычия	3,9	4,5	4,0
Нет современных учебников по марийскому языку	6,1	10,1	3,6
Нет желания изучать марийский язык	38,3	31,7	44,0
Другое	1,2	0,9	1,2

Для мари в качестве причин отсутствия полноценного двуязычия также очень важны такие факторы (для русских в силу ряда обстоятельств они не имеют принципиальной важности):

- не ведется делопроизводство на марийском языке (среди мари отметили эту причину примерно в 3,4 раза больше, чем среди русских);
- нет современных учебников по марийскому языку (отметили примерно 10% респондентов-мари, что почти в 3 раза больше, чем среди русских);
- недостаточно возможности для получения образования на марийском языке (почти в два раза больше, чем среди русских).

В продолжение разговора о путях достижения полноценного двуязычия в РМЭ респондентам 2012 году задавался вопрос «*Необходимо ли для всего населения РМЭ владение государственными языками?*» (в последующие годы этого вопроса в анкете не было) и были получены следующие результаты по республике, в целом, и по молодежи, в частности, а также в зависимости от национальной принадлежности респондентов (отдельные позиции проанализируем в сопоставлении с результатами опроса 2001 года) (табл. 15 и 16).

Таблица 15

**Мнение респондентов о необходимости владения
государственными языками для всего населения РМЭ (2012) в
зависимости от национальной принадлежности респондентов (в %
от числа опрошенных)**

Варианты ответов	Все насел ение	В том числе				
		Национальность		Молодежь		
		Мари	Русские	Вся молоде жь	Национальность	
					Мари	Русские
<i>А. Русским языком</i>						
Необходимо для всех	94,8	92,6	96,4	94,6	94,1	94,7
Необходимо, но только для представителей отдельных профессий и руководящих работников	0,9	0,9	1,0	0,3	0,0	0,7
В этом нет необходимости	1,0	0,7	1,2	0,9	0,0	2,0
Затрудняюсь ответить	1,7	2,2	1,4	2,3	1,8	2,6
Не ответили	1,6	3,6	0	1,9	4,1	0
<i>Б. Марийским языком</i>						
Необходимо для всех	32,9	54,2	16,9	32,9	56,2	13,2
Необходимо, но только для представителей отдельных профессий и руководящих работников	26,9	23,0	29,5	25,1	19,5	31,1
В этом нет необходимости	24,2	11,2	33,9	27,4	8,9	41,7
Затрудняюсь ответить	12,3	9,2	15,7	12,9	13,0	12,6
Не ответили	3,7	2,4	4,0	1,7	2,4	1,3

В разрезе всего населения РМЭ:

– безоговорочное признание всеми этническими группами (в том числе марийцами – 92,6%) необходимости владения русским государственным языком, признанным языком межэтнического общения (важнейшим компонентом языкового многообразия общества);

– отсутствие такого единодушия относительно марийского государственного языка, способного обеспечить другую необходимую составляющую языкового многообразия региона – билингвизм и полилингвизм. Так более трети русских респондентов (татар еще больше – почти 40%) категорически отрицают необходимость владения им (в 2001 году их было больше – 60,8%), и около 30%

считают, что это необходимо только для представителей отдельных профессий и руководящих работников; «необходимо для всех» указали только 16,9% (татары еще меньше – 13%);

– наибольшее число выступающих за обязательное владение марийским государственным языком – среди марийского населения 54,2%; необходимо отметить, что мари в этом плане, если сравнивать данные 2001 и 2012 годов, заметно усилили свою позицию – на 18,3%; кроме того, несколько уменьшилось среди них число отрицающих необходимость обязательного знания марийского государственного языка (до 11,2%), хотя это показатель в контексте будущей судьбы марийского языка является весьма настораживающим;

– безразличие к проблеме государственных языков (особенно в части марийского языка) со стороны большого числа (примерная пятая часть опрошенных) русских респондентов (15,7% уклонились от ответа и 4% вовсе не стали отвечать на поставленный вопрос);

– примерно одинаковая степень осознания всем населением и тремя основными этносами республики (русскими, мари и татарами) того, что для представителей отдельных профессий и руководящих работников необходимо владение обоими государственными языками (на уровне 23–30%).

Таблица 16

Мнение населения РМЭ о необходимости владения марийским государственным языком в зависимости от национальной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Все население					
	русские		мари		татары	
	2001	2012	2001	2012	2001	2012
	Все население					
Необходимо для всех	6,3	16,9	35,9	54,2	20,0	13,0
Необходимо, но только для представителей отдельных профессий и руководящих работников	24,8	29,5	37,1	23,0	18,4	27,5
В этом нет необходимости	60,8	33,9	18,5	11,2	50,7	39,1
Затрудняюсь ответить	8,1	15,9	8,6	9,2	10,8	11,6
Не ответили	0,0	4,0	0,0	2,4	0,0	8,7
	Молодежь					
Необходимо для всех	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
Необходимо, но только для представителей	22,2	22,2	22,2	22,2	22,2	22,2

отдельных профессий и руководящих работников						
В этом нет необходимости	68,7	68,7	68,7	68,7	68,7	68,7
Затрудняюсь ответить	5,1	5,1	5,1	5,1	5,1	5,1
Не ответили	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

В разрезе молодежного сознания:

– совпадение распределения мнения молодежи в общей ее совокупности с мнением всего населения республики практически по всем позициям;

– наличие, по сравнению со всем совокупным населением республики, большей определенности (меньшей уклончивости) в ответах по вопросу владения марийским государственным языком (например, среди русской молодежи примерно на 6% меньше, чем среди всего русского населения РМЭ, тех, кто затруднился с ответом или не ответил на поставленный вопрос);

– марийская молодежь в несколько большей мере, чем, в целом, население РМЭ и марийское население республики, выступает за необходимость владения марийским государственным языком (ответ «необходимо для всех» дали 56,2% молодых мари); значительно (почти на 10%) уменьшилось число молодых мари, категорически отрицающих необходимость владения им (с 19,3% в 2001 году до 8,9% в 2012 году);

– русская молодежь, наоборот, более выражено, по сравнению с данными как по населению республики, в целом, так и по русскому населению, проявляет свое негативное отношение к этой проблеме (41,7% респондентов дали категоричный ответ «в этом нет необходимости», только 13,2% высказались за обязательное владение им. Почти треть русской молодежи (31,1%) склонна считать, что это необходимо только для представителей отдельных профессий и руководящих работников. Таким образом, данная молодежная этническая группа в 2012 году больше была ориентирована не на «государственное двуязычие» (фактор достижения реального языкового многообразия в регионе), а на языковое однообразие, которое таит в себе опасность утраты потенциала взаимообогащения культур в полиэтническом пространстве.

3.2. Меры для достижения «государственного двуязычия»

В качестве ключевых системных мер на административно-государственном уровне, направленных на достижение равноценного использования обоих государственных языков РМЭ, в 2012 году (в

опросах других лет не запрашивалась такая информация) респонденты называли следующие:

- шире использовать двуязычие в СМИ – 34,2%;
- во всех государственных учреждениях обязательно начинать официальные мероприятия с приветствия на марийском языке – 29,3%;
- ввести обязательное обучение марийскому языку во всех учебных заведениях – 29%;
- ввести обязательные курсы марийского языка для работников государственных учреждений – 28,3%.

Этим же мерам отдавали предпочтение марийцы; однако они у них имеют более выраженный характер – соответственно 38,5%, 43,1%, 40% и 40%. Для русских они, кроме более широкого использования двуязычия в СМИ, гораздо менее привлекательны – соответственно 31,1%, 19,7%, 20,1% и 19,9%. Для марийских респондентов больше, чем для русских, имело значение также ведение делопроизводства на государственных языках (соответственно 11,6% и 7,2%).

Аналогичная картина представлена и в ответах молодежи, исключение составляло менее выраженное у всей молодежи отношение к обязательным курсам русского языка для работников государственных учреждений для укрепления позиций русского государственного языка.

Расширение сферы функционирования марийского языка в информационном пространстве (СМИ, интернете), что могло бы стать одним из средств достижения полноценного двуязычия, оценивали как позитивный факт 35,3% опрошенных (причем, марийцы намного больше, чем русские, – соответственно 57,6% и 19,9%), в том числе среди молодежи – 32,8% опрошенных (также с большой разницей между марийцами и русскими). Безразличие к этому вопросу проявили (ответы «это никому не нужно» и «меня это не касается») 39% мари и 76,7% русских.

Для достижения равноправия в использовании государственных языков необходима поддержка менее защищенного языка, повышение его престижа в обществе. Считая в большинстве своем, что марийский государственный язык является менее защищенным, респонденты-мари в качестве основных путей поднятия его престижа в 2012 году называли следующее (приводим в порядке убывания их значимости):

1) создание отдельного спутникового телеканала «Марийский мир» для освещения на марийском языке событий в республике и в местах компактного проживания мари – на это указали 60% опрошенных мари (у русских данный показатель также на первом

месте – 31,1%, однако выбравших этот, а также другие показатели, которые будут названы ниже, примерно в два раза ниже);

2) популяризация на центральном российском телевидении национальной культуры, современных марийских исполнителей – 58,2% (русские – 28,1%);

3) введение во всех детских садах и школах республики обязательного преподавания государственного марийского языка – 53,6% (русские – 20,9%);

4) организация производства, тиражирования и распространения художественных, документальных, мультипликационных фильмов на марийском языке (с субтитрами на русском и английском) – 35,3% (русские – 17,3%);

5) объявления на вокзалах, в транспорте на русском и марийском языках – 24,5% (русские – 13,3%);

6) широкое использование рекламы на марийском языке (телевидение, радио, реклама на улице) – 21,2% (русские – 10,6%);

7) создание Интернет-канала (IP-телевидения) на марийском языке – 20,7% (русские – только 8,2%);

8) материальное стимулирование государственных служащих, выучивших марийский язык, – 16,5%. По данной позиции в 2012 году русские не просто были единодушны с марийцами, но были даже чуть активнее их – 17,1%.

Следует отметить, что практически ничего из вышеперечисленного, кроме ряда весьма удачных и интересных попыток создания документальных фильмов, в том числе к 100-летию со дня образования РМЭ, на практике реализовано не было; преподавание марийского государственного языка в детских садах к началу 2020-х годов стало минимальным, а в школах, в связи с новой языковой политикой в образовании, его изучение тоже усложнилось.

В 2020–2021 учебному году его изучают 45,27% обучающихся (в 2013–2014 учебном году – 53%), из них основная часть изучает его интегрированно с учебной дисциплиной «История и культура народов Марий Эл» (1 час в неделю) (в 2013–2014 учебном году интегрированно изучали его только 777 человек, то есть чуть больше 1% всего контингента обучающихся)¹. Одним словом, обозначилась

---

¹ Образовательный портал Республики Марий Эл. Сведения по изучению марийского языка // URL: <http://edu.mari.ru/school/DocLib5/Forms/AllItems.aspx?RootFolder=%2fschool%2fDocLib5%2fСтатистика> (дата обращения: 10.10.2021); Образовательный портал Республики Марий Эл. Сведения по изучению родных языков в 2020-2021 учебном году // URL:

тенденция постепенного перевода обучающихся с непосредственного изучения марийского государственного языка на изучение его в составе интегрированного курса (в 2020–2021 учебном году – соответственно 17,67% и 27,6%), объемного по содержанию, но не обеспеченного адекватным этому содержанию количеством учебного времени.

Не реализована и надежда населения, в том числе русского, на материальное стимулирование компетенций по марийскому языку для государственных служащих.

3.3. Вопрос о преподавании государственного марийского языка во всех школах

В 2012 году значительное большинство совокупного населения РМЭ (83,4%), а также марийцев (86,9%) и русских (81,3%) считали, что школа способствует развитию и сохранению государственного языка; за школой не видели такой функции только 11,5% респондентов (7,9% марийцев и 14,4% русских).

Однако при расшифровке языка картина заметно менялась. Когда речь шла о роли школы в развитии и сохранении русского государственного языка, позитивный ответ давали 95,1% жителей РМЭ; применительно к марийскому государственному языку этот показатель был намного меньше – 71,7%. Такая существенная разница происходила, главным образом, из мнения русских респондентов, 27,3% которых (у молодежи еще больше – 32,5%) снимали со школы всякую ответственность за будущее марийского языка (признавали же такую ответственность примерно 65%).

Среди мари роль современной школы в развитии и сохранении марийского государственного языка высоко оценивали примерно 81% респондентов, не признавали ее – около 15%. Кроме того, марийское население в большинстве своем (74,5%) было уверено, что преподавание марийского языка в школе нужно именно для сохранения этого языка (среди русских такого мнения придерживались только 41,4%). Все остальные ответы на вопрос, для чего необходимо в школе преподавать марийский язык, в процентном отношении заметно уступали ответу «для сохранения языка»: для воспитания взаимного уважения и понимания друг к другу – 39,7%, для формирования чувства принадлежности к РМЭ – 35,9%, в целях соблюдения Закона РМЭ «О

языках в Республике Марий Эл» – 24,8%, для ознакомления – 21,7%, для карьерного роста – 2,2%.

Следование существующему языковому законодательству или правовой нигилизм относительно марийского государственного языка наиболее ярко просматривались в ответах на вопрос «*Как вы считаете, есть ли необходимость в преподавании марийского государственного языка во всех школах РМЭ?*», который был в анкетах опросов МарНИИЯЛИ 2001–2012 годов и в анкете опроса среди молодежи 2018 года¹, что позволяет сопоставить данные по молодежи на протяжении более длительного периода.

Что касается мнения всего населения РМЭ, то оно к 2012 году заметно активизировалось в сторону признания необходимости его изучения во всех школах (с 38,9% в 2001 году до 47,9% в 2012 году). Но если среди мари такую необходимость признавали 71,4% респондентов, то среди русских таковых было значительно меньше (примерно в 2,3 раза), среди татар (в 3,5 раза) (табл. 17). Русские и татары в значительной своей части были против преподавания марийского государственного языка во всех школах – соответственно 45,6% (среди молодежи еще больше – 51%) и 60,9%.

Таблица 17

Мнение населения РМЭ о необходимости преподавания марийского языка как государственного языка во всех школах республики в зависимости от национальной принадлежности (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Русские			Мари			Татары		
	2001	2006	2012	2001	2006	2012	2001	2006	2012
Да	19,4	18,2	31,1	62,1	78,1	71,4	26,2	13,8	20,3
Нет	65,7	54,7	45,6	23,7	16,9	12,7	61,5	63,8	60,9
Затрудняюсь ответить	14,9	24,6	22,1	14,2	18,4	14,9	12,3	22,2	17,3
Не ответили	0,0	2,5	1,2	0,0	1,6	1,0	0,0	0,2	1,4

Правовой нигилизм немарийского населения дополнительно подтверждался ответами на вопрос о том, для чего нужно преподавание марийского языка в школе: к примеру, только 8,2%

¹ См. об этом: Шабьков В.И., Кудрявцева Р.А. Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве (на материале Республики Марий Эл): монография / МарНИИЯЛИ, Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2020. 183 с.

русских респондентов (на 16,6% меньше, чем мари) среди целей его преподавания указали на соблюдение действующего Закона РМЭ «О языках в Республике Марий Эл». Заметим также, что русские почти два раза меньше, чем мари, связывали с его изучением в школе формирование чувства принадлежности к РМЭ.

Обратимся к анализу динамики мнения по этой проблеме у молодежи.

Если к 2012 году был отмечен рост численности молодых респондентов, считавших необходимым изучение марийского государственного языка во всех школах (до 46%), то к 2018 году она резко снизилась до 28,9% (табл. 18). Данный скачок, безусловно, связан с уже указанными нами выше изменениями в образовательной политике государства. Есть и другая причина: часть респондентов ушла от однозначного ответа, выбрав позицию «необходимо в отдельных школах», введенную в анкету в 2018 году дополнительно к уже имевшимся ранее вариантам и, по всей видимости, более адекватно выражающую в этот период мнение опрошиваемых (почти пятая часть молодежи выбрала именно этот вариант ответа).

Далее проанализируем отмеченные молодыми респондентами варианты ответов в зависимости от их национальности.

Ответ «да» / «необходимо во всех школах»:

– русские респонденты продемонстрировали в 2018 году возврат примерно к уровню 2001 года – он у них является наименьшим относительно других этнических групп молодежи (всего лишь 12,4%);

– примерно такая же динамика у молодых мари, но показатель в 2018 году у нее самый высокий (почти 55%), что неудивительно, так как речь идет об их этническом языке;

– у татарской молодежи отмечено последовательное с 2001 года падение данного показателя до 13,6% (на 22,1%).

Ответ «нет»:

– примерно половина русской и татарской национальностей (наибольший показатель) и примерно 14% марийской (наименьший показатель) в 2018 году высказались против преподавания марийского государственного языка во всех школах РМЭ (в целом, по молодежи этот показатель равен 40%);

– во всех трех основных этнических группах молодежи отмечено уменьшение численности таких респондентов, по сравнению с началом XXI века, в наибольшей степени – у русских (на 27%).

Таблица 18

**Мнение молодежи РМЭ о необходимости преподавания
марийского государственного языка во всех школах республики в
зависимости от национальной принадлежности (в % от числа
опрошенных)**

Варианты ответов	Вся молодежь	В том числе			
		русские	мари	татары	другие
2001 год					
Да	33,4	12,1	58,8	35,7	80,0
Нет	53,9	78,8	22,7	57,1	20,0
Затрудняюсь ответить	12,4	9,1	17,6	7,1	0,0
Не ответили	0,3	0,0	0,8	0,0	0,0
2006 год					
Да	34,5	17,1	56,9	18,2	44,4
Нет	42,9	60,1	18,6	65,9	33,3
Затрудняюсь ответить	22,8	22,3	22,9	15,9	22,2
Не ответили	0,8	0,5	1,6	0,0	0,0
2012 год					
Да	46,0	29,1	68,6	20,0	22,2
Нет	35,9	51,0	14,2	65,0	66,7
Затрудняюсь ответить	17,3	19,2	16,6	10,0	11,1
Не ответили	0,9	0,7	0,6	5,0	0,0
2018 год					
Необходимо во всех школах	28,9	12,4	54,7	13,6	20,7
Необходимо в отдельных школах	20,5	24,6	17,5	16,9	20,7
Нет такой необходимости	38,0	51,8	14,2	49,2	48,3
Затрудняюсь ответить	12,4	10,9	13,1	20,3	10,3
Не ответили	0,2	0,3	0,5	0,0	0,0

По диаметрально противопоставленным показателям (да / нет), как видим, сильно разнятся мнения молодых мари (они в большинстве своем открыто нацелены на реальное двуязычие / полилингвальность всего населения республики) и немарийской молодежи, демонстрирующей в этом отношении гораздо меньшую заинтересованность.

Заключительные положения

Рассмотренная нами динамика общественного сознания населения РМЭ с учетом факторных оппозиций (все население республики / молодежь, основные этноцензовые группы) позволяет

сделать следующие выводы о развитии в республике языкового многообразия:

- основой многоязычного социума является русский язык, официально признаваемый не только государственным языком российского государства, но и государственным языком РМЭ, обладающий максимальной защищенностью в социуме как в объективном, так и субъективном планах, обеспеченный высоким уровнем лингвокомпетенции всем населением республики;

- отмечен значительный рост числа молодежи всех этнических групп, владеющих английским языком (правда, численность полноценно владеющих им небольшая и в течение двух десятилетий практически не менялась), чему во многом способствует обязательное его изучение во всех образовательных организациях РМЭ;

- прослеживается тенденция уменьшения численности не изучающих и владеющих марийским языком (среди молодежи данная тенденция является более выраженной), что усложняет реализацию таких составляющих языкового многообразия, как билингвизм и полилингвизм (более всего привержены к языковому однообразию русские и татары);

- среди марийского населения отмечено уменьшение к 2020 году неполноценно владеющих марийским языком и увеличение понимающих, но не говорящих на этническом языке; выявлено уменьшение роли марийского языка в семейной коммуникации мари и в общественном социуме, особенно в профессиональной коммуникации. Все это является настораживающим фактом относительно перспектив марийского языка в будущем;

- в РМЭ нет полноценно функционирующего «государственного двуязычия» (владения всем населением двумя государственными языками РМЭ – марийским и русским), движение к которому заметно затруднено после внесения поправок в федеральный закон об образовании (изучение языков коренных народов России на добровольной основе);

- наибольшее число выступающих за обязательное владение марийским государственным языком традиционно выявляется среди марийского населения, в то время как немарийское население в большинстве своем склонно считать, что в этом нет необходимости и, если необходимо, то только для представителей отдельных профессий и руководящих работников;

- наибольшую заинтересованность в укреплении престижа марийского языка на протяжении всего XXI века проявляли мари; в

качестве путей достижения этого они в большей мере называют создание отдельного спутникового телеканала «Марийский мир» для освещения на марийском языке событий в республике и в местах компактного проживания мари, популяризацию на центральном российском телевидении национальной культуры, современных марийских исполнителей, введение во всех детских садах и школах республики обязательного преподавания государственного марийского языка, организацию производства, тиражирования и распространения художественных, документальных, мультипликационных фильмов на марийском языке (с субтитрами на русском и английском), объявления на вокзалах, в транспорте на русском и марийском языках. К сожалению, на практике почти ничего из этого не реализовано; не реализована до сих пор и надежда населения, в том числе русского, на материальное стимулирование компетенций по марийскому языку для государственных служащих; в образовательных организациях намечена тенденция постепенного перевода обучающихся с изучения родного марийского языка на марийский государственный язык, а также целенаправленно поддерживается тенденция перевода обучающихся (особенно в городах и районных центрах) с непосредственного изучения марийского государственного языка на изучение его в составе интегрированного курса «История и культура народов Марий Эл».

Таким образом, наряду с явными позитивными тенденциями, способствующими активному развитию языкового многообразия, в РМЭ имеют место и процессы, направленные на его сдерживание, а именно, связанные с формированием полноценного билингвизма и полилингвизма.

ГЛАВА V ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ В УДМУРТИИ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ¹

Воронцов В.С.

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАНг. Ижевск

Аннотация. В данной главе на основе переписей населения, данных этносоциологического опроса, материалов СМИ анализируется языковая ситуация в Удмуртской Республике. В работе характеризуется региональная законодательная база в сфере языковой политики, выявляются основные языковые проблемы, среди которых сокращение числа носителей удмуртского языка, отсутствие мотивации у молодого поколения к изучению родных языков в условиях доминирования русского языка, оптимизация национальных школ и классов с изучением удмуртского и других миноритарных языков, недостаточное финансирование языковой сферы и др.

Материалы переписей и опросов населения позволяют выявить уровень владения русским и родными (национальными) языками представителями основных этнических групп Удмуртии, предпочтительное использование удмуртами языков в различных сферах общения и др. Исследование подтверждает тенденцию использования удмуртами и татарами русского языка как языка не только межэтнического, но и внутриэтнического общения. В сложившихся условиях эффективной стратегией сохранения языков и культур народов России становится политика культурной сложности, плюрализма и взаимодействия нескольких (множества) культур и языков.

Ключевые слова: Удмуртская Республика, этнический и языковой состав, языковая политика, языковые процессы, переписи населения, языковая ассимиляция, билингвизм / полилингвизм, политика культурной сложности

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг., тема проекта: «*Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия)*».

Удмуртия – одна из полиэтнических и многоязыковых республик Российской Федерации. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года (*далее – ВПН-2010*) на её территории проживали представители более 120 этнических групп. Первую по численности группу составили русские – 912539 чел. (62,2%), вторую – удмурты (9410584 чел. или 28,0%), третью – татары (98831 чел. или 6,7%). Именно русские, удмурты и татары составляют абсолютное большинство населения Удмуртии (около 97%). В десятку наиболее многочисленных этнических групп республики также входят украинцы – 8332 чел. (0,6%), марийцы – 8067 чел. (0,6%), азербайджанцы – 3895 чел. (0,3%), башкиры – 3454 (0,2%), армяне – 3170 чел. (0,2%), белорусы – 2313 чел. (0,2%) и чувашаи – 2180 чел. (0,1%)¹. В той или иной мере все эти этнические группы являются носителями своих национальных (родных) языков, а часть русского населения и большинство представителей нерусских народов, как минимум, двуязычны.

Языковая политика, проблемы сохранения и развития удмуртского языка², вопросы этнокультурного образования и преподавания родных языков в учебных заведениях сохраняют актуальность в Удмуртии³, обсуждаются на разных уровнях – в органах власти, национально-культурных организациях, местных СМИ⁴.

---

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Удмуртской Республике // URL: https://udmstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-01_Tерр=94000000.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

² Этническое и языковое возрождение в Удмуртии: от политики к культурному многообразию: коллективная монография / Под науч. ред. К. Уильямса, А. Баранова, В. Воронцова, Л. Федоровой. Ижевск, 2008. 252 с.

³ Воронцов В.С., Черниенко Д.А. Этнокультурное образование в восприятии учащихся и родителей: опыт Удмуртской Республики // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2017. № 4. С. 3–8; Межэтнические отношения и этнокультурное образование в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад по итогам специсследования / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.-Ижевск, 2016. 148 с.; Родной язык в системе образования: современное состояние и перспективы развития. Сб. ст. Ижевск, 2021. 204 с.

⁴ Бречалов А. «Удивлять знанием удмуртского – какой смысл?» // URL: <https://realnoevremya.ru/society/authorities/82281-intervyu-s-glavoy-udmurtii-aleksandrom-brechalovym> (дата обращения: 25.08.2021); Глава Удмуртии: нужно создавать условия для изучения родного языка, но на добровольной основе // URL: <https://udm-info.ru/news/society/14-12-2017/glava-udmurtii-nuzhno-sozdavat-usloviya-dlya-izucheniya-rodного-yazyka-po-na-dobovolnoy-osnove> (дата обращения: 25.08.2021); Наказ Бречалову: обязательное изучение удмуртского языка в школах, резерв национальных кадров, этнопарк, площадки для народных игр // URL: <https://izhevsk.mk.ru/articles/2017/10/18/obyazatelnoe-izuchenie-udmurtskogo-yazyka-v->

Согласно Конституции Удмуртии (1994 г.) государственными языками республики являются русский и удмуртский языки. В республике принят закон «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики» (2001 г.), в течение ряда лет функционировала целевая Программа реализации данного закона¹. В 2000 г. разработана Концепция развития национального образования Удмуртской Республики, однако после внесения известных поправок в федеральный закон «Об образовании» (2007 г.), она не была принята. В школах республики не проводится обучение на удмуртском или каком-либо другом миноритарном языке, во всех общеобразовательных учреждениях преподавание учебных дисциплин проводится только на русском языке. В так называемых «национальных школах» миноритарные языки (удмуртский, татарский и марийский) изучаются как предмет на добровольной основе.

Несмотря на то, что удмуртский язык получил статус государственного в Удмуртской Республике, он почти не применяется в государственном управлении и общественно-политической жизни, ограничено используется в сферах образования, массовой коммуникации и духовной культуры. Среди наиболее актуальных языковых проблем можно выделить следующие:

1. Отсутствие мотивации в изучении родных языков у молодого поколения удмуртов в условиях доминирования русского языка.

2. Недостаточная готовность удмуртского языка выполнять функции государственного в республике (отсутствие языковых стандартов, функциональных стилей, научной и общественно-политической терминологии и др.).

3. Оптимизация (закрытие) национальных школ и классов с изучением родных языков. В Удмуртии за последние 20 лет количество школ с изучением родных языков сократилось более чем в два раза (с 445 до 206 школ).

4. Недостаточное использование возможностей этнокультурного образования для изучения и популяризации языков и культур народов России. Между тем, результаты исследований свидетельствуют о

---

shkolakh-etnopark-ploshhadki-dlya-narodnykh-igr-chto-stareyshiny-ot-glavy-udmurtii.html
(дата обращения: 25.08.2021).

¹ В настоящее время подготовлен проект Государственной программы Удмуртской Республики «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Удмуртской Республики и иных языков народов Удмуртской Республики» на 2023–2030 гг.

сохранении общественного запроса на изучение предметов этнокультурной направленности¹.

5. Относительно слабая учебно-методическая база миноритарных языков в образовательном процессе, хотя в последние несколько лет есть положительные сдвиги в цифровизации учебно-образовательного процесса, разработке и издании современных учебных комплексов.

Повышение интереса к языку требует, помимо прочего, его широкой визуализации и цифровизации. Он должен стать языком официальных вывесок и объявлений, рекламы товаров и услуг, маркировки региональных товаров, наименований улиц и дорожных знаков, языком мультимедиа и интернет-пространства, портала Госуслуг и пр. Все это требует существенных финансовых затрат, которые могут себе позволить далеко не все республики. Тем более, что в условиях рыночной экономики с каждым годом все трудней изыскивать средства на поддержку миноритарных языков. Рынок оказался не менее жестоким к миноритарным языкам народов России, чем курс на «сближение социалистических наций и народностей».

Вместе с тем, характеризуя языковые процессы, необходимо учитывать исторически сложившуюся в стране и регионе этническую и языковую ситуацию. В современный период основу коммуникативной среды и языкового многообразия Удмуртии составляет русский язык – как язык межэтнического общения и язык самого многочисленного народа Российской Федерации. По данным ВПН–2010 в Удмуртии владели русским языком 1471438 чел. или 99,7% населения из числа лиц, указавших владение языками. Кроме самих русских, русским языком владело 99,3% удмуртов, 99,7% татар, 99,9% украинцев, 99,3% марийцев и 99,1% лиц, указавших другие ответы о национальной принадлежности. Удмуртским языком владело 247259 чел. или 16,8%, из числа лиц, указавших владение языками, в том числе 1,3% русских, 56% удмуртов, 3,3% татар, 1,2% украинцев, 3,3% марийцев и 6,7% лиц, указавших другие ответы о национальной принадлежности. На владение татарским языком указали 47997 чел. или 3,3%, из числа лиц, указавших владение языками (0,2% русских, 0,5% удмуртов, 43% татар, 3,8% марийцев, 5,1% лиц, указавших другие ответы о национальной принадлежности)².

---

¹ Тишков В.А., Степанов В.А. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 10. С. 879-890.

² Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

Население Удмуртии владело и другими языками народов России и зарубежных стран, всего в переписных таблицах зафиксировано 110 языков. Так, на владение марийским языком указали 5313 чел., украинским – 4686 чел., азербайджанским – 2572 чел., армянским – 2271 чел., башкирским – 1598 чел., узбекским – 1153 чел., чувашским – 971 чел., белорусским – 721 чел., цыганским – 654 чел., турецким – 529 чел., таджикским – 516 чел., грузинским – 513 чел., молдавским – 501 чел. и др. Кроме того, республиканская языковая палитра представлена иностранными языками, которые изучаются в школах и вузах: на знание английского языка указали 49110 чел., немецкого – 13971 чел., французского 2594 чел., испанского – 671 чел., итальянского – 443 чел.¹

По данным ВПН-2010, за межпереписной период (2002–2010 гг.) в Удмуртии произошло существенное сокращение числа удмуртов и татар, владеющих соответственно удмуртским и татарским языками. Если в 2002 г. языком своей этнической группы владело 71,8% удмуртов и 74,1% татар, то в 2010 г. лишь 56% удмуртов и 43% татар, указавших владение языками. Столь существенное сокращение носителей удмуртского и татарского языков вызвало обеспокоенность у части населения, руководителей и активистов удмуртских и татарских этнокультурных организаций².

Вместе с тем, такие «языковые потери» за относительно короткий период времени не поддаются логическому объяснению. Напомним, что в 2002–2010 гг. в школьном образовании еще активно использовался национально-региональный компонент, изучались миноритарные языки, а эксперимент с единым государственным экзаменом (ЕГЭ) только внедрялся в систему образования. В этот период негативные последствия ЕГЭ для миноритарных языков были еще не столь очевидны. Скорее всего, столь разительные языковые изменения связаны не только с процессами языковой ассимиляции, но и с недоработками, допущенными в ходе переписи. Речь идет, прежде всего, о недостаточной подготовленности низового звена переписных работников (счетчиков). Это в определенной мере подтверждают и

---

¹ Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

² Воронцов В. Реализация языковой политики в Удмуртии и общественные инициативы // Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов / ред. Зорин В.Ю., Степанов В.В. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 158–159.

материалы микропереписи населения 2015 года, проведенной, на наш взгляд, организационно и методологически куда более качественной¹.

В Удмуртской Республике микроперепись прошла во всех городах и 21 муниципальном районе, было опрошено 26186 чел., в т.ч. 17896 (68,3%) русских, 6375 (24,3%) удмуртов, 1300 (5%) татар, 615 (2,4%) представителей других национальностей. По данным микропереписи, в Удмуртии владели русским языком 99,8% опрошенного населения: 100% русских, 99,5% удмуртов, 99,8% татар, 98,8% лиц других национальностей. Удмуртским языком владело 5387 чел. (20,6% опрошенных), в т.ч. 75,9% удмуртов, 5,9% татар и 2,5% русских. Татарским языком владели 1013 чел. (3,9%), в т.ч. 67,6% татар, 0,6% удмуртов и 0,3% русских².

Таблица 1

Население отдельных национальностей УР по владению языками (по данным переписей населения, в %)*

	Русский язык		Удмуртский язык		Татарский язык	
	2010 г.	2015 г.	2010 г.	2015 г.	2010 г.	2015 г.
Русские	100	100	1,3	2,5	0,2	0,3
Удмурты	99,0	99,5	55,9	75,9	0,5	0,6
Татары	99,3	99,8	3,3	5,9	43,0	67,6

* Таблица составлена автором по итогам переписи населения 2010 г. и микропереписи населения 2015 г.

Таким образом, материалы микропереписи свидетельствуют о том, что доля удмуртов и татар, владевших соответственно удмуртским и татарским языками, оказалась существенно выше данных переписи 2010 года (табл. 1).

Материалы переписи лишь регистрируют уже сложившееся положение в языковой сфере, но не позволяют в полной мере выявить уровень знания и языковое поведение населения в различных сферах общения. Этот пробел можно восполнить, используя данные социологических опросов. Для того чтобы сохранить временные рамки, используем для сравнения материалы массового

¹ Воронцов В.С. Этнолингвистические характеристики жителей Удмуртии (по данным переписей населения) // Вестник Удмуртского университета. Серия: «Социология. Политология. Международные отношения». 2019. Т. 3. Вып. 4. С. 516–522.

² Национальная принадлежность и владение языками. Итоги микропереписи 2015 г. по Удмуртской Республике // URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/44287> (дата обращения: 25.08.2021).

этносоциологического опроса населения Удмуртии, проведенного в 2010 году¹.

Следует отметить, что даже если принимать во внимание только респондентов, указавших на хорошее знание своих национальных языков (умеют говорить, читать и писать), то их доля окажется выше, чем по данным переписи 2010 года о владении удмуртами и татарами, соответственно удмуртским и татарским языками (табл. 2). В целом же, по данным соцопроса, почти две трети удмуртов (74,1%) и более 80% татар в той или иной степени владели языком своей национальности.

Таблица 2

В какой степени Вы знаете язык своей национальности?
(в % от числа опрошенных)

	Удмурты	Татары
1. Знаю хорошо (говорю, читаю, пишу)	57,2	53,0
2. Знаю слабо, в основном только говорю	16,9	29,4
3. Понимаю, но разговаривать не могу	18,4	17,6
4. Не знаю совсем	7,5	0

Усвоение и уровень знания языка своего народа во многом зависит от того, какой язык преимущественно используется в повседневной жизни, особенно во внутрисемейном общении. Данные соцопроса свидетельствуют о том, что в республике большинство коммуникаций удмуртов проходит преимущественно на русском языке. Удмуртский язык теряет свои позиции не только в трудовых коллективах, учебных заведениях, печатных и электронных СМИ, но и в семейном и дружеском общении (табл. 3).

Таблица 3

Каким языком Вы преимущественно пользуетесь? (в % от числа опрошенных)

	Удмурты		
	русским языком	удмуртским языком	русским и удмуртским
В своей семье	41,6	40,7	17,7
При общении с друзьями	58,9	22,2	18,9
В учебном заведении*	88,6	6,8	4,6
На своем рабочем месте*	70,3	13,3	16,4
При чтении местных газет и журналов	76,3	8,8	14,9
При просмотре местных телепрограмм	62,6	12,5	24,9

¹ Этносоциологический опрос проведен по заказу Министерства национальной политики УР, опрошено 1200 респондентов (руководитель исследования к.и.н. В.С. Воронцов).

* в % от числа обучающихся и работающих

В сельской местности, где еще сохранилась естественная удмуртская языковая среда, удмуртский язык значительно лучше сохранил свои позиции (табл. 4). Он чаще, чем в городе используется в семье (54%), при общении с друзьями (34,9%), на рабочем месте (23,6%), при чтении прессы (11,8%) и просмотре местных телепередач (15,1%).

Таблица 4

Каким языком Вы преимущественно пользуетесь?

(в % от числа опрошенных)

	Русским		Удмуртским		Русским и удмуртским	
	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>	<i>село</i>	<i>город</i>	<i>село</i>
В своей семье	61,4	26,4	23,4	54,0	15,2	19,6
При общении с друзьями	81,3	41,8	5,6	34,9	13,1	23,3
На своем рабочем месте*	91,7	52,8	0,8	23,6	7,5	23,6
При чтении местных газет и журналов	87,3	67,9	4,9	11,8	7,8	20,3
При просмотре местных телепрограмм	72,0	55,4	9,1	15,1	18,9	29,5

* в % от числа работающих

Гораздо в большей степени языковая эрозия затронула удмуртов-горожан, которые общаются и получают информацию преимущественно на русском языке: в семье (61,4%), в дружеском общении (81,3%), на работе (91,7%), при чтении республиканских газет и журналов (87,3%), при просмотре местных телепрограмм (72%).

Обращаем внимание на то, что межличностное и семейное общение на удмуртском языке в городе достаточно проблематично уже в силу того, что основными партнерами удмуртов во всех сферах общения являются русские и татары, которые удмуртским языком, как правило, не владеют. Однако даже при чтении республиканской прессы и просмотре местных телепередач удмурты-горожане чаще, чем сельские, отдают предпочтение русскому языку. Это притом, что в городских условиях в наличии более широкий ассортимент литературы на удмуртском языке, есть возможность посетить центральные библиотеки, редакции удмуртоязычных изданий, принять участие в мероприятиях удмуртских этнокультурных организаций, гораздо лучше в городе и качество приема республиканских телеканалов.

Использование удмуртами в повседневной жизни преимущественно русского языка определяется не только императивами этнического самосознания, но и другими факторами. В

обществе по-прежнему бытуют представления и стереотипы, заложенные еще в дореволюционное время и устоявшие при попытках их разрушить в советский период. Люди привыкли думать, что миноритарный язык обособляет их от остального мира и годен лишь для бытового общения с ближайшим окружением. С другой стороны, современные вызовы требуют от людей более быстрой реакции, конкурентоспособности, адаптации к новым социально-экономическим и информационным условиям. А хорошее владение языком межнационального общения, как известно, не только является одним из важнейших инструментов овладения знаниями, но и более успешного карьерного роста.

Тенденции ко все большему распространению и использованию русского языка как языка не только межэтнического, но и *внутриэтнического* общения подтверждают и данные других ученых. Так, под руководством известного российского исследователя этноязыковых процессов М.Н. Губогло был проведен этносоциологический опрос в четырех республиках Приволжского федерального округа (Башкортостан, Татарстан, Марий Эл, Удмуртия). Исследователь отмечал: «Парадокс языковой ситуации в начале нового тысячелетия состоял в том, что качество свободного владения русским языком (думают или свободно владеют) у всех четырех титульных национальностей было выше, чем даже своей национальности, при этом среди удмуртов эта тенденция была выражена сильнее, чем среди остальных национальностей. По данным опроса, думают или свободно говорят на языке своей национальности 79,4% башкир (на русском языке – 80,3%), 84,1% татар (на русском языке – 85,4%), 81,7% марийцев (на русском языке – 88,7%) и 69,5% удмуртов (на русском языке – 91,3%)»¹.

Вместе с тем, анализ языковых процессов в регионах проживания удмуртских диаспор выявил весьма неоднозначные тенденции в степени сохранности удмуртского языка, которые требуют, на наш взгляд, более детального исследования. Так, по данным переписи 2010 г., в Башкортостане и Татарстане удмуртским языком владело, соответственно 81,7% и 83,2% удмуртов, указавших владение языками. Между тем, в российских областях, где численно доминирует русское население, удмурты владеют языком своей национальности значительно хуже: в Пермском крае – 46,6% в Кировской области – 45,3%, в Свердловской области – 28,7% (табл. 5).

---

¹ Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Т. 9. Траектория деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М.-Ижевск: Удмуртия, 2006. С. 578.

Таблица 5

Владение удмуртским языком удмуртами в отдельных субъектах РФ

	Всего (чел.) *	Владеют (чел.)	%
Удмуртская Республика	409447	229203	56,0
Республика Татарстан	23408	19474	83,2
Республика Башкортостан	21386	17473	81,7
<i>Пермский край</i>	<i>20780</i>	<i>9690</i>	<i>46,6</i>
<i>Кировская область</i>	<i>13619</i>	<i>6171</i>	<i>45,3</i>
<i>Свердловская область</i>	<i>13762</i>	<i>3948</i>	<i>28,7</i>

* указавших владение языками

В чем же причина столь существенных различий в уровне владения удмуртами своим национальным языком?

В конце XX в. финский ученый Сеппо Лаллукка, анализируя этноязыковые процессы среди восточно-финских народов России, обратил внимание на лучшую сохранность удмуртского и марийского языков у диаспорных групп удмуртов и марийцев Башкортостана и Татарстана, чем среди удмуртов и марийцев, проживающих в своих национальных республиках. Исследователь сделал предположение, что среда, в которой говорят более чем на двух языках, предоставляет больше возможностей для функционирования языков национальных меньшинств, так как на двуязычных территориях легче одному из языков занять доминирующее положение по отношению к другому и вытеснить его¹.

Видимо, необходимо говорить не только о языках, а шире – о культурах контактирующих народов. Можно предположить, что этническая и языковая специфика Башкортостана и Татарстана – конкуренция двух референтных культур – русской и татарской / русской и башкирской, ставила удмуртов и марийцев перед положением выбора, давала некий образец для подражания, что способствовало саморефлексии, осознанию значимости своей культуры и языка, укреплению этнического самосознания. Позитивное этническое самосознание, в свою очередь, содействовало стремлению удмуртов включиться в русско-башкирский / русско-татарский диалог в качестве равноправного партнера².

¹ Лаллукка С. Восточно-финские народы. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. С. 231-232.

² Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000. С. 151-152.

На современном этапе необходимо учитывать и более внимательное отношение руководства Башкортостана и Татарстана к языковым запросам и потребностям миноритарных этнических групп, компактно проживающих на территории данных республик. В отличие от областей и краев, в этих республиках уделяют куда большее внимание развитию национального образования, в том числе сохранению школ и классов с обучением на родных (национальных) языках.

Необходимо обратить внимание еще на одну важную проблему. Как известно, двуязычие как феномен языковой практики является приобретаемым качеством личности, и это качество должно иметь какие-то формы мотивированности и поддержки. Удмурты достаточно серьезно заинтересованы в изучении русского языка как языка межнационального общения, языка школьного и вузовского обучения, языка великой русской литературы, языка высоких карьерных ожиданий. К сожалению, для русскоязычного населения в республике пока не создана никакая мотивация для изучения удмуртского языка, поэтому у них нет интереса и желания его изучать. И, по большому счету, пока что ни в одной из республик России эта проблема не решена.

В заключение поддержим позицию академика РАН В.А. Тишкова о признании политики культурной сложности и билингвизма / полилингвизма как наиболее адекватной и эффективной в современных поликультурных и многоязычных государствах: «В языковой сфере как части неубывающего культурного многообразия современных государств следует обеспечивать общенациональное единство не на путях монокультурности (моноязычия), понимая единство как "единственное", а на путях утверждения гражданской идентичности и патриотизма через политику признания и поддержки культурной сложности, в которой сочетаются общенациональные культурные системы, включая общий язык, и этнокультурное многообразие, включая миноритарные языки. Это признанное многообразие и есть то самое единство, в котором нуждаются и которое ищут современные культурно-сложные общества и государства»¹.

---

¹ Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 141.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. тема проекта: «Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия)».

ГЛАВА VI ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «РОДНОЙ ЯЗЫК» В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ БАШКОРТОСТАНА¹

Шайхисламов Р.Б.

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, главный научный сотрудник БашГУ, г. Уфа

Садретдинова Э.В.

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, старший научный сотрудник БашГУ, г. Уфа

Асадуллина Г.Р.

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, старший научный сотрудник БашГУ, г. Уфа

Шаяхметова Р.Р.

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью БашГУ, г. Уфа

Аннотация. В главе рассматриваются особенности конструирования понятия «родной язык» и проблематизация его сохранения и развития в молодежной среде в условиях языкового многообразия Республики Башкортостан. На основе проведенных авторами глубинных интервью и онлайн-опросов молодежи региона в 2019-2021 годы анализируются основные представления о том, какой язык считается родным. Особое внимание уделяется исследованию отношения молодежи к необходимости сохранения родных языков, а также характеристике мер обеспечения и поддержания языкового многообразия.

Ключевые слова: родной язык, этничность, молодежь, миноритарные языки, социальное конструирование, сохранение и поддержание языкового многообразия

В работе на основе некоторых результатов авторских качественных и количественных исследований 2019-2021 гг. (онлайн-

---

¹ Глава подготовлена в рамках реализации Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», проекта «Социальное конструирование «родной язык» и «сохранение родных языков» в молодёжной среде Башкортостана» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан.

опросов методом полустандартизированного интервью, глубинных и фокусированных интервью молодежи 16-30 лет) осуществлен анализ представлений молодых жителей Республики Башкортостан о сути и основаниях конструирования родного языка, выявлены наиболее распространенные модели и конструкты, функции родных, в том числе миноритарных языков в современном обществе, а также необходимость и меры поддержания языкового многообразия

Значение языка и языковых практик в жизнедеятельности человека и функционировании общества, безусловно, велико. Во-первых, язык выступает смысло- и ценностнообразующим основанием личности, важнейшим инструментом ее социализации, интернализации в систему общественных отношений. Во-вторых, язык – ведущий механизм идентификации, формирования самоидентичности, социальной и культурной идентичности.

В системе социальных отношений и поведенческих практик индивидов особое место занимает родной язык. Согласно укоренившимся в общественном сознании представлениям, родной язык трактуется как носитель и транслятор культуры, менталитета, традиций и истории определенного народа и, вследствие этого, выполняет не только прагматическую (организация взаимодействий), но также аксиологическую (формирование ценностей, обретение смыслов), аффективную (передача чувств) и когнитивную (формирование и приращение знаний) функции. Соответственно, подчеркивается глубинная, объективная связь между категориями «родной язык», «этнос», «этничность», «этноидентификация» и «этническая идентичность», а утрата языка трактуется как угроза существования и сохранения этноса и этнокультурной идентичности.

Вместе с тем, в современном обществе отмечается усиление процессов информатизации, урбанизации и глобализации, что обуславливает социокультурную, в т.ч. языковую гетерогенность, высокий уровень социокультурной мобильности, интенсивность взаимодействия с различными социальными и социокультурными группами. Вследствие этого активизируются процессы языковой ассимиляции, когда в различных сферах взаимодействия (формального и неформального, реального и виртуального) преимущественно используются языки межнационального и международного общения.

Кроме того, изменение семейных структур (стремление к эгалитаризму в супружеских и детско-родительских отношениях, активное вовлечение женщин в процессы общественного труда и производства), тенденции нуклеаризации семьи и ослабление влияния прадедов в процессах социализации подрастающего поколения

ослабляют контуры постфигуративной модели трансляции социокультурных норм и ценностей, когда знания, умения и навыки, в том числе языковые, передаются от старших поколений к младшим. Следовательно, в представлениях людей возможна трансформация отношения к родному языку: отказ от понимания родного языка как языка исторического происхождения, предков, носителя нормативно-ценностных оснований культуры в пользу представлений о том, что родным языком является тот, на котором человек думает, разговаривает, предпочитает общаться.

Подобные тенденции, на наш взгляд, наиболее выпукло проявляются среди молодежи, стремительно включающейся в новые социальные реалии и информационно-коммуникативные практики.

В данной работе по результатам авторских социологических исследований молодежи Республики Башкортостан 2019 и 2021 гг. осуществляется анализ:

- представлений о сути и основаниях конструирования родного языка;
- соотношения языковой компетентности, языковой и этнической идентичности;
- отношения молодежи к вопросам сохранения родных языков и мерам поддержки языкового многообразия.

Методы исследования:

1. Онлайн-опрос методом полустандартизированного анкетирования молодежи 16-30 лет Республики Башкортостан, проведенный в мае-июне 2021 г. Выборка квотная, районированная (городские и сельские муниципальные образования во всех субрегионах) с последующим отбором респондентов по методу «снежного кома». N – 1000 респондентов.

2. Онлайн-опрос методом полустандартизированного анкетирования школьников - учащихся 9-11 классов Республики Башкортостан, проведенный в мае 2020 г. Выборка квотная, районированная (городские и сельские муниципальные образования во всех субрегионах) с последующим отбором респондентов по методу «снежного кома». N – 650 респондентов.

3. Качественный опрос жителей г. Уфа Республики Башкортостан (методом глубинного полустандартизированного интервью), проведенный в августе-октябре 2019 г. Основные критерии отбора: этническая принадлежность респондентов (квоты с учетом этнического состава населения), пол и возраст информантов. N – 51 человек, из них молодежь в возрасте от 16 до 30 лет – 17 информантов.

4. Два фокусированных интервью, организованных с участием студентов Башкирского государственного университета в ноябре 2019 г. Количество участников в каждой фокус-группе – 12 информантов.

Родной язык и этническая идентичность. Трансформации языкового поведения

В прошлом представление о том, какой язык является родным, не было столь проблематичным и неоднозначным, как сегодня. В моноэтнических семьях с традиционным укладом доминировала постфигуративная модель трансляции нормативно-ценностных оснований от взрослых к детям. Проблема родного языка связывалась с существованием национально-смешанных семей, определяясь как проблема выбора ребенком своей этнической идентичности и языка. Однако в современном обществе, где постфигуративная модель социализации сосуществует с кофигуративной (социализация в среде сверстников) и префигуративной (трансляция знаний, навыков от детей к взрослым), вопрос, какой язык является родным, может возникнуть даже у индивидов с моноэтнической идентичностью.

Для подтверждения данного предположения в ходе онлайн-опроса 2021 г. мы задались вопросом о соотношении декларируемой этнической идентичности и родного языка в представлениях молодежи. Представления респондентов с моноэтнической идентичностью, представителей крупнейших этносов Башкортостана, отражены в табл. 1.

Таблица 1

Родной язык и идентичность у респондентов с моноэтнической идентичностью, 2021 (%)

Этническая идентичность	Считают родным (родными) языком (языками)	%
Русские	Русский	97,8
	Русский, башкирский	1,6
	Русский, татарский	0,6
Башкиры	Башкирский	75,6
	Русский	12,8
	Башкирский, русский	10,5
	Татарский, башкирский	0,4
	Башкирский, татарский, русский	0,7
Татары	Татарский	44,0
	Башкирский	0,9
	Русский	27,5
	Русский, татарский	26,7
	Татарский, башкирский	0,9

Полученные данные свидетельствуют, что проблема определения родного языка сегодня действительно актуальна. Во-первых, моноэтническая идентичность не обязательно обеспечивает моноязыковую идентификацию. В большей мере одинарная языковая идентификация со своей этногруппой отличает русских (97,8%). Характерно, что среди тех, кто осознает себя русским, родной язык совпадает с этнопринадлежностью. Что касается других крупных этносов республики, отметим, что моноязыковая идентификация характерна для 88,4% башкир и для 72,4% татар. Вместе с тем, среди башкир и, особенно, татар, все большее распространение получает моноязыковая идентификация, не совпадающая с этнопринадлежностью. Среди башкир 12,8% демонстрируют моноязыковую идентификацию с языком иной этногруппы (русским), среди татар таковых – 28,4% (русский и башкирский языки). Во-вторых, моноэтническая идентичность у нерусских этносов может сочетаться с множественной языковой идентификацией (двуязычие, триязычие).

Соотношение этнической идентичности и языковой идентификации у молодых людей с множественной (двойной) идентичностью отражено в табл. 2.

Таблица 2

Родной язык и идентичность у респондентов с полиэтнической идентичностью, 2021 (%)

Этническая идентичность	Считают родным (родными) языком (языками)	%
Идентичность с русскими и другими этносами (указаны варианты ответов, набравшие 2% и выше)	Русский	63,7
	Башкирский	3,0
	Татарский	4,1
	Русский, чувашский	3,0
	Башкирский, русский	8,1
	Марийский, русский	2,0
	Татарский, русский	3,0
	Украинский, русский	2,0
	Башкирский, татарский, русский	2,0
Двойная идентичность, кроме идентичности с русскими (указаны варианты ответов, набравшие 2% и выше)	Русский	37,6
	Башкирский	9,5
	Татарский	6,2
	Казахский	3,1
	Русский, татарский	6,2
	Башкирский, русский	3,1
	Башкирский, татарский	9,5

	Татарский, башкирский	6,2
	Удмуртский, татарский	3,1
	Башкирский, татарский, русский	6,2
	Казахский, татарский, русский	3,1

Выявленные среди молодежи с моноэтнической идентичностью тенденции процессов языковой идентификации усиливаются у индивидов с множественной идентичностью: наблюдается поливариантность форм развития одинарной языковой идентификации, а также многообразие моделей двуязычия и полиязычия. При этом отметим доминирующую роль русского языка, определяемого в качестве родного (63,7% - среди молодежи с русско-иным типом идентичности, 37,6% - среди молодежи, не соотносящей себя с русским этносом). Таким образом, однозначной корреляции между этнопринадлежностью и языковой идентификацией не наблюдается.

Действительно, языковой профиль индивида может меняться со временем в силу динамики социокультурного окружения. В связи с этим мы задались вопросом, изменяются ли, помимо смены языковых практик, представления о родном языке со временем (см. табл. 3).

Наименее слабые трансформации родного языка фиксируются у молодых людей с русской идентичностью. Русский язык считают родным 97,8% опрошенных, осознающих себя русскими. И у 97,0% из них отношение к родному языку в течение жизни не изменялось.

Башкирский язык считают родным 75,6% респондентов башкирской идентичности, из них абсолютное большинство считают этот язык родным с детства. Со временем 16,4% башкир признают, что башкирский язык – не единственный родной язык, он соседствует с другим(и) родными языками.

Русский язык является родным для 12,8% респондентов башкирской идентичности. При этом из их числа каждый пятый стал считать русский язык в молодости, а в детстве считал родным башкирский язык; более половины считают русский язык с детского возраста. Характерно, что у 20,6% опрошенных русский язык в качестве родного стал вытеснять иные (башкирский) языки. Русский и башкирский языки считает родным каждый десятый респондент башкирской идентичности; половина из их числа родными считают оба языка с детства, 40% из них стал считать один из языков родным после детского возраста.

Татарский язык считают своим родным менее половины респондентов татарской идентичности. Более половины из них считают татарский язык родным с детства, треть стали считать его родным в старшем возрасте. Русский язык считает родным каждый

четвертый респондент татарской идентичности, большая часть из них – со своего детства, четверть – в старшем возрасте. Своим двойным родным языком – татарским и русским – считают каждый четвертый респондент татарской идентичности, при этом такое определение сложилось у половины этих респондентов, у более трети – один из этих двух языков стал восприниматься как родной в старшем возрасте.

Таблица 3

Трансформация родного языка у респондентов с моноэтнической идентичностью, 2021 (%)

Этническая идентичность	Языки	Считают родным	Изменения родного языка		
			Остался неизменным с детства	Стал родным со временем, наряду с другим языком	Стал родным со временем, вытеснив другой язык
Русские	Русский язык	97,8	97,0	2,0	1,0
	Другой язык	2,2	-	-	-
Башкиры	Башкирский язык	75,6	82,1	16,4	1,5
	Русский язык	12,8	64,7	14,7	20,6
	Башкирский и русский языки	10,5	57,1	39,3	3,6
	Другой язык	1,1	-	-	-
Татары	Татарский язык	44,0	64,6	31,2	4,2
	Русский язык	27,5	63,3	10,0	23,3
	Русский и татарский языки	26,7	51,7	37,9	8,6
	Другой язык	1,8	-	-	-

Таким образом, с течением времени у каждого 5 респондента башкирской и каждого 4 респондента татарской идентичности русский язык начинает вытеснять иные языки в качестве родного. Следовательно, категория «родной язык» не является неизменной в сознании человека. Соответственно, возникает вопрос, каким образом определяется понятие «родной язык», каковы основания его конструирования.

Представления о сути и основаниях конструирования родного языка в общественном мнении молодежи

В ходе онлайн-опроса 2021 г. молодым людям было предложено высказать свое отношение к трем возможным моделям конструирования концепта «родной язык»: 1) родной язык должен определяться на основе сочетания этнической идентичности и

языковой компетентности; 2) родной язык должен определяться только на основе этнической идентичности без учета языковой компетентности; 3) родной язык должен определяться только на основе языковой компетентности. Для решения этой задачи был предложен вопрос «*Одни считают, что родной язык – это язык народа, к которому ты себя относишь, и этим языком ты владеешь. Вторые считают, что родной язык – это язык народа, к которому ты себя относишь, если даже не владеешь этим языком. Третьи полагают, что родной язык – это язык, на котором думаешь, независимо от национальности. Какое суждение Вам представляется более обоснованным?*» (см. табл. 4).

Таблица 4

Модели конструирования концепта «родной язык» в представлениях молодежи, 2021 (в %)

Вариант ответа	Мужчины	Женщины	Всего
Первое (язык народа, с которым себя соотносишь и которым владеешь)	36,4	34,7	35,4
Второе (язык народа, с которым себя соотносишь, но которым не владеешь)	18,3	23,5	21,4
Третье (язык, на котором думаешь, независимо от национальности)	23,5	20,5	21,7
Затрудняюсь ответить	21,8	21,3	21,5

Согласно полученным данным, в сознании молодежи относительно преобладает первая модель конструирования концепта «родной язык» – на основе сочетания этнической идентичности и языковой компетентности (35,4% в целом по выборке). Возможно, подобная ориентация интегрирует в сознании темпоральные факторы прошлого («уважение к моим предкам и истории»), настоящего («кем я себя ощущаю») и будущего («думаю и говорю на языке, имеющем перспективы развития»). Две другие модели представлены в равных пропорциях и демонстрируют ориентацию в процессах языковой идентификации либо на прошлое («родной язык» - язык народа, с которым себя соотношу, в т.ч. язык предков» - 21,4%), либо на будущее («родной язык – язык, на котором думаю и общаюсь» - 21,7%). Обратим внимание, что примерно 1/5 часть молодых людей (21,5%) испытывает затруднения с определением базисных оснований родного языка. С одной стороны, это связано с тем, что родной язык человек осваивает, зачастую, в раннем возрасте, в ходе повседневных бытовых коммуникаций, не замечая прикладываемых для этого усилий. С другой стороны, подобная неопределенность может

свидетельствовать о небольшой значимости родного языка в жизни индивида, формировании его идентичности.

Кроме того, различия в выборе моделей конструирования родного языка, а также маргинализацию процессов языковой идентификации можно объяснить тем, что в условиях ориентации все большего числа современных семей на детоцентризм и эгалитаризм вопросы выбора языка и этнической идентичности должны решаться самим ребенком, о чем свидетельствуют данные глубинных интервью 2019 г.: *Я ...согласна с тем, что каждый человек сам определяет для себя и этнос, и язык (19 лет, башкирка); Родной язык должен быть сознательным выбором самого ребенка. Даже если он будет говорить на нем (языке) со своими друзьями, родственниками, он может не считать его своим родным языком (21 год, русская); Сейчас (мы) ориентированы на сознательный выбор ребенка: как он себя... к чему относит, идентифицирует, тем он и является. Я вот среди своих знакомых спрашивала... Родители могут себя идентифицировать одним образом, а ребенок – иным (22 года, татарка).*

Также обратим внимание на гендерные различия в понимании сути родного языка. Для юношей более значимым представляется личностно-прагматическая функция языка («родной язык – язык мышления и пространственных коммуникаций») (23,5% против 20,5%), тогда как девушек более значимы аксиологическая и временная функции языка («язык – культурная ценность и инструмент межпоколенных связей») (23,5% против 18,3%).

Специфика понимания сути родного языка в зависимости от места жительства молодежи отражена в табл. 5.

Таблица 5

Представления о сути родного языка в зависимости от места жительства респондентов, 2021 (в %)

Вариант ответа	Уфа	Другие города	Село
Язык народа, с которым себя соотносишь и которым владеешь	31,8	38,6	38,0
Язык народа, с которым себя соотносишь, но которым не владеешь	23,8	19,6	19,3
Язык, на котором думаешь, независимо от национальности	22,9	20,7	20,8
Затрудняюсь ответить	21,5	21,1	21,9

Полученные данные показывают видимые различия в оценках между жителями мегаполиса (г. Уфа), с одной стороны, и жителями сельских поселений и малых городов, с другой. Жители мегаполиса на

порядок реже определяют родной язык как сочетание этнической идентичности и языковой компетентности. Объяснение этого видится в том, что в коммуникативном пространстве крупного города доминирует язык межнационального общения и активнее протекают процессы языковой ассимиляции, когда человек не владеет / слабо владеет языком этнической группы, с которой себя соотносит. Это подтверждают и информанты в глубинных интервью: *Язык и речь - это приобретенный навык, и от национальности, которая с рождения, никак не зависит* (19 лет, русская); *Вот даже на собственном примере, я ...татарка по национальности, но, однако, я вообще абсолютно не владею этим языком, нисколько* (19 лет, татарка).

Различия в понимании сути родного языка в зависимости от этнической идентичности молодых людей представлены в табл. 6.

Таблица 6

Представления о сути родного языка в зависимости от этнической идентичности респондентов, 2021 (в %) ¹

Какой язык следует считать родным?	Одинарная этническая идентичность				Множественная этническая идентичность	
	Русские	Башкиры	Татары	Другие	В том числе с русскими	Другие
Язык народа, к которому себя относишь, и которым владеешь	39,2	39,1	32,6	28,4	32,3	12,5
Язык народа, к которому себя относишь, даже если не владеешь этим языком	16,7	21,8	27,5	21,6	18,2	31,25
Язык, на котором думаешь, независимо от национальности	21,9	16,2	18,8	27,0	35,4	31,25
Затруднились ответить	22,2	22,9	21,1	23,0	14,1	25,0

¹ Поскольку вопрос об этнической принадлежности был открытым, обозначим основания для группировки респондентов: 1) характер этнической идентичности: одинарная (респондент соотносит себя с одной этногруппой) / множественная (в т.ч. двойная) (респондент соотносит себя с несколькими этногруппами); 2) при группировке респондентов с одинарной идентичностью в отдельные группы выделены русские, башкиры и татары (составляют около 90% населения республики); оставшиеся респонденты с одинарной этнической идентичностью сгруппированы в обобщенную группу «другие»; 3) среди респондентов с множественной идентичностью в отдельную группу выделены респонденты, которые идентифицируют себя в т.ч. русскими. Это значимо для изучения родного языка, поскольку именно русский язык может выступать ведущим фактором этноидентификации

Понимание родного языка на основе сочетания этнической идентичности и языковой компетентности в большей степени свойственно русским (39,2%), башкирам (39,1%), а также респондентом с множественной русско-иной идентичностью (32,3%). Что касается русских с одинарной и множественной идентичностью, в условиях доминирования русского языка логичным является высокий уровень языковой компетентности на языке соответствующей этногруппы. Также респонденты с русской идентичностью чаще трактуют родной язык как язык мышления и реального общения (21,9% - русские, 35,4% - русско-иная идентичность), нежели как язык исторического происхождения, не подкрепленный соответствующими коммуникативными умениями и навыками (16,7% и 18,2% соответственно). Относительно отличий башкирской молодежи от респондентов с иной нерусской идентичностью отметим, что достаточно высокий уровень языковой компетентности можно объяснить, во-первых, неодинаковой включенностью разных этносов в процессы урбанизации. Башкиры исторически позднее включились в процессы урбанизации, что сказывается на сохранности традиционного семейного уклада и распространенности применения башкирского языка, по меньшей мере, в повседневно-бытовых коммуникациях. Кроме того, проводимые авторами исследования фиксируют тесную взаимосвязь между языком и территорией проживания как оснований этнической идентичности именно среди представителей башкирского этноса. Также отметим, что представители крупнейших нерусских этносов (башкиры и татары) в большей степени рассматривают родной язык как историко-культурную ценность, свидетельство памяти народа (21,8% - у башкир, 27,5% - у татар), а не язык мышления и повседневного общения (16,2% - у башкир, 18,8% - у татар). Для сравнения, у русских соответствующие показатели составляют 16,7% и 21,9%.

Анализ результатов онлайн-опроса школьников – учащихся 9-11 классов в 2020 г. и результатов глубинных интервью 2019 г. также позволил выделить некоторые конструкты «родной язык» в представлениях молодежи.

В ходе исследования было выдвинуто предположение о функционировании в массовом сознании следующих типов конструктов родного языка: социальный тип (определение родного языка по языку семьи и этноса), коммуникативный тип (речь детства, мышления, общения, уровень языковой компетенции); эмотивный тип (язык чувств, эмоций).

Социальный тип конструирования – *«Родной язык – это язык моих родителей»* в глубинных интервью встречался в суждениях каждого второго молодого человека. Такое конструирование родного языка иллюстрируют суждения: *Родной – язык родителей, наверно. Потому что мне кажется, если бы я не родилась среди марийцев, которые говорят на марийском, а родилась башкиркой (в башкирской семье), я бы думала, что я башкирка. Я – марийка, поэтому марийский родной (21 год, марийка).*

В ходе онлайн-опроса респонденты-учащиеся независимо от этнической идентичности также отводили ведущую роль социальному типу конструирования родного языка, выражая отношение (степень согласия) с суждением *«родной язык – самый первый язык, на котором со мной разговаривали»* (см. табл. 7).

Таблица 7

Принятие конструкта «родной язык – самый первый язык, на котором со мной разговаривали», 2020 (%)

Степень согласия	Всего	Этническая идентичность				
		Русские	Татары	Башкиры	Другие	Множественная (двойная) идентичность
Полностью	71,3	77,1	70,8	74,8	54,5	53,1
Частично	22,7	19,3	22,5	19,3	22,7	38,3
Никак	6,1	3,6	6,7	5,9	22,7	8,6

Различия между респондентами с моноэтнической и биэтнической идентичностью возможно объяснить практиками двуязычия в национально-смешанных семьях, когда с ребенком разговаривают сразу на нескольких языках и сложно определить, какой из них является первым, а какой – вторым. Тот факт, что около трети опрошенных выражали лишь частичное согласие или вовсе несогласие, возможно, свидетельствует о процессах трансформации родного языка, о чем было сказано ранее.

Об этом свидетельствовали и некоторые информанты в ходе глубинных интервью, отмечая, что подобные практики конструирования родного языка успешно реализуются в моноэтнических семьях, но начинают «пробуксовывать» в семьях межнациональных: *Я думаю, такое представление не всегда верно ... конечно, зачастую родной язык у детей – это тот же самый язык, на котором говорят его родители. Но ...если мы посмотрим на семьи, в которых говорят на двух языках, скажем на русском и на татарском или на русском и на башкирском, то чаще всего ...используется именно*

русский язык и дети часто считают русский язык своим родным, нежели башкирский или татарский (19 лет, русская); Это верно частично, так как в детстве с тобой разговаривают обычно родители, и это становится твоим родным языком. Но так бывает не всегда (у кого-то нет родителей, или они билингвы) (19 лет, русская).

Язык своих родителей в качестве родного указывают, прежде всего, представители башкирского этноса. Возможно, это объясняется и тем обстоятельством, что именно башкиры-респонденты в своих ответах подчеркивали тесную связь не только с родителями, но и с родом, с региональной идентичностью: *Родным языком является башкирский язык, который мне привили мне мои родители. Он является не только родным по крови, который мне привили, но и мы живем в Башкортостане, вот, и, на сегодняшний день, я считаю, что каждый человек, живущий в нашей республике, должен владеть этим языком (29 лет, башкирка).*

Аскриптивный подход в конструировании родного языка (связанность с социальным происхождением) в онлайн-опросе был представлен в виде суждения «язык моего народа» (см. табл. 8).

Таблица 8

Принятие конструкта «родной язык – язык моего народа», 2020
(%)

Степень согласия	Всего	Этническая идентичность				
		Русские	Татары	Башкиры	Другие	Множественная (двойная) идентичность
«Родной язык – язык моего народа»						
Полностью	56,1	54,6	55,1	84,9	86,4	11,1
Частично	34,5	40,2	37,1	15,1	9,1	49,4
Никак	9,5	5,2	7,9	0,0	4,5	39,5

Свидетельства информантов в ходе глубинных интервью помогают объяснить сниженные показатели по данному конструкту в сравнении с принятием в качестве родного языка родителей, на котором с ребенком осуществляется общение в ходе первичной социализации. На вопрос интервьюеров «Можно ли считать родным язык той национальности, к которой принадлежит человек?», большинство затруднились ответить. Для тех, кто родился в мононациональной семье и обладает моноэтнической идентичностью, конструкты «язык моих родителей» и «язык моей национальности» фактически идентичны. Аргументом для данного конструирования

является не только этническое происхождение, но особенности восприятия языка как важнейшего компонента национальной культуры, независимо от того, владеешь ты им или нет: *Мне кажется, родной язык – это язык твоей национальности. Получается, для меня родной – башкирский язык, потому что мои предки ...разговаривали на этом языке* (21 год, башкирка); *Раз я татарин, то я должен знать этот язык, или хотя бы считать его своим национальным, потому что это ...часть этнической культуры именно моей национальности* (22 года, «татарин в квадрате»).

Еще один аргумент сторонников данного конструкта – в течение жизни языковое и социокультурное окружение индивида может неоднократно меняться, сам он в процессе адаптации и аккультурации может начать думать на другом языке, но это автоматически не меняет ни этнической идентичности, ни представлений о родном языке: *для меня родной язык – это татарский, то есть язык моей национальности. И я не согласна с утверждением, что родной язык – это язык, на котором ты думаешь. То есть в основном люди, часть людей, так же, как и я, они попадают в какую-то определенную социальную среду и начинают думать на этом языке. ...Ты можешь переехать в Германию и начнешь думать на немецком, но это же не сделает из тебя немку. Если ты потом не будешь себя относить (к определенному этносу), тогда уже да. Но тут же главное не то – как ты думаешь, а к кому ты себя относишь* (22 года, татарка).

Противники данного утверждения также отмечают, что в условиях многонационального состава республики, страны, а также значительного числа многонациональных семей сложно привязать понятие родного языка к какой-то одной национальности: *Верно лишь отчасти, потому что у человека могут быть разные корни, он может быть и русским, и украинцем, и башкиром, но это не означает, что он носитель этих языков* (23 года, русский); *Сейчас не бывает абсолютно чистых национальностей, все перемешаны. Ты можешь быть наполовину турок или немец и не знать об этом* (19 лет, русская). Кроме того, усиливающиеся процессы языковой ассимиляции порождают ситуации, когда даже в мононациональных семьях не используется язык происхождения: *ну, в основном я ... меня родители не учили башкирскому языку. ...Многие не знают своих родных языков, например, я тоже не знаю* (27 лет, башкир). *Есть много семей, где дети родителей одной национальности совсем не говорят на этом языке. Разве это родной язык?* (26 лет, башкир).

Наименьшую степень принятия вызывают политически ориентированные представления: *«родной – это государственный*

язык»: *Я считаю, что родной язык тот, в какой стране, республике я живу (24 года, «русская-татарка»).* Аргументация данного конструкта основана на подчеркивании особого статуса общегосударственного языка, которым владеет большинство населения страны: *Я вот был в Беларуси и Казахстане и слышал русскую речь намного чаще, чем всю остальную. Так что в самой России приоритетность русского языка очень высока (23 года, русский).* Некоторые информанты (прежде всего, башкиры) при этом подчеркивают особую связь между конструированием родного языка и региональной идентичностью: *так как мы, например, живем в такой национальной республике, как Башкортостан, то мы обязательно должны изучать башкирский язык. То же самое касается и татарского языка для республики Татарстан (29 лет, башкирка).*

Коммуникативный тип конструирования в глубинных интервью выражалось суждение **«Родной язык – это язык, который выбирает сам человек».** Придерживающиеся такого понимания отмечают, что определение родного языка – результат выбора самого человека, обусловленный потребностями в обеспечении личного комфорта, а не определенными традициями: *Я согласна со всеми, кто говорит, что родной язык ребенок должен сам выбирать. Потому что, одно дело ...и вообще (имеет значение) как человек расценивает понятие «родной язык», какой смысл он вкладывает в это понятие. Каждый же по-разному относит: для кого-то родной язык – тот, на котором тебе очень приятно разговаривать, для души, а может быть родной язык – это просто установка: «мои родители говорят на этом языке, значит это мой родной язык». Поэтому каждый оценивает родной язык по-своему, и каждый сам вправе выбирать, какой язык родной для него (21 год, башкирка).*

Наименьшие возражения и разногласия у информантов в глубинных интервью вызвал коммуникативный конструкт **«родным является язык, на котором ты думаешь».** Многие опрошенные независимо от своей этнической принадлежности выражали свое согласие в данном вопросе: *(Раньше) если меня спрашивали, что такое родной язык, я не могла дать точного определения. Сейчас, мне кажется понятие «родной язык» точно описывает определение «это язык, на котором ты думаешь». У меня их два – русский и башкирский (19 лет, башкирка); Я часто слышала такое представление, что родной язык – язык, на котором человек думает. Я думаю, в принципе, да. Вот это представление наиболее такое верное. И, действительно, тот язык, на котором человек думает, он и является для его родным, потому что исходя из вот этих мыслей ... (путается в словах) ну, на*

каком языке его мысли в голове, ну, дальше от этого исходит. Вообще, я считаю, что да, это представление верно (21 год, татарка).

Респонденты-школьники в ходе стандартизированного опроса также демонстрировали высокую степень приверженности конструкту «родной язык – язык мышления» (см. табл. 9).

Таблица 9

Принятие конструкта «родной язык – это язык, на котором я думаю», 2020 (%)

Степень согласия	Всего	Этническая идентичность				
		Русские	Татары	Башкиры	Другие	Множественная (двойная) идентичность
Полностью	61,8	74,3	39,3	54,6	63,6	58,0
Частично	26,3	17,3	43,8	31,1	9,1	32,1
Никак	12,0	8,4	16,9	14,3	27,3	9,9

В условиях традиционного общества практически отсутствует различие языка по признакам мышления («думаю»), речевой деятельности («говорю») и общения («разговариваю»). В современном полиэтническом и полиязычном обществе наблюдается дифференциация этих аспектов языка, что обуславливает этапность и многовариантность би- и полилингвизма (рецептивный («понимаю, но почти не говорю»), репродуктивный («понимаю и могу неплохо говорить»), продуктивный («понимаю, говорю, мыслю»). На наш взгляд, подобные практики и отражают результаты опроса в сравнении у молодежи – представителей разных этносов. Абсолютное большинство респондентов русской идентичности и думаю, и говорят, и общаются на русском языке, поэтому у них конструкт «родной язык – язык, на котором думаю» не вызывает никаких вопросов. Другое дело – респонденты с нерусской этнопринадлежностью, у многих из которых билингвизм носит сукцессивный (последовательный) характер и, следовательно, язык мышления и речи может различаться в каждом речевом акте.

В ходе интервью некоторые информанты расширяли и дополняли данный конструкт, говоря не только о мышлении, но особенностях формирования и поведенческих практиках взаимодействия: *Родной язык... ты познаешь в детстве и можешь разговаривать и мыслить на нем (26 лет, башкир); Скорее, верно было бы сказать, что родной язык – это язык, на котором человек общается. Не только думает, но и разговаривает (23 года, русский); Я дома разговариваю и на*

башкирском, и на русском языках и думаю, также, на русском и на башкирском языках, поэтому мне, для меня оба языка очень важны. Я башкирка. Русский для меня, наверно, тоже родной, потому что на русском разговариваю тоже (26 лет, башкирка); Для меня родной язык – татарский. Когда я приезжаю домой и слышу, как родители говорят на татарском, друзья, родственники... Слышишь эту речь и понимаешь: «Все, я дома». Это близкое окружение, даже как-то легче становится (20 лет, татарка-башкирка). Вследствие этого в ходе онлайн-опроса учащимся школ было предложено высказать степень согласия с конструктом *«родной язык – это язык, который я знаю лучше, чем другие»* (см. табл. 10).

Таблица 10

Принятие конструкта «родной язык – это язык, который я знаю лучше, чем другие», 2020 (%)

Согласие с конструкта ми	Все го	Этническая идентичность				
		Русские	Татары	Башкиры	Другие	Множественная (двойная) идентичность
Полностью	48,9	57,8	44,9	47,9	45,5	28,4
Частично	32,9	25,3	37,1	31,9	40,9	50,6
Никак	18,2	16,9	18,0	20,2	13,6	21,0

Как видим несмотря на то, что около половины опрошенных, независимо от декларируемой этноидентичности, выражают согласие с данным суждением, уровень принятия названного конструкта на порядок ниже, в сравнении с другими вариациями социального и коммуникативного конструирования родного языка.

Наличие когнитивного («знаю») и поведенческого («умею») компонентов языкового поведения не обязательно предполагает аффективный («чувствую») компонент. Язык можно выучить и постоянно практиковаться в его применении, но это автоматически не означает наличия чувств, душевного отношения человека к языку. В целях выявления особенностей **эмотивного** типа конструирования родного языка респондентам-учащимся было предложено высказать отношение к концепту *«родной язык – это язык моей души, моих чувств»* (см. табл. 11).

Принятие конструкта «родной язык – язык моей души, моих чувств», 2020 (%)

Согласие с конструктами	Все го	Этническая идентичность				
		Русские	Татары	Башкиры	Другие	Множественная (двойная) идентичность
Полностью	50,4	59,8	49,4	44,5	40,9	33,3
Частично	38,0	31,3	34,8	46,2	27,3	53,1
Никак	11,6	8,8	15,7	9,2	31,8	13,6

Полностью разделяют данное представление половина и более учащихся русской, татарской и башкирской идентичностей, тогда как среди учащихся с двойной идентичностью более половины согласны с таким суждением лишь частично. Почти треть учащихся обобщенно других моноэтнических идентичностей категорически не согласны с этим конструктом. Можно предположить, что факторы, влияющие на отношение к двум указанным выше конструктам у представителей различных этнических идентичностей, одни и те же.

Таким образом, в сознании молодежи конструирование родного языка – сложный и неоднозначно ориентированный процесс, характеризующийся преобладанием социального и коммуникативного типов конструирования (с уточненными вариациями конструктов). В целом, несмотря на выраженные этнические, территориальные и гендерные различия, прослеживается ориентация молодежи на прагматико-коммуникативную функцию языка, увязывание категории «родной язык» прежде всего с языковой компетентностью и практиками взаимодействия индивидов (57,1%), нежели с традициями и сохранением исторической памяти (21,4%). При этом для 1/5 молодых людей конструирование родного языка вызывает затруднения и/или не находится в сфере актуальных потребностей. Подобное положение прослеживается и в глубинных интервью, когда информанты, рассуждая о значимости родного языка, в первую очередь подчеркивают его культурно-историческое значение и аффективную функцию: *Родной язык – та ценность, которая идет с нами откуда-то издалека, с историей, с эпохой (20 лет, татарка-башкирка); У каждого народа, у каждой нации есть свои какие-то традиции и благодаря языку это все сохраняется (22 года, татарка); Мне многие говорили: «Родной язык – для души, а русский язык чисто для... дела, ...всю суть своей души можно излить (на родном языке) (21 год, марийка).* Одновременно артикулируется отсутствие практической пользы, пространственно-временных перспектив

миноритарных языков и, как следствие, все большее расхождение между конструированием родного языка и этническим происхождением индивидов: *Среда, в которой я обитаю, мой город....Он не обязует знание башкирского, или моя национальность (я татарка), но она не обязует меня знать татарский язык, потому что я нахожусь в сфере русскоговорящих людей и в принципе не нуждаюсь* (19 лет, татарка); *Не согласна с этим (с необходимостью освоения языка этнического происхождения), потому что татарам и башкирам за пределами Татарстана и Башкортостана эти языки не будут нужны от слова “совсем”!* (19 лет, русская). Соответственно, возникают опасения относительно будущего миноритарных языков. В целях более развернутого анализа представляется представляется необходимым обратиться к особенностям поведенческих языковых практик современной молодежи.

Фиксируя неоднозначность и разнообразие представлений о сути родного языка, представляется необходимым анализ отношения молодежи к роли родных (прежде всего миноритарных) языков в глобализирующемся социуме, их изменениях, а также к вопросам сохранения и поддержания языкового многообразия.

В первую очередь нас интересовало, **необходимо ли в современном обществе поддерживать сохранение национальных (родных) языков**. Многие информанты признают необходимость сохранения родных языков, отмечая ведущую роль самих людей и института семьи в данном процессе: *По поводу поддержания других языков, ...конечно, многообразие – это хорошо: есть разные народы; каждый имеет право на существование. ...Я считаю, что обучение народами своих языков (необходимо) предоставить им самим. ...Для того чтобы получить знания, если это язык негосударственный на данной территории, ...своими средствами должны обходиться в данной ситуации* (21 год, башкир); *Я согласна, ... нужно сохранять все, что есть у этноса, ...каждая нация, каждый народ что-то из себя представляет. И к этим представлениям мы должны сохранять уважение* (21 год, башкирка).

Необходимость сохранения языков объясняется тем, что язык – один из ключевых признаков этноса, который определяет модели поведения, идентичность, а также содействует обеспечению межпоколенных связей: *Нам всегда говорили, что «...надо поддерживать»;* *«Россия – многонациональная страна» и «каждый язык ...по-своему красив».* *Мне кажется, не надо забывать всю красоту, тем более есть люди... особенно, конечно, старшего поколения, которые разговаривают на своем родном языке* (21 год,

башкирка); *На языке строится культура, все песни, танцы, сказки и так далее. Люди, которые не знают язык своего этноса, они не относят себя к этому этносу, то есть теряется ...идентичность* (19 лет, башкирка).

Также информантам было предложено высказать свое отношение к изменениям в языке и языковых практиках (языковые заимствования, использование сленга, упрощения языка и т.д.).

Сторонники языковых трансформаций связывают их с наличием потенциала развития и сохранения языка: общество меняется и эти изменения отражаются в языке: *Я считаю, это положительно. Если язык ...не будет меняться, он начнет отмирать. Если язык останется неизменным, его просто перестанут использовать, заменят чем-то другим* (22 года, татарка). Правда, некоторые сторонники изменений подчеркивают, что важно понимать, каковы источники данных трансформаций (внутренние или внешние процессы): *Чем быстрее развивается (язык собственными силами), тем больше способности выжить. Есть и определенные языки, которые медленно развивались, ...под влиянием глобализации они теряют (не приобретают) некоторые слова и много английских слов (заимствуют). В дальнейшем они могут отказаться от своего языка из-за того, что этот язык не обладает жизнеспособностью* (21 год, башкир).

Противники языковых трансформаций отмечают, что можно не заметить, когда на смену избирательному культурному отбору придет обширная языковая ассимиляция, порождая угрозу утраты идентичности: *Не всегда это развитие. ...Есть и другая сторона. Раньше были какие-то исконно башкирские слова, древние слова. Они сейчас забываются, они сейчас заменяются ...русскими словами. Мне кажется, в этом есть что-то негативное* (21 год, башкирка); *Берем русский язык. Сейчас ...мы начинаем использовать какие-то английские слова, они вошли в русский язык. Мы не говорим, что вот это английское слово. Оно просто используется в русском языке. Так мы начинаем из русского ...перетекать в английский. Это не очень хорошо* (20 лет, татарка-башкирка).

Обсуждение **перспектив возможного исчезновения (отмирания) миноритарных языков** вызывало болезненный эмоциональный отклик в первую очередь у молодых людей, относящих себя к этносам, традиционно проживающим в республике, но являющимися малочисленными: *Тогда... одни русские останутся. Можно оттянуть момент смерти как-то? Как-то помочь, чтобы все-таки язык оставался* (21 год, марийка).

Базисную проблему сохранения и функционирования языков молодые люди видят в отказе использования языка в практиках семейно-бытовых коммуникаций: *Язык исчезнет, если исчезнет необходимость его использования. Сейчас говорят о том, что на башкирском, татарском языках не разговаривают в семьях. В деловом общении используется русский язык. Если в семьях уделяют этому время...это будет сохранять язык* (22 года, русская).

Следовательно, именно семья несет ответственность за сохранение языка: *Каждый народ должен сам, прежде всего, озаботиться сохранением своего языка. Если сам не заботится, то кто сохранит?* (21 год, башкир); *Чтобы сохранить (язык), в семье, с друзьями нужно общаться. Больше мы же в семье общаемся. Даже государство здесь не поможет своими программами, поддержками. ...Больше нужно в семье все это поддерживать, воспитывать в ребенке, от родителей требовать, чтобы знал твой ребенок свой родной язык* (21 год, башкирка).

Рассуждая о **необходимости / отсутствии необходимости артикуляции проблем сохранения родных языков на публичных аренах** (в СМИ, органах власти и управления) и признавая в этом наличие определенных манипулятивных интенций, молодые люди все-таки усматривают в этом позитивное начало, так как в зоне публичного обсуждения оказываются реальные проблемы, что может способствовать развитию практик сохранения языкового многообразия: *Проблема эта существует: есть тенденция, что язык национальный не сохраняется. Есть какие-то меры, которые действительно это решают. Все равно хорошо, что об этом хоть кто-то упомянул, а не так, чтобы «вот язык отмирает, ну ладно, пусть умирает спокойно* (22 года, татарка).

Подобные рассуждения побуждают задаться вопросом: **зачем необходимо поддерживать существование языкового многообразия в современном обществе?** Прежде всего, сохранение родных языков обеспечивает сохранение идентичности (личности, группы, общества): *Нужно сохранять идентичность народа, то есть у каждого народа, у каждой нации есть свои какие-то традиции и благодаря языку это все сохраняется* (22 года, татарка); *Родной язык у меня башкирский. ...Есть такое: когда общаешься с человеком на башкирском языке, он (человек) тоже кажется мне близким* (21 год, башкирка).

Признавая существенную роль самих людей и семьи в сохранении родного языка, мы все же задались вопросом: **Поддержка языкового многообразия должна в первую очередь осуществляться государством (в том числе при помощи образовательных**

учреждений) или негосударственными структурами и объединениями? И здесь нет единства мнения молодежи. Первую группу образуют сторонники поддержки языкового многообразия со стороны **государства**, отмечая возможности массового охвата населения, которое не всегда обладает ресурсами (временными, финансовыми), чтобы обеспечить полноценную языковую подготовку ребенка, особенно если родители сами слабо владеют родным языком: *Пусть изучается лучше в школе. ...Потому что в школе дадут хорошее образование, а в семье мало кто изучает язык (20 лет, русский); Никто не будет водить детей в кружки по изучению дополнительного языка, не иностранного, это будет дорого и неудобно. Лучше в школе (24 года, татарин).*

Вторую, наиболее многочисленную, группу составляют сторонники **совместных усилий граждан и государства** в решении вопросов обеспечения языкового многообразия: *Я думаю, если школа не может обеспечить изучение родных языков, то ...изучение этих самых языков в каких-то дополнительных кружках (19 лет, русская); Мне кажется, что поровну ...за это должны нести ответственность как государство, так и некоммерческие организации. То есть некоммерческие организации ...это их ответственность ...сохранение языкового многообразия. Но по Конституции мы же многонациональное государство... То есть государство тоже должно влиять на это (22 года, татарка).*

Основная задача государства видится в обеспечении условий, поддержании инициатив тех объединений, организаций, которые направлены на сохранение языков: *Изучение языков народов России есть далеко не во всех школах России. В основном, только в регионах, а носители языков есть по всей России. Для начала, неплохо было бы создать условия (22 года, русская); Мне кажется, это ...должны обеспечивать в первую очередь негосударственные структуры, которые должно поддерживать государство. Допустим, те же самые некоммерческие организации выигрывают (финансируемые государством) гранты (21 год, башкирка); Государство должно создавать определенные условия для того, чтобы люди смогли свои языки изучать. Если ввести стипендии в школах, то успевающие ученики могут за счет этих (средств) получать знания (родных языков) (21 год, башкир).*

Противники государственного регулирования сохранения языков отмечают низкую эффективность мероприятий языковой политики, когда обязательное принуждение к изучению языков, во-первых, вызывает отторжение у части граждан, во-вторых,

применяемые методики преподавания не обеспечивают формирование языковых компетенций: *Обеспечение языкового многообразия государством бывает даже неэффективным. Взять, например, школы, различные образовательные учреждения, когда там вводят ...предметы, люди просто не учат язык. Они приходят, отсиживают и ...по выходу из школы они не знают языка* (22 года, русская); *Не понаслышке зная, как у нас в школах преподают тот же башкирский язык, я бы не поддерживал инициативу сделать изучение обязательным* (23 года, русский).

Также мы попытались проанализировать, **какие меры поддержки языкового многообразия** известны молодежи. Несмотря на неоднозначность оценивания возможностей и позиции государства, информанты отмечают усилия региональных властей в данном вопросе: *Татарстан ежегодно старается выделять определенную сумму денег для поддержания татарской диаспоры на территории Республики Башкортостан. И в то же время республика Башкортостан тоже пытается поддерживать ...башкир, проживающих за пределами территории Республики Башкортостан* (21 год, башкир); *Например, если говорить о Татарстане, я знаю, когда выпускаются даже после 9 класса, у них есть экзамен по татарскому языку, они его сдают наравне с другими предметами* (21 год, башкирка).

Отмечается роль негосударственных объединений, в том числе международных организаций: *Международные организации есть для поддержания, сохранения «умирающих» народов* (21 год, башкир); *Создаются Дома дружбы народов, где различные народы встречаются. Там проводят различные праздники, мероприятия, которые для каждого народа характерны* (21 год, марийка).

Некоторые информанты отмечали исторический опыт, например, усилия религиозных организаций: *(В прошлом) устройство медресе и иных (национальных) школ – вот один из способов поддержки языкового многообразия* (21 год, башкир).

Некоторые информанты отмечали особые усилия школ по обеспечению языковых потребностей граждан, исходя из национального состава населения населенного пункта, района: *Например, предмет родного языка. Вот был башкирский язык: там были только чисто основы. Были отдельные группы для тех, кто изучает марийский, у нас был удмуртский отдельно. К какому этносу ты принадлежишь, тот язык и изучаешь, как сам хочешь* (22 года, татарка).

В целях повышения заинтересованности учащихся и их родителей школы принимают участие в проведении олимпиад и конкурсов: *Проводятся еще районные, республиканские олимпиады по национальным языкам. У нас и по марийскому, и по башкирскому проводились, и по русскому* (21 год, марийка). Для повышения заинтересованности в изучении языков (в том числе среди лиц, не являющихся носителями языка) применяют практику дифференцированного участия в олимпиадном движении: *У нас в городе, когда проводили олимпиады по башкирскому языку, было правило раздельного участия* (19 лет, башкирка).

Особым значением обладают инициативы краеведов, учителей, стремящихся в ходе внеклассной работы, организации экскурсионного движения привить интерес к языку и культуре народов: *Учитель физики проводила кружки, ...на марийском языке проводила, как внеклассное обучение. У нас (в селе) находились те люди, которые могли обучать этому языку* (22 года, татарка).

Выводы. В современном обществе категория «родной язык» в сознании молодежи изменяет свои позиции, трансформируясь из примарно-объективного критерия этничности в субъективно-конструируемый продукт жизнедеятельности. В общественном мнении молодежи функционирует несколько моделей конструктов «родной язык», однако заметна тенденция соотнесения родного языка с языковой компетентностью и поведенческими практиками взаимодействия индивидов, нежели с традициями и сохранением исторической памяти. У каждого пятого молодого человека конструирование родного языка вызывает затруднения и/или не находится в сфере актуальных потребностей. Вместе с тем, несмотря на неоднозначность процессов, происходящих в сфере языка и языковых поведенческих практик, современная молодежь осознает необходимость сохранения и поддержания языкового многообразия, усилий отдельного человека и семьи в решении этих задач.

ГЛАВА VII

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СРЕДЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ¹

Хайруллина Н.Г.

доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, Россия; ведущий научный сотрудник Башкирского государственного университета, г. Уфа

Субботин В.Я.

кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физического воспитания Тюменского индустриального университета, г. Тюмень

Аннотация. В данной главе рассматриваются языковые процессы, протекающие в различных сферах жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Авторы на протяжении более двадцати лет проводят социологические исследования, которые позволили выявить динамику в этноязыковой среде ханты и манси. Начиная с 1993 года, при участии авторов, проведено более 10 исследований, в ходе которых опрошено более шести тысяч человек. Объем выборки репрезентативно отражает демографическую структуру коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа - Югры. В ходе исследований в целом изучалась социокультурная ситуация, сложившаяся в местах компактного проживания ханты и манси, в том числе связанная с языковыми процессами. В частности, результаты исследований показали, что в ходе промышленного освоения региона, межэтнических взаимодействий родной язык ханты, манси, проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре, вытесняется русским языком из бытовой и производственной сфер.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, родной язык, ассимиляция, традиционные навыки, традиционная культура, интернатское образование

---

¹ Глава выполнена в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности»

Тюменская область является полиэтничным российским регионом, в котором интенсивно протекают этнокультурные процессы и межэтнические взаимодействия. Это связано как с предшествующим этническим взаимодействием, так и с миграционными процессами, которые усилились в середине 1950-х годов прошлого столетия в ходе интенсивного промышленного освоения в Среднем Приобье, под влиянием которого пришло в упадок этноспецифическое для коренных народов северное промысловое хозяйство, адаптированное к природной среде, утрачены некоторые элементы материальной и духовной культуры. В последние десятилетия данные процессы усугубились за счет трудовых мигрантов, прибывающих из республик Средней Азии и Кавказа (в первую очередь узбеков, таджиков, киргизов и др.).

В условиях межэтнических взаимодействий исследуемым нами этносам (как и представителям других национальностей) сложно сохранить и развивать традиционную культуру, соблюдать обычаи, заниматься традиционными промыслами и ремеслами, поддерживать собственное видение мира, историю. За многие столетия ханты, манси накопили и пытаются сегодня не столько сохранить традиционный образ жизни, сколько сохранить родной язык, традиционные обряды, обычаи, сферы занятости, одежду, пищу, жилище, фольклор и другие элементы материальной и духовной культуры¹.

Цель данной работы – на основе проведенных исследований охарактеризовать социокультурную ситуацию в целом и выявить динамику языковых процессов, протекающих у коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа - Югры.

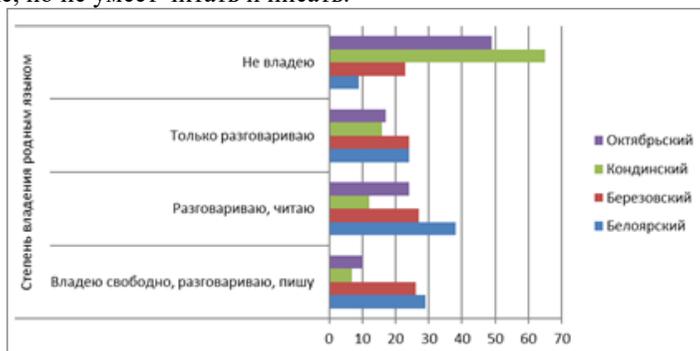
Объектом авторских исследований, проводимых с начала 1993 года, стали представители коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: ханты и манси.

На первом этапе (1993 г.) изучалась ситуация в жизнедеятельности коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа в целом, проведен анкетный опрос ханты и манси Белоярского, Березовского, Кондинского и Октябрьского районов, в результате которого предложены индикаторы в систему социологического мониторинга. В ходе опроса диагностировалось социальное самочувствие представителей коренного населения, изучались варианты дальнейшего развития, в том числе определялись

---

¹ Хайруллина Н.Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2000. 466 с.

необходимые мероприятия для сохранения родного языка, традиционного хозяйства и др.¹. Исследование показало, что только один из пяти участников анкетного опроса владеет родным языком свободно, может свободно говорить, читать и писать. Каждый четвертый признался, что может разговаривать и читать на своем языке, каждый пятый респондент только разговаривает на родном языке, но не умеет читать и писать.

Рис. 1. Степень владения родным языком КМНС ХМАО в 1993 г. в зависимости от района проживания (в % к общему числу опрошенных)

При этом чуть более трети участников признались, что родным языком не владеют. Анализ показал, что на степень владения родным языком оказывает место жительства. Распределение ответов в зависимости от района проживания представлено на рис. 1.

По мнению участников опроса, на знание родного языка оказывает влияние не только семья, но и система образования в целом, а также уровень и качество предоставляемого образования в общеобразовательных учреждениях. Чуть более чем две трети опрошенных хотели бы, чтобы дети получили хорошее образование. Данная ценность занимает в системе ценностных ориентаций коренных народов третью позицию вслед за ценностями собственного здоровья и детей, прочной семьи.

Две трети опрошенных представителей коренных малочисленных народов четырех исследуемых районов основными недостатками общего среднего образования назвали, что школа не дает достаточных

¹ Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г. Изучение социально-этнической ситуации Ханты-Мансийского автономного округа как этап разработки социологического мониторинга. Тюмень, Ханты-Мансийск, 1995. 48 с.

знаний родного языка, об истории народа, не знакомит с обычаями и культурой, а каждый второй считает, что школа не учит жизни в условиях Севера.

Более того, в ходе обучения детей коренных малочисленных народов Севера в интернатах ухудшается их здоровье и происходит отрыв детей от семьи, а именно в семье закладываются основы традиционной жизнедеятельности.

Проведенный анализ ответов на вопрос о языковой подготовке, треть респондентов признались, что в школах ничего не меняется, а пятая часть опрошенных считает, что она даже ухудшилась. Согласно полученным данным, в школах Октябрьского района наиболее остро стоит проблема с языковой подготовкой детей коренных малочисленных народов Севера, наиболее благополучная ситуация, по мнению участников опроса, наблюдается в школах Березовского района.

Еще в начале 1990-х годов практически все участники опроса из числа КМНС предлагали ввести преподавание родных языков ханты и манси во всех классах, каждый третий предлагал полностью перейти на обучение детей на родных языках (сторонники так называемой полной национальной автономии в системе школьного образования). Именно данные участники опроса считают, что национальность учителя обязательно должна совпадать с национальностью детей. Одновременно две трети респондентов, кроме национальности, фактором успешного обучения называют и профессионализм педагога.

В 1995 г. (второй этап) изучалась социально-экономическая ситуация в четырех районах компактного проживания коренных малочисленных народов округа и одновременно проводился социологический мониторинг языковой ситуации. За два года языковая ситуация ухудшилась: в зависимости от исследуемого района проживания количество представителей КМНС, свободно владеющих родным языком, сократилось от 3 до 8 %. Большинство опрошенных связывают данную ситуацию с отсутствием в местах компактного их проживания национальных школ. Одновременно две трети респондентов утверждают, что в большинстве общеобразовательных школ районов даже не организованы курсы изучения языков ханты и манси¹.

На следующем этапе (1997-1999 гг.) изучалась социально-этническая ситуация в районах Ханты-Мансийского автономного

---

¹Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г. Мониторинг социального самочувствия обских угров. СПб.: ООО «Миралл», 2006. 200 с.

округа и динамика языковой ситуации. Большинство представителей КМНС считают, что знание родного языка является основой для сохранения национальной культуры ханты и манси, а утрата родного языка способствует духовной и национальной деградации, превращая человека в этнического маргинала. Серьезность проблемы осознается жителями округа, поскольку за очередные два года наше исследование зафиксировало снижение числа лиц, не владеющих родным языком. В данном контексте приведем ответы респондентов из числа КМНС, которым было предложено оценить современную молодежь. Каждый четвертый участник опроса отметил, что современная молодежь из числа коренных малочисленных народов округа хотят жить и работать как современная городская молодежь; такое же число опрошенных заявили, что молодежь из числа ханты и манси вообще не хочет работать и только треть участников опроса полагают, что северная молодежь будет работать в традиционных отраслях. По мнению опрошенных, молодежь будет оставаться в местах своего проживания, если произойдет техническое оснащение традиционных отраслей хозяйствования и улучшение условий труда. Не секрет, что после начала промышленного освоения в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера выросли два поколения, которые утратили традиционные навыки этнической среды (это и интернатское образование, и передача родовых угодий под промышленное освоение и др. причины), родной язык, культуру. Поэтому на вопрос, каким видят будущее своих детей участники опроса, только 4% ответили, что они хотят видеть своих детей на родной земле, чтобы они сохраняли традиционный образ жизни предков, без вмешательства цивилизации и изменений. Каждый десятый считает, что дети должны жить в городах и пользоваться всеми благами цивилизации. Три четверти опрошенных – сторонники интегрального варианта: дети должны пользоваться всеми благами цивилизации, но и соблюдать обычаи своих предков. При этом 69% считают, что дети должны получить современное и качественное образование, а это достижимо либо в окружном центре, либо в крупных городах округа или Тюменской области. Дальнейшие исследования подтвердили наше предположение, что, получив образование в крупных городах, молодежь не возвращается в дом, а остается в городах и утрачивает традиционные ценности, интегрируется в современное общество.

Следует отметить, что большинство участников опроса хотят дать своим детям возможность получить общее среднее образование. При этом чуть более трети опрошенных считают, что их дети должны

получить высшее образование, еще треть опрошенных согласны на среднее специальное образование, каждый десятый – общее среднее образование. Анализ ответов на данный вопрос в зависимости от полученного образования родителей показал, что чем выше уровень их полученного образования, тем чаще они желают видеть своих детей с высшим образованием.

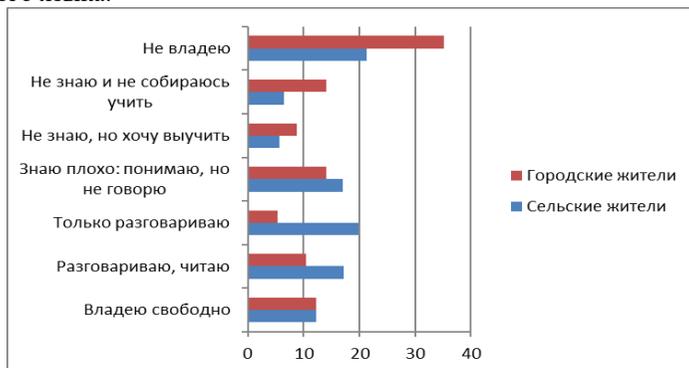
Для получения качественного образования каждый второй респондент предлагал увеличить издание учебников, другой литературы на родных языках ханты и манси. При этом каждый четвертый считал необходимым изменить сроки каникул, уменьшить продолжительность учебного процесса, чтобы дети чаще находились дома, в стойбищах и могли приобщаться к традиционным формам занятости, осваивать и развивать традиционные навыки этнической среды. Четверть опрошенных предлагали отменить вообще интернатскую систему обучения и ратовали за развитие школ в стойбищах и на родовых угодьях.

На четвертом этапе (1999-2001 гг.) изучалась социокультурная ситуация, сложившаяся в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Ханты–Мансийского автономного округа – Югры и в окружном центре, а также анализировалась динамика языковой ситуации. Наше исследование выявило тенденцию языковой ассимиляции в среде сельского и городского населения из числа коренных малочисленных народов Севера¹, все меньшее число ханты и манси признают родным языком язык ханты и манси. Родной язык ханты и манси утрачивает свою функциональную роль и вытесняется из производственной, образовательной сферы и бытового общения. Наши исследования, проведенные среди ненцев Ямала и сибирских татар юга Тюменской области в последующие годы, зафиксировали аналогичную тенденцию. Следует заметить, что 93,3% представителей коренных малочисленных народов Севера в возрасте до 30 лет, проживающих в сельской местности, общаются на работе только на русском языке, среди городских жителей – все. Другая тенденция, выявленная нами: более образованные респонденты чаще на работе и дома общаются на русском языке. Если две трети респондентов, получивших начальное образование, общаются на работе на русском языке, а среди участников опроса со средним образованием таких уже 89%, то с высшим образованием – общаются все. При этом две трети участников опроса, проживающие в сельской местности, чуть более

---

¹ Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г. Традиционный уклад и образ жизни обских угров (по материалам социологических исследований). М.: «Издательство ИКАР», 2002. 296 с.

половины опрошенных горожан назвали язык ханты и манси родным. Это позволяет утверждать, что ценность родного языка, не смотря на выявленную ассимиляцию, продолжает оставаться отличительным маркером и свидетельствует об отчетливом этническом самосознании. Родной язык осознается ханты и манси (как и ненцами, сибирскими татарами и представителями других национальностей) условием существования и развития этноса, критерием его самобытности. На рис. 2 представлены результаты опроса по ситуации со знанием родного языка.

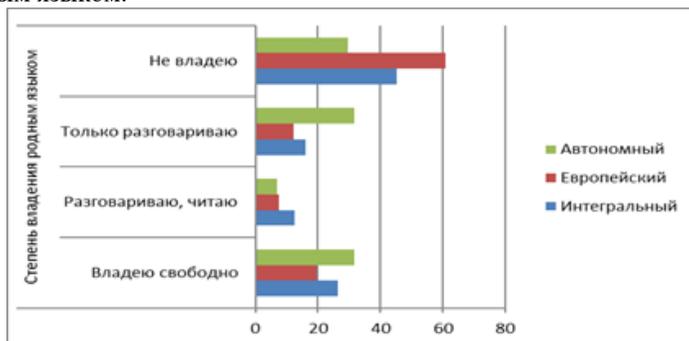

Рис. 2. Степень владения родным языком в зависимости от места проживания (в % к общему числу опрошенных)

По данным проведенного исследования языковая ситуация в Белоярском и Березовском районах округа признана нами более благоприятной, поскольку в этих районах доля респондентов, не владеющих родным языком, составляет 11%. В Кондинском и Октябрьском районах ситуация вызывает опасения для будущего коренных малочисленных народов: доля не владеющих родным языком составила 75%. Анализ зависимости уровня владения родным языком от сферы профессиональной занятости позволил увидеть четкую зависимость: респонденты, занятые в отраслях традиционного северного хозяйства, имеют самый высокий уровень языковой компетенции. Среди оленеводов языком владеют 80% опрошенных, рыбаков – 36%, охотников – 33%, в сфере обслуживания – каждый десятый.

Интерес вызывают ответы участников опроса на вопрос о степени владения родным языком в зависимости от выбора варианта дальнейшего развития коренных народов (рис. 3). Как видим, лучшее владение родным языком показывают респонденты, выбирающие

автономный вариант развития коренных малочисленных народов Севера, соответственно, доля не владеющих родным языком среди них наименьшая. Напротив, респонденты, выбирающие европейский вариант развития, владеют языком хуже, 60,9% из них не владеют родным языком.

Рис. 3. Степень владения родным языком в зависимости от варианта дальнейшего развития, в % от общего числа опрошенных

В ходе дальнейших социокультурных исследований в местах проживания коренных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа мы изучали динамику языковой ситуации и подтверждаем, что современная ситуация обуславливает переход ханты, манси и представителей других национальностей на общение на русском языке. Данные процессы усиливаются процессами глобализации, интернационализации, урбанизации, миграции, укрепляя роль русского языка как средства общения. Но постепенный переход на русский язык в последние годы не только не снимает, а, напротив, активизирует проблему сохранения родных языков, о чем свидетельствуют проводимые конференции разного уровня в российских регионах. Так, в сентябре текущего года в Абакане проходил международный симпозиум хакасского эпоса и VIII Международная научная конференция «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященные 300-летию открытия памятников енисейской письменности и оду хакасского эпоса в Республике Хакасия. На конференции работало шесть секций, на одной из которых рассматривались фундаментальные и прикладные исследования в области родных языков народов Сибири. Один из авторов статьи выступила с докладом «Языковые процессы в среде сибирских татар: результаты исследований», в котором рассмотрела

тенденции этноязыковой ситуации в среде сибирских татар, проживающих на юге Тюменской области. На конференции красной нитью прослеживалась мысль, что родной язык позволяет сохранять накопленные достижения традиционной культуры, укреплять самосознание этноса, формировать этнокультурную идентичность.

Исследование выполнено в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности»

ГЛАВА VIII

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ БИЛИНГВИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ В НОВЫХ МЕДИА¹

Ефлова М.Ю.

доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Максимова О.А.

кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Минзаринов Р.Г.

доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

Озерова К.А.

кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань

В 2017 году в полиэтничных регионах РФ развернулась активная дискуссия по поводу изучения национальных языков в школах регионов. 20 июля 2017 г. президент России В.В. Путин, выступая в Йошкар-Оле на заседании совета по межнациональным отношениям, отметил, что «заставлять человека изучать язык, который родным для него не является, так же недопустимо, как и снижать уровень преподавания русского»². Одновременно В.В. Путин поручил Генеральной прокуратуре провести проверку на добровольность изучения национальных и государственных языков в школах национальных регионов. Все последовавшие затем действия федеральных и региональных органов власти и реакция на них населения регионов продемонстрировали наличие скрытого этнолингвистического противоречия, требующего адекватного анализа

---

¹ Глава выполнена в рамках реализации Программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности»

² Замахина Т. Путин потребовал не сокращать изучение русского языка в республиках РФ // Российская газета. 20.07.2017. URL: <https://rg.ru/2017/07/20/putin-potreboval-ne-sokrashchat-izuchenie-russkogo-iazyka-v-respublikah-rf.html> (дата обращения 20.09.2021).

со стороны научного сообщества и разработки механизмов оптимизации политики билингвизма в полиэтничных регионах.

Отражением данных процессов стала активизация дискуссии в обществе, которая, в условиях информатизации, главным образом, распространялась посредством социальных сетей и новых медиа в Интернете. В условиях высокой степени влияния информационно-коммуникативных технологий и новых медиа на настроения, ценности людей и в целом, на социально-политическую стабильность в регионе, актуально обращение исследователей к анализу виртуальной активности населения, связанной с региональными проблемами. Именно поэтому авторами был осуществлен анализ развития дискуссии в Интернете о проблеме реализации политики билингвизма в Республике Татарстан.

Для изучения контента Интернета нами применялся метод анализа больших данных (Big Data). Как отмечает О.С. Нагорный, этот термин относится не только к электронным данным, которые отличаются большим объемом, высокой скоростью производства и разнообразием форм. Работа с большими данными также предполагает новые, интеллектуальные методы их анализа, дающие возможность извлечения принципиально нового знания из собранного массива данных (data mining). Имеется возможность анализа различных дискурсов, артикулируемых создателями и пользователями новых медиа. Сущность предлагаемого метода анализа состоит в том, что в текстах сообщений пользователей Рунета выявляется структура связей между различными категориями, строится тематический профиль дискурса и затем устанавливается, как те или иные категории распределяются по темам сообщений¹.

В настоящее время анализ сферы Интернета фактически отстает от ее развития, поэтому критический дискурс-анализ может предоставить наиболее подходящие инструменты для теоретического осмысления таких явлений, как влияние Интернета и новых медиа на выстраивание индивидуальных жизненных траекторий и формирование идентичности пользователей в виртуальном пространстве. Именно новые медиа, представляя собой новый формат дискурсивной системы, наилучшим образом воспроизводят традиционную диалогичную структуру человеческого общения².

---

¹ См.: Нагорный О.С. Репрезентация этничностей в русскоязычных социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 165—184. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.11.

² Там же.

Авторами был осуществлен анализ массива сообщений за 2017-2018 гг., связанных с проблемой реализации политики билингвизма в Республике Татарстан, размещенных в виртуальных сообществах наиболее популярных социальных сетей.

Для анализа дискуссии по проблеме изучения татарского языка и реализации политики билингвизма был осуществлен сбор сообщений, из которых состоит дискурс данной проблемы в сети Интернет и новых медиа. Сбор данных выполнялся при помощи сервиса мониторинга больших данных IQBuzz (<http://iqbuzz.pro>), который позволяет искать общедоступные сообщения пользователей социальных сетей и форумов по ключевым словам. На первоначальном этапе исследования был составлен список терминов, репрезентирующих проблему реализации политики билингвизма в Республике Татарстан. Далее, на основе сервиса IQBuzz произведен поиск сообщений в определенных социальных сетях за конкретный временной интервал, в которых используются выделенные слова. Отобранные тексты прошли через стандартную процедуру предварительной обработки, включающую в себя токенизацию, лемматизацию, удаление стоп-слов. После чего был осуществлен сопоставительный анализ полученных данных, согласно традиционной методике дискурс-анализа текстов.

В ходе исследования был произведен анализ открытых источников сети Интернет (постов в социальных сетях, блогах, новостных лент, а также комментариев к каждому типу источников контента).

Важно отметить, что сервис автоматического мониторинга социальных медиа IQBuzz позволил значительно сократить время и расширить возможности в сборе информации (обрабатывает информацию из более, чем 10000 источников онлайн-СМИ, Facebook, Twitter, ВКонтакте, Мой Мир, Instagram, 4sq, LiveJournal, LiveInternet, Google+, YouTube, RuTube и ряда других).

Для анализа нами были созданы и протестированы поисковые запросы, позволяющие отобрать сообщения, отражающие заданную тематику. В анализируемый массив попали публикации за все время, основные показатели и метрики представлены за последний год. Языки поиска – русский и татарский.

После отбора сообщений была проведена их автоматическая проверка на адекватность теме, проверка кодирования тональности сообщений и ее ручная корректировка.

Основные параметры, по которым анализировалось отражение проблемы реализации политики билингвизма в республике, были следующие:

- динамика сообщений;
- тональность сообщений;
- источники сообщений и их типы;
- ключевые слова;
- охват аудитории блогов, в которых отражена тема;
- наиболее активные авторы;
- пол авторов;
- возраст авторов.

Также фиксировались основные метрики, связанные с репрезентацией темы в социальных медиа, такие как:

- динамика количества сообщений;
- пики обсуждения;
- степень активности авторов;
- уровень вовлеченности аудитории (среднее количество сообщений по данной теме на одного автора);
  - охват аудитории (сколько пользователей сети могли ознакомиться с сообщениями по данной теме);
  - количество лайков и репостов записей различной тональности;
  - динамика появления уникальных источников (новых блогов и сообществ по теме).

Публикации в Интернете автоматически группируются сервисом IQBuzz на следующие типы:

Пост – фото с текстовым комментарием к нему, размещаемое пользователем на сайте <https://www.instagram.com>. При этом другие пользователи имеют возможность отметить сообщение как понравившееся (поставить лайк) и оставить комментарий к нему.

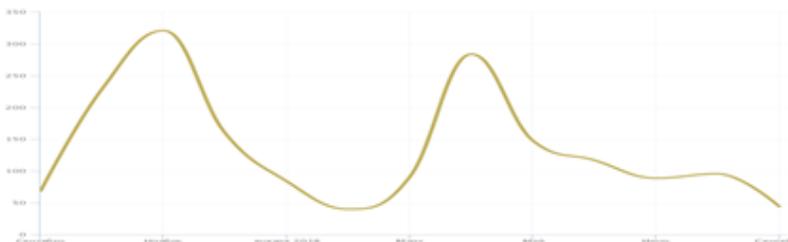
Комментарий – сообщения, оставляемые пользователями в социальных сетях (<http://vk.com>, <http://www.odnoklassniki.ru>, <https://www.facebook.com>) под сообщениями-постами.

Форум – площадка для общения пользователей на различных сайтах. Главное отличие, что тему создает любой из пользователей, а далее ведется диалог по теме. **Социальные сети** – сообщения, оставляемые администраторами групп в социальных сетях на страницах данных групп. **Микроблог** – сообщения, включающие в себя, в том числе, и перепосты новостей, оставляемые пользователями на сайте <https://twitter.com>. **Новости** – новостные сообщения на официальных Интернет-сайтах различных государственных структур и СМИ.

Представим некоторые результаты исследования.

Как отмечалось ранее, в татарстанском обществе в 2017 году развернулась активная дискуссия, принявшая характер противоречия

между сторонниками и противниками изучения татарского языка. Родительские сообщества вели и продолжают вести активную дискуссию в социальных сетях, где созданы группы обеих направленностей. Динамика сообщений за 2017-2018 гг. относительно проблемы регулирования ситуации с изучением татарского языка в школах республики указывает на существование двух явных всплесков обсуждений в течение последнего года (рис. 1).

Рис. 1. Динамика сообщений за 2017-2018 гг., связанных с проблемой изучения татарского языка

Как видно из представленных данных, чаще всего сообщения появлялись в ноябре 2017 года и в апреле 2018. В целом за проанализированный период число сообщений по теме выросло на 1293% относительно предыдущих лет.

Тональность сообщений по теме была распределена следующим образом: негативные сообщения 33%, нейтральные 51,5%, позитивные 10,8% и смешанные 4,4%.

Типичные нарративы для сообщений *негативной* тематики в рамках темы подразделяются на две группы, противоположной направленности. Первая группа принадлежит пользователям сетей, настроенных против обязательного изучения татарского языка в школах республики. Коннотации их сообщений чаще всего сопряжены со следующими тематическими блоками: «заставляют учить неродной язык большое количество населения»; «не прислушиваются к общественности, ждут жестких указаний от федерального центра»; «уменьшение в последние годы количества часов русского языка»; «не учитывают мнение и потребности учителей»; «нежелание искать новые методы популяризации татарского и использование давления на родителей»; «нарушение СанПиН для школьников за счет увеличения часов на татарский язык»; «перегибы с изучением татарского на местах с позволения региональной власти» и т.п.

Вторая группа сообщений принадлежит сторонникам обязательного изучения татарского языка и отражает следующие дискурсы: *«не согласован митинг в защиту татарского языка»*; *«закрыли олимпиаду по татарскому языку»*; *«вина властей в плохой организации преподавания татарского, которое и оттолкнуло многих школьников и родителей»*; *«увольнение учителей татарского (хотя обещали, что этого не будет)»*, *«неискренность мотивов татарстанских властей в работе по сохранению языка»*; *«дискриминация татароязычных»*; *«непоследовательность властей – то поддерживают обязательное изучение татарского, то нет»* и т.п.

Типичные нарративы сообщений **позитивной** тематики практически полностью принадлежит сторонникам изучения татарского языка и представлены следующими коннотациями: *«улучшение системы преподавания татарского языка»*; *«решения о лицензировании новых учебников»*, *«поддержка татароязычной общественности»*; *«предложения по расширению функциональности татарского в популярной культуре»*; *«Р. Минниханов поддержал производно кукол, говорящих на татарском языке, профинансировал фильм на татарском»*; *«включение в он-лайн переводчики татарского языка»*; *«предложение новых методик изучения»*; *«позитивные изменения в диалоге с федеральным центром»*; *«обучение чиновников татарскому»*; *«поддержка детского телеканала на татарском»*; *«новые конкурсы для учителей татарского и их переподготовка»*.

Согласно представленным данным, количество сообщений негативной направленности за 2017-2018 годы составило 33,3%, а за пять предшествующих лет – 27,5%.

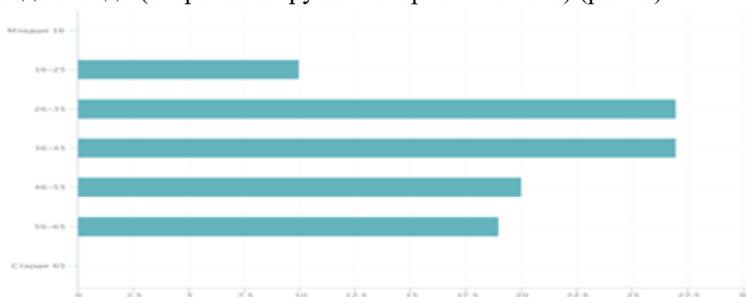
В качестве коннотаций со **смешанной** характеристикой (4,4% за 2017-2018 годы и 3,8% за пять лет) кодировались сообщения, в которых одновременно констатировалось признание промахов языковой политики региональной власти, но присутствовали позитивные ожидания или оценки: декларация будущих улучшений методики преподавания, диалога с общественностью и т.д. Сообщения **нейтральной** тематики (51,5% за 2017-2018 годы и 60,3% за предшествующие пять лет) – это новости и сообщения о событиях, связанных с обязательным изучением татарского языка в Татарстане, без каких-либо оценок.

Больше всего нейтральных новостных сообщений по теме было создано в октябре и ноябре 2017 года, а негативных – в ноябре 2017, январе и апреле 2018 г. Показателен тот факт, что сообщения негативной тематики в два раза чаще оставляли авторы-мужчины.

Основными источниками сообщений по теме являются социальные сети, в первую очередь – ВКонтакте, LifeJournal, Мой мир, Twitter, Facebook, мессенджер Telegram. В целом, охват групп, освещавших процесс реализации политики билингвизма, очень широк, что свидетельствует о том, что данная проблема волнует значительную часть населения республики.

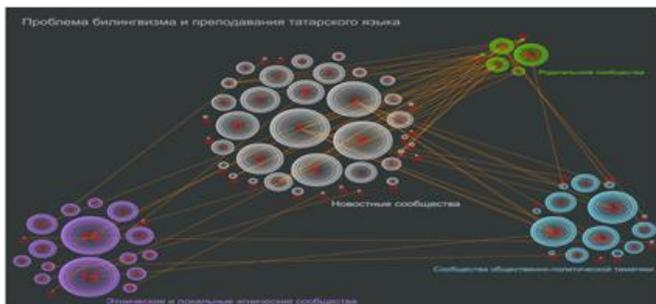
Рассмотрим характеристику авторов блогов, посвященных анализируемой проблеме. В общем массиве сообщений за последний год авторы каждого пола представлены в неравных долях (мужчины 63,1%, женщины 36,9%).

В рамках данной темы наблюдается разброс возраста авторов. Наиболее активными участниками дискуссии были представители средних поколений – 26-35 лет и 36-45 лет. При этом включены в интернет-дискуссию и пользователи старших поколений 46-55 лет и 56-65 лет. Достаточно активно в Интернет-пространстве проблему изучения татарского в школах обсуждают и сами школьники, и молодые люди (возрастная группа авторов 16-25 лет) (рис. 2).

Рис. 2. Возрастной состав авторов сообщений

На основе данных IQBazz и теории графов были сгенерирована инфографика по группам. Размер круга на графике отражает *численность* группы, номер внутри круга соответствует *номеру* группы в приводимом ниже списке. Связи обозначают наличие обоюдных репостов сообщений (период наблюдений – последний год) и наличие общих подписчиков между группами (рис. 3).

Рис. 3. Соотношение субъектов новых медиа, включенных в обсуждение проблемы билингвизма

Выделим *основные метрики*, связанные с репрезентацией проблемы преподавания татарского языка в социальных медиа:

- Пиком обсуждений (день с максимальным количеством сообщений по теме) в течение 5 лет было 5 ноября 2017.
- За 2018 годы активность авторов, пишущих по теме билингвизма, возросла на 1500% (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), в среднем по теме создавалось около 5 сообщений в день.
- Вовлеченность авторов (характеризующаяся тем, сколько в среднем один автор написал сообщений по данной теме) за 2018 год выросла на 73%, каждый из них оставил более 2 сообщений.
- Охват аудитории за 2017-2018 годы составил 44 679 367 чел., именно столько пользователей сети могли ознакомиться с сообщениями по данной теме. Охват аудитории сообщений негативной тональности 12 215 699 чел., позитивной 5 586 908 чел.
- За 2018 год все сообщения по данной теме собрали 31 358 лайков (из них позитивной тональности 65, негативной – 11 404).
- За 2018 год пользователи сети поделились сообщениями по данной теме 4 293 раз.
- Уникальных источников сообщений по теме появилось 29, а новых авторов стало больше на 186% (1310 новых уникальных пользователей за год).

В целом можно констатировать, что проблема билингвизма и изучения татарского языка в Республике Татарстан, активизировавшаяся в 2017 году, продолжает оставаться актуальной для пользователей сети.

Овладение языками в современном мире превращается в непрерывный процесс, требующий участия различных социальных

институтов, многократного достраивания языкового ресурса личности в целях решения возникающих практических задач в пространстве современного мультилингвального обмена. Интернет в условиях информационного общества становится полем социализации детей и молодежи, поэтому в современных условиях на государственном и региональном уровнях важно использование многогранного потенциала информационно-коммуникативных ресурсов с целью формирования мотивационных установок овладения различными языками, при сохранении интереса к культурно-языковым ценностям родного этноса.

Мы полагаем, что в современных условиях в Республике Татарстан есть все возможности для выработки и реализации оптимальной языковой политики и, в частности, образовательных программ, учитывающих потребности и интересы представителей основных этносов республики. Изучение концептуальных подходов к проблеме билингвизма и мультикультурализма, положительного мирового опыта, результатов республиканских образовательных практик, языковой идентичности татарстанцев и их образовательных потребностей, возможностей учебных заведений Республики Татарстан позволяет разработать проекты образовательных программ, посредством которых будут сохраняться самобытность культур этносов и толерантное отношение их представителей друг к другу в современных условиях мультикультурализма.

ГЛАВА IX ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКАХ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ: УРОВЕНЬ КОНФЛИКТНОСТИ И РИСКОВ¹

Большаков А.Г.

*доктор политических наук, профессор Института социально-
философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального
университета, г. Казань*

Храмова Е.В.

*кандидат политических наук, доцент Института социально-
философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального
университета, г. Казань*

Аннотация. В данной главе рассматривается специфика выстраивания языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья. Предметом анализа выступают риски региональных политик, основанные на конфликтности реализуемых практик управления. В основу анализа положена методология конфликтологического аудита, разработанная и институционализированная конфликтологами КФУ в рамках реализации предыдущих исследовательских проектов. Методом сбора исследовательской информации принято экспертное интервьюирование. В ходе исследования выявлен внутрорегиональный фактор успешности реализации языковой политики. Определен круг языковых проблем, характерных для всех обследуемых республик. Названа конфликтная точка бифуркации в языковом вопросе, вызвавшая колебания социальной напряженности. Экспертами поднимается вопрос о реалиях федерализма в РФ. Обговариваются риски республиканских образовательных политик и низкая вовлеченность населения в их реализацию.

Ключевые слова: языковая политика, республика, конфликтность, риски.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РАН в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по проблематике «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» на 2020-2022 гг. по государственному заданию (Поручению Президента Российской Федерации) от 16.01.2020 (Пр. 72, п. 6). на тему «Конфликтные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов».

Залогом эффективности процесса управления конфликтом в современных условиях остаются его предотвращение и профилактика на основе всестороннего научного междисциплинарного анализа. В практике Казанской конфликтологической школы особую роль приобрела методология конфликтологического аудита, базирующаяся на мониторинге ситуации социально-политической напряженности, проведении периодических специальных исследований, анализе динамики развития конфликтных ситуаций в конкретных общественных сегментах.

В 2020 году методология послужила основанием формирования и реализации первого этапа междисциплинарного проекта в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по направлению «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» по государственному заданию на 2020-2022 гг. на тему «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов». В исследовании принимают участие конфликтологи, политологи и социологи Казанского федерального университета.

В рамках реализации полевого этапа исследовательского проекта в 2020 году было предусмотрено проведение экспертного интервьюирования сорока восьми (48) респондентов по шести (6) национальным республикам Поволжья и Приуралья. В число этих регионов вошли: Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Республика Мордовия, Удмуртская Республика. В качестве экспертов были отобраны представители государственной и муниципальной службы республик, академического и преподавательского сообществ, в том числе осуществляющие общественную деятельность в сфере поддержки и реализации языковой политики регионов.

Интервью полужформализованное с элементами семантического дифференциала, осуществляемое во всех регионах в дистанционном формате на платформах: Zoom, Viber, WhatsApp, Skype. Бланк с семантическими шкалами по согласию респондента заполняется рукой интервьюера со слов опрашиваемого. Отказов со стороны респондентов на ведение аудиозаписи интервью не поступало. В ряде случаев по ходу интервью участникам в силу технических причин пришлось изменять платформу коммуникации. В единичных случаях осуществлялся переход на телефонную связь.

С целью локализации опроса в едином временном континууме все эксперты были проинтервьюированы в течение месяца (14.10.2020-

05.11.2020), что исключило возможность различий во влиянии внешних социально-экономических и политических факторов на мнения респондентов. При отборе экспертов были сохранены пропорции представительства различных этносов в опросе. В случаях с дифференциацией коренных этносов на две и более группы (мари, мордва), опрашивались по возможности представители всех групп. Для опроса при выборке 48 человек был сформирован пул из 60 экспертов: по 10 для каждой республики на случай отказа эксперта от интервьюирования. Стоит отметить, что во всех случаях отказа в качестве экспертов выступали представители органов государственного (муниципального) управления.

Средняя продолжительность интервью составила 1 час 20 минут.

В целях равномерности поступления информации от экспертов разных регионов за определенный временной континуум интервьюирование проводилось параллельно по шести республикам в течение месяца. Это способствовало обеспечению корреляции информации, обусловленной единством социально-политической ситуации во всех обследуемых регионах РФ.

Общей особенностью в затруднениях с отбором респондентов по всем регионам стали сложности с согласием представителей государственных и муниципальных органов управления. Часто данное предварительное согласие координаторам исследования по регионам и интервьюеру по факту сходило на нет, вплоть до сбрасывания звонков и оставления без ответа писем исследовательской группы на электронную почту респондента. Справедливости ради стоит отметить и кардинально иную ситуацию: часть респондентов от органов государственного и муниципального управления делились имеющейся у них информацией, отсутствующей в свободном доступе.

В обследуемой выборке экспертов опрашивались как представители русского этноса, так и представители коренных народов республик. Пропорциональное соотношение составило порядка 30/70. Значимость наличия в выборке представителей численно значимых этносов от республик несомненна с точки зрения всесторонне содержательной оценки ситуации в такой специфичной сфере общественной жизни, как языковая сфера. Относительно этнической принадлежности экспертов полярной эмоциональности в оценках ситуации с языковой политикой у них не наблюдалось. Упоминание дифференциации этноса принадлежности на субэтносы (горные/луговые мари, мокша/эрзя у мордвы) осуществлялось экспертами сугубо в контексте проблематики опроса, вне этнической самоидентификации. Касаемо знания родного языка экспертами -

представителями коренных народов республик, только двое из них обозначили незнание такового. С точки зрения перспективности исследований билингов, а также эффективности обучения национальным языкам республик интерес представляет совокупность ответов экспертов на вопрос «*На каком языке вы думаете?*»: большинство экспертов высказали мнение о том, что думают на родном языке только в соответствующей языковой обстановке (среде).

Во взглядах на перспективность реализуемой в республиках политики двуязычия/многоязычия мнения экспертов разделились примерно поровну. По большинству перспективной ее видят представители органов государственного и муниципального управления, а также тех институций, которые непосредственно участвуют в процессах ее формирования и реализации в республиках. Менее позитивны в оценках представители академического сообщества, особенно специалисты-лингвисты. Именно в их интервью можно обнаружить конкретные конфликтные кейсы по языковой проблематике регионов. Два эксперта вне аудио записи интервью привели примеры из личной практики вмешательства в языковой сегмент представителей силовых структур. В частности, было указано на сопротивление региональных властей в формировании площадок для глубокого языкового погружения представителей языкового педагогического сообщества.

Отметим, что лишь небольшая совокупность экспертов, в основном исследователей-лингвистов и социологов, развели понятия одностороннего и двустороннего двуязычия. Большинство экспертов, отметивших наличие в своей республике двуязычия (многоязычия), по умолчанию имели в виду совокупность номинальных признаков: наличие двуязычных вывесок и наименований улиц, остановок общественного транспорта, государственных и муниципальных учреждений, использование государственных языков на паритетной основе в документообороте регионов, возможность граждан на обращение в государственные и муниципальные органы, в том числе и в суды, на любом государственном языке. Остальные признаки двустороннего двуязычия не упоминались. В ответе на вопрос «*Почему в республике не сложилось двуязычие?*» эксперты сходились во мнении именно в отношении двустороннего двуязычия – оно не сложилось отметили не более 15% опрошенных.

В совокупности наиболее упоминаемых из поднимаемых в республиках языковых вопросов представлены: проблема «умирания» языка (по определению ЮНЕСКО); проблема методического обеспечения процессов обучения языку и образования на языке;

проблема оттока молодого населения из ряда обследуемых республик (Марий Эл, Чувашия, Мордовия), не включающего в свои жизненные траектории аспектов, связанных с необходимостью изучения родного или государственного языка того региона, который они покидают; проблема заинтересованности в укреплении языка узко ограниченных профессиональных сообществ или общественных групп (отдельных лиц), мало поддерживаемых национальным общественным сегментом.

Вопрос о равноправии языков народов России вызвал затруднение в ответе ряда экспертов. Было отмечено, что термин «равноправие» либо мало понятен эксперту, либо может быть двояко интерпретирован. Ряд экспертов, которых оказалось большинство, отметили равноправие языков России де-юре и различия в объемах использования и востребованности де-факто. Кроме того, именно на этом вопросе проявился самый яркий конфликтogen, ставший идеологическим для ряда экспертов (порядка 25%). Цитата: «Если говорить об экспертном сообществе, прежде всего об ученых и политиках, нас, предположим, представителей не русских этнических групп, сильно возмутила эта поправка в конституции, которую мы так экстренно и очень быстро приняли. О языке, так называемого, государствообразующего народа. Мы все, обращаясь к нашим коллегам и друзьям, всегда говорили: «Если русский язык – язык государствообразующего народа, то мы тогда кто – инородцы что ли?». Такое внутриличностное состояние экспертов вряд ли можно назвать конструктивным в направлении партнерской языковой политики государства и гражданского общества. О статусности того или иного языка большинство экспертов высказалось однозначно. Цитата: «Не имеют одинакового статуса, русский язык доминирует, это все понимают прекрасно».

Основными недостатками в регулировании сферы языка властями республик экспертами называются: вертикализация федеральной власти и подчиненный характер местных властей в том числе в вопросах государственных языков республик; несостоятельность региональных властей в реализации всего объема полномочий, предоставленных республикам в сегменте языковой политики нормативно-правовой базой РФ и своей собственной (законы о языках и т.п.); слабость мероприятий для общественного сегмента, направленных на сохранение и укрепление роли языка в общественном сознании населения республик. Эксперты отмечают, что основное бремя ответственности за сохранение, использование и развитие национальных, в том числе государственных, языков республик несут региональные власти.

Основным недостатком в регулировании языковых процессов федеральной властью часть экспертов называет малый объем финансирования программ на сохранение и поддержку национальных языков регионов. Часть экспертов склоняется к тому, что существуют сложности в регулировании нормативно-правовой базы, которая частично ограничивает возможность республик реализовывать их языковые потребности. Небольшая часть экспертов отмечает отсутствие внимания со стороны федеральной власти в отношении государственных языков национальных республик. Более половины экспертов особых проблем в действиях федеральных властей относительно языковой проблематики регионов не усматривают.

В этом вопросе эксперты часто дают аналитическую оценку происходящего. Цитата: «Федеральная власть, во-первых, она не ставит вопросы развития национальной самобытности народов Российской Федерации, скорее наоборот, курс на то, чтобы они не варьировали эту национальную самобытность, как бы упростить национально-культурную мозаику Российской Федерации. Во-вторых, Российское федеральное правительство, оно вмешивается в национальную политику регионов Российской Федерации и это вмешательство, к сожалению, чаще всего носит негативный оттенок, нежели позитивный».

В результате у ряда экспертов присутствует мнение о том, что социальная напряженность в республиках, как реакция на проводимую федеральную политику, растет. Цитата: «Кто-то на кухне обсуждает, кто в трибуне. Меньше, конечно, с трибуны. В основном на кухне. Потому что все зажали, все зажали. В школах уже все, родного языка почти нет. Понимаете, когда за рубежом русский, в Латвии, например: «Латыши прижимают русский язык, не дают учиться на родном языке с 1 по 11 класс». Вот эти слова мы тоже можем говорить, понимаете. Не двойные, а тройные стандарты у нас в стране».

В продолжение этому обозначен риск активизации процессов из латентных (кухонных) в оппозиционные (революционные). Цитата: «Это если понимаете, там лидер нужен. Фактически несколько лидеров они могут все на площади выступать, как в Киргизии, в Белоруссии, и так далее». Политические события в Беларуси, связанные с легитимностью Президента страны, стали для ряда экспертов точкой отсылки по возможным вариантам реакции в РФ на этноязыковую проблематику. В каждом конкретном случае (а таковых очень немного) посыл выглядит как «Можно ведь и как в Беларуси...».

По мнению большинства экспертов, в республиках доминирует общероссийская гражданская идентичность: она набирает 50-80% в

сравнении с этнической и региональной (по совокупности). Цитата: «Ну, прежде всего гордость за Россию. Я исхожу в этом смысле из формулы, которую в свое время ввели, в выдающемся стихотворении разработал мой земляк, татарин по происхождению, великий башкирский поэт, Мустай Карим. «Не русский я, но россиянин, чести нет выше, я – страны великой сын». Второй по распространенности среди экспертов ответ – совмещенная российско-региональная идентичность (в равных степенях) у порядка 70% населения. Представляются и результаты собственных экспертных исследований. Цитата: «Я вам скажу, среди взрослого населения у нас как-то проводилось исследование. Достаточно большая часть – «Мы остались гражданами Советского Союза»».

В совокупности фактических характеристик понятия «гражданин России» доминируют характеристики российского и этнического менталитета, а также культурные характеристики и характеристики наследия страны. Очень редко упоминается знание русского языка, еще реже – родного (этнического) языка. Реже, чем язык, употребляется только слово «патриотизм».

В качестве случаев проявления языковой дискриминации называются сугубо кейсы бытовой, по большей части, этнической дискриминации, например в транспорте. Большинство экспертов в настоящее время не видят в поле своей объективной реальности таковых случаев. Цитаты: «С девочками, когда разговаривала, они говорили, что начинаешь по-марийски в магазине, спрашиваешь, а тебе отвечают по-русски. Это не дискриминация, но, по крайней мере, вот такое негативное отношение к таким вещам»; «Это бытовой национализм везде, я на это не обращаю внимания (все-таки присутствует) конечно. Особенно со стороны русскоязычного населения».

В вопросе о степени влияния национальности на карьеру/работу у человека в регионе мнение большинства экспертов колеблется от 0 - «абсолютно не влияет» до среднего экстремума шкалы «-5» - «препятствует карьерному росту». Самый распространенный ответ - «-2». Респонденты помечают, что цифра обусловлена спецификой сферы деятельности (образование, культура, очень редко – госслужба). Только несколько экспертов разнесли свои ответы по всей шкале, до экстремума «-10» - «ущемляются гражданские права», с пометкой о том, что такая ситуация была скорее характерна для региона десятилетней давности. Цитата: «Не то, чтобы ущемление русского языка, но, во всяком случае, чувство небольшого превосходства все равно заметно со стороны чувашского населения».

Аналогичная ситуация в ответах экспертов наблюдается в вопросе о влиянии на работу/карьеру жителей регионов незнания национального (государственного) языка. Экстремумы семантической шкалы здесь аналогичны вопросу о национальной принадлежности. Специфично восприятие респондентами второй части этого вопроса - о влиянии незнания русского языка: практически половина экспертов достаточно критично отнеслась к этой части вопроса, отмечая, что «такого в России быть не может».

Вместе с тем, именно этот вопрос, по нашему мнению, способен наглядно проиллюстрировать доминирующую роль русского языка в национальных республиках: в отсутствии знания русского языка может ли человек в России в принципе устроиться на работу (получить доступ к средствам существования)? Какие профессии ему в этом случае доступны? Доступен ли карьерный рост? Справедливо ли отрицание наличия групп людей, не владеющих государственным языком Российской Федерации, в стране за исключением может быть районов крайнего севера? Или всё же таковые имеются и в обследуемых республиках, но эксперты в силу определенных причин не упоминают об этом? Не потому ли, что на этом фоне будет виден очень большой разбег во влиянии незнания русского языка на жизнь человека в РФ и незнания родного (или государственного языка республики)? Со всеми вытекающими отсюда последствиями в формировании политики двуязычия.

Вопрос об отношении к объемам изучения родного языка в республиках выявил специфику регионального разброса в выделяемых часах – от двух до пяти в разных республиках. В оценке ситуации эксперты разделились практически пополам: первая группа сетовала на слишком небольшое количество часов, в объеме которых изучается родной язык; вторая группа ставила акценты не на количестве часов, а на том, что даже за такое небольшое количество часов возможно изучить родной язык, но требуется содержательный компонент образовательных программ, дифференцированный под все уровни владения языком, и адаптированные методики под эти же критерии. Цитаты: «Это ненормально. За два часа ты не можешь выучить ни язык, ни литературу. Это ничего»; «Два часа не так мало, но нужно преподавать качественно, но с этим у нас проблемы».

Среди мер, предлагаемых экспертами для укрепления и расширения роли государственных языков, можно выделить несколько групп: необходимость внесения изменений в федеральное и региональное «языковое» законодательство, урегулирование вопроса по финансированию региональной части исполнения федеральных

программ по развитию родных языков, кардинальный пересмотр ситуации со СМИ на национальных языках.

Порядка трети экспертов затруднились с ответом на вопрос по мерам, предпринимаемым «федеральным центром» в направлении «содействия развитию государственных языков республик», предусмотренных Федеральным законом «О языках народов Российской Федерации». Большинство в качестве доминирующей проблемы выделило проблему недостаточности финансирования мероприятий в этом направлении в их республике.

Большинство экспертов определяют сравнительно небольшой уровень интереса коренного (этнического) населения республик к сохранению, изучению и развитию родного языка. Как правило, в качестве примеров приводятся профессиональные группы или отдельные общественные активисты. Реже упоминается участие населения в языковых мероприятиях, например, в языковых или этнических диктантах или культурных этно-мероприятиях.

Только четыре эксперта из сорока восьми выделили в качестве активной в этом направлении молодежную группу. Эксперты от трех регионов (Марий Эл, Мордовия, Чувашия), наоборот, сходятся во мнении, что основной причиной отсутствия интереса у молодежи к родному (национальному) языку является направленность жизненных траекторий из родной республики. Эта молодежь не видит перспектив для изучения родного языка. Цитата: «У детей нет мотивации изучать родной язык. Надо, значит, думать над этой мотивацией. И это не только какие-то конкурсы, но это, если не дай Бог, ЕГЭ сохранится, то давайте и ЕГЭ по национальным языкам. И не просто по национальным языкам, а чтобы это ЕГЭ как-то учитывалось при поступлении. Чтобы это был как минимум бонус».

Оптимальным эксперты редко определяют современное распределение полномочий в сфере языковой политики между федеральными и региональными органами государственного управления: и те, которые склоняются к перевесу таковых в сторону федеральной власти, и те, которые утверждают о достаточности полномочий у республиканских властей. Разница заключается в том, что вторая группа, представителей которой порядка двух третей, утверждает, что регионалы не справляются и с тем объемом полномочий, который имеют в настоящее время.

В качестве причин называются как недостаток федерального финансирования языковых программ и мероприятий, так и несовершенство собственно управления и реализации языковой политики республик. Точно также дифференцировались рекомендации

экспертов в отношении оптимизации означенных полномочий: первая группа склонялась к пересмотру федеральной и региональной нормативно-правовой базы в сторону усиления объема региональных полномочий, а вторая – в сторону освоения всех уже имеющихся региональными властями, их рациональным перераспределением внутри региональных органов государственного и муниципального управления и эффективной реализации.

Порядка половины экспертов отрицают возникновение в республике конфликтных ситуаций, связанных с языком или языковой политикой. Практически все эксперты дают отсылку к периоду формирования региональной независимости (1990-е годы), именно его считая самым напряженным в этом направлении. Менее четверти опрошенных в качестве конфликтной ситуации упоминают выступление В.В. Путина в Йошкар-Оле в 2017 году и его последствия.

Случай самосожжения А. Разина в Удмуртии, широко озвученный медиа и представленный именно как конфликт по поводу региональной языковой проблемы, экспертами из самой Республики Удмуртия и других обследуемых регионов был упомянут только трижды. Контекст упоминания и оценки един для всех трех экспертов – психические отклонения фигуранта кейса, сожаления о такой печальной кончине, отрицание языкового вопроса как основной причины инцидента. Во всех республиках эксперты особо выделяют острую проблему внесения учебников по национальным языкам в федеральный перечень Министерства просвещения: дорого, отсутствуют эксперты в Минпросвете РФ по нужным направлениям, процесс очень затяжной.

Колебания в оценке остроты языкового вопроса по республикам не выходит за рамки интервала «0» - «+5», где экстремумы «0» - «текущее обсуждение языковой проблемы», а «+10» - «вызывает протестные всплески». Интересен момент, что в каждой республике определилось по одному эксперту, который оценил проблему языка по остроте на «-5»-«-10», где «-10» - экстремум «население равнодушно». Эксперты сошлись во мнении, что вопрос остро стоит только для узко специализированных кругов – научных или общественников. Исходя из этого, эксперты называли цифры не более чем в 15-20% населения, ощущающего остроту языкового вопроса. Очень редко эксперт называл цифру в 70-80%. В этих случаях эксперт имел специфический бэкграунд, обычно определяемый его профессиональным сообществом, как националистический.

Еще ниже, по мнению экспертов, в республиках процент готовых отстаивать свои языковые интересы массовыми акциями – 10-15%. Это

вне зависимости от характера акций – и культурно-массовые, и протестные. Практически все эксперты едины во мнении, что на протестные акции возможны лишь единичные выходы. Как правило, объяснение этому – «подданнический менталитет» населения республик. Цитата: «Где-то языковой вопрос может спровоцировать, где-то, наоборот, социальная ситуация может провоцировать языковой вопрос. Здесь мы прекрасно знаем, что при каких-то сложных экономических условиях национальный вопрос очень быстро поднимается, очень быстро используется этническими предпринимателями и всеми, кто заинтересован в раскачивании ситуации. Но в тоже время скажу: неудовлетворенные языковые, национальные, культурные чувства могут как раз приводить к каким-то потрясениям, к социальным протестам».

В оценке уровня готовности региональных властей учитывать общественное мнение по языковому вопросу эксперты очень редко выходят в поле экстремума «-10» - «сопротивляются» и «0» - «не реагируют». Самый частый ответ – «+5»-«+7» в поле экстремума «+10» - «открыты к диалогу».

Чуть более половины экспертов считают, что языковой вопрос чаще является реакцией на социальную (экономическую) напряженность в обществе, нежели вызывает ее. Менее трети респондентов утвердительно ответили на вопрос и привели примеры использования языкового вопроса для привлечения внимания к социально-политической ситуации в республике. Ряд экспертов опять давали отсылку к периоду становления регионального суверенитета. Цитата: «Я думаю, что после Йошкар-Олы градус, конечно, снизился все-таки. Тогда, после Йошкар-Олы, достаточно высокая доля людей как бы обсуждала вот эту инициативу президента, но градус потихонечку спал. И мне кажется, что сейчас ситуация темы с ковидом надолго откатит языковой вопрос, да и многие другие вопросы сейчас откатятся на последний план. Поэтому я думаю, что сейчас и в перспективе это очень маленький процент».

Среди внешних (федеральных) социально-политических обстоятельств, оказавших влияние на экспертные оценки, можно назвать погрешность на ситуацию, сложившуюся в результате «ковидной самоизоляции», которую давали только эксперты от Республики Татарстан. В объяснении этому можно согласиться с одним из экспертов от Марий Эл, который отметил, что города-миллионники находятся в более неблагоприятной эпидемиологической ситуации, нежели малые города России, даже провинциально-

столичные. Отсюда и возникает корреляция в сознании экспертов не провинциальных городов (городов-миллионников).

Таким образом, по результатам данного этапа сбора и анализа эмпирической информации, можно констатировать, что в обследуемых национальных республиках РФ сложилась языковая ситуация сегментарной социальной напряженности с расплывчатыми контурами конфликтных кейсов. Дифференциация мнений экспертов четко прослеживается по двум критериям:

1. Специфике второго государственного языка/языков (помимо русского): оценка жизнеспособности ЮНЕСКО, филологических особенностей в применении и изучении, разделения на наречия или языки субэтносов.

2. Эффективности и полноты использования региональными властями своих полномочий в сфере языковой политики.

Достаточно часто упоминаемая экспертами финансовая обеспеченность реализации языковой политики в Татарстане или Башкортостане не воспринимается ими и не называется в качестве фактора эффективности или успешности этой реализации.

Наиболее упоминаемыми в кругу языковых проблем являются: проблема качества образования на языке и обучения языку, методическое обеспечение этих процессов, в том числе внесение учебников по национальным языкам в федеральный перечень рекомендованных Министерством просвещения РФ, проблема сокращения СМИ на национальных языках, отсутствие заинтересованности молодого поколения в изучении родного языка (кроме русского) в связи с иммиграционными настроениями и жизненными траекториями. Реже всего упоминается проблема недостатка финансирования на реализацию языковой политики в республиках.

Среди внешних (федеральных) социально-политических обстоятельств, оказавших влияние на экспертные оценки, можно назвать погрешность на ситуацию, сложившуюся в результате «ковидной самоизоляции», которую давали только эксперты от Республики Татарстан. В объяснении этому можно согласиться с одним из экспертов от Марий Эл, который отметил, что города-миллионники находятся в более неблагоприятной эпидемиологической ситуации, нежели малые города России, даже провинциально-столичные. Отсюда и возникает корреляция в сознании экспертов не провинциальных городов (городов-миллионников).

Выявлен и внутрирегиональный фактор определенной успешности реализации языковой политики. Достаточно часто

упоминаемая экспертами финансовая обеспеченность реализации языковой политики в Татарстане или Башкортостане не воспринимается ими и не называется в качестве фактора эффективности или успешности этой реализации.

Однако, по мнению экспертов, имеются показатели (доказательства) этой относительной успешности: «В Татарстане очень важен еще один факт: мы анализировали статистику, мы анализировали материалы наших исследований, все это очень хорошо показывает, что, если в других регионах может наблюдаться все-таки снижение уровня владения татарским языком, то в Татарстане это владение оно не падало, оно, может быть, не очень сильно росло на небольшие проценты, но, тем не менее, владение не упало, а среди русских даже подрастало».

Наиболее упоминаемыми в круге языковых проблем являются: проблема качества образования на языке и обучения языку, методическое обеспечение этих процессов, в том числе внесение учебников по национальным языкам в федеральный перечень рекомендованных Министерством просвещения РФ, проблема сокращения СМИ на национальных языках, отсутствие заинтересованности молодого поколения в изучении родного языка (кроме русского) в связи с иммиграционными настроениями и жизненными траекториями. Реже всего упоминается проблема недостатка финансирования на реализацию языковой политики в республиках.

Практически каждый эксперт упомянул ситуацию 2017 года в Йошкар-Оле в контексте причисления ее к точке бифуркации в языковом вопросе. Именно выступление В. Путина на заседании Совбеза можно считать фактором конфликтности для развития конфликтных ситуаций в национальных республиках Поволжья и Приуралья. В регулировании этих ситуаций использовались региональные технологии по снижению внутрирегиональной социальной напряженности и выстраиванию переговорного процесса с федеральным центром, закончившимся рядом уступок региональных властей в нормативно-правовом поле.

По вопросу о равноправии языков большинство экспертов сходятся во мнении, что де-юре языки народов России равноправны, а де-факто – нет. В блок дискурсного обсуждения здесь входят вопросы правомерности конституционных поправок 2020 года, соответствия конституционным нормам новейшего федерального законодательства в сфере федерализма, национальной политики и национальных языков.

Поднимается вопрос о собственно существовании на территории РФ федерализма.

Все эксперты отмечают наличие проблем в языковой политике по вине региональных властей. В большинстве регионов эксперты отмечают, что местные власти пустили языковой вопрос на самотек, поскольку федеральные власти не финансируют эту сферу, не реализуют поставленные задачи, а собственных ресурсов нет. Региональные эксперты как один ссылаются на успешный опыт Татарстана. Интересно, что в этом контексте во всех республиках сложилось положительное отношение к местным властям и фиксируется однозначно их открытость.

В результате проблема спущена на муниципальный и даже школьный уровень. Остро стоит вопрос о преподавании родных языков в школах. Причем для всех проблема – изучение родного языка. В числе плохо решаемых вопросов: ставки для учителей по русскому и национальным языкам, качество подготовки этих учителей, почасовое распределение времени на изучение языков, исходя из требований ФГОСов и реальных региональных запросов.

Помимо политической подоплеки, языковая проблематика имеет сугубо гражданскую, в частности, повсеместно по всем обследуемым республикам вычленены проблемы с применением национальных языков. Применение ограничено либо локально (сельская местность), либо бытовыми рамками (используется только дома в общении с родственниками).

В качестве причин называются социально-экономические. Языковая проблема остается в тени из-за более серьезных экономических проблем населения: безработица, низкий уровень заработных плат и, как следствие – жизни в регионах (за редким исключением, например Республика Татарстан).

Как следствие: вовлеченность населения республик в языковую проблему довольно низкая из-за отсутствия перспектив (роль в жизненных траекториях молодежи) и ненужности (например, в силу возраста носителей языка и малой применимости его в городской среде); неготовность населения отстаивать свои языковые (национальные) интересы посредством массовых и иных политических акций. На этом фоне достаточно высокий уровень вовлеченности населения в национальные (в том числе языковые) массовые развлекательные мероприятия.

ГЛАВА X ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ЧУВАШИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Бойко И.И.

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары

Долгова А.П.

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары

Харитонова В.Г.

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары

Аннотация. В настоящей главе рассмотрены достижения и проблемы языковой политики в Чувашии с начала 1990-х гг. по настоящее время. Используются результаты социологических опросов населения по проблемам этнокультурного развития. Выявлено, что родной язык является для чувашей более значимым этническим маркером, чем для русских респондентов; чувашаи также в большей степени озабочены проблемами сохранения своих этнокультурных особенностей. Рассмотрены особенности использования языков русскими, чувашами и лицами со сложной этнической идентичностью. Показано отношение участников обследования к работе властных структур по сохранению и развитию родных языков. Обращено внимание на важность координации действий органов государственного и муниципального управления, общественных институтов, семьи в сфере сохранения и изучения родных языков.

Ключевые слова: языковая политика, родные языки, социологические опросы, этническое самосознание, культурная сложность, общественные институты

В конце 1980-х – начале 1990-х годов во многих республиках России проблемы родных языков стали одними из центральных в ходе дискуссий о природе и перспективах отечественного федерализма, о возможностях более полного обеспечения этнокультурных потребностей народов страны. В Чувашии обсуждение этих вопросов было весьма активным и привело к принятию в октябре 1990 г. Закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике». Оценки его статей достаточно противоречивы, в 2003 г. в ходе приведения

местных законодательств в соответствии с общероссийским некоторые из положений были исключены и переформулированы¹. Одним из достижений не только данного закона, но и общей перемены политической и этнокультурной атмосферы в стране стало выведение чувашского языка из своеобразной тени в городской жизни. Он стал обыденным в массовом общении чувашеязычного населения республики, в том числе и среди молодежи, которая, не стесняясь, говорит на нем в общественном транспорте, в магазинах, на улицах и т.д. Заметно расширилась подготовка специалистов чувашского языка в вузах и учреждениях среднего профессионального образования. Увеличилось количество издаваемых газет и журналов, теле- и радиопередач на чувашском языке. Однако к концу второго десятилетия XXI в. подготовка специалистов заметно свернулась, сократились количество СМИ и тиражи сохранившихся.

В течение 15–20 лет после принятия закона о языках было введено обязательное изучение чувашского языка во всех школах республики. Однако значительная часть русскоязычного населения городов и двух районов республики (Алатырском и Порецком), в которых оно составляет абсолютное большинство, выражала, в связи с этим недовольство. Достаточно остро разгорались споры по данному поводу в социальных сетях, и аргументы его сторонников и противников быстро приобретали характер личных негативных высказываний. Отметим также, что в местах компактного проживания татар языком обучения в начальной школе является татарский язык, который также преподается как предмет и в старших классах. Мордовский язык изучается в нескольких школах как предмет. Татарский и мордовский язык составляют незначительную часть в языковой картине региона (в Чувашии по результатам последней переписи, состоявшейся в 2010 г., чуваша составляли 67,7%, русские – 26,7%, татары – 2,8%, мордва – 1,4%), и в настоящем тексте мы не будем анализировать этот сюжет.

В целом можно заключить, что к началу XXI столетия в школьном образовании Чувашии установилась достаточно устойчивая система преподавания на чувашском языке (в 1–4 классах большинства сельских школ) и его изучения в качестве предмета (практически на всей территории республики). По мнению свыше 240 экспертов в сфере образования (администрация школ, учителя, преподаватели

---

¹ Бойко И.И., Долгова А.П., Харитоновна В.Г. Реализация языковой политики в школьном образовании Чувашской Республики (конец 1980-х – 2019 гг.) // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 58–59.

вузов, научные работники, представители государственного и муниципального управления, в том числе в сфере образования, активисты этнокультурных объединений и др.), опрошенных в 2013 и 2015 гг., с точки зрения организации обучения на родных языках и их изучения в школах республики значительных препятствий не было. Достаточно высоко оценивали эксперты уровень осведомленности администраций школ о потребностях жителей республики в образовании детей – с такой точкой зрения были солидарны 60–70% экспертного сообщества. О слабом уровне знаний директоров школ и их заместителей в этой сфере высказывался каждый шестой эксперт как в 2013, так и в 2015 г. Примечательно, что наиболее высокий критический уровень демонстрировали учителя чувашского языка, научные сотрудники гуманитарного направления, активисты этнокультурных обществ: среди них уровень негативных оценок достиг 45%. Наверное, это закономерно, поскольку данная группа экспертного сообщества имела и имеет непосредственное отношение к сохранению и развитию чувашского языка.

Отдельные эксперты, чаще всего представлявшие 2 района республики с преобладанием русскоязычного населения, считали, что в их местности нет потребности в изучении чувашского языка. Они фиксировали и имевшееся внутреннее напряжение, выражавшееся в отрицании некоторыми родителями необходимости обязательного изучения чувашского языка.

В 2016 г. в республике, по отчетам регионального Минобразования, из 444 общеобразовательных учреждений в 227 школах обучение в начальных классах шло на чувашском языке, в 16 – на татарском, в остальных 198 – на русском языке; чувашский язык как предмет изучался в 1–9 классах практически во всех школах. Но при этом и на рубеже веков, и впоследствии численность признававших родным языком чувашский неуклонно падала, исследователи отмечают низкий уровень межпоколенной языковой преемственности¹.

После законодательного закрепления принципа добровольности в изучении родных языков народов России, доля школьников, изучающих чувашский язык, сократилась². Если до 2017 г. чувашский

---

¹ Алос-и-Фонт Э. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 45-46, 121-123; Долгова А.П. Об изменениях ситуации с родными языками в школах Чувашии: взгляд из региона // Родной язык: лингвистический журнал. 2020. № 1. С. 28–29.

² Исаев Ю.Н. Обеспечение условий для изучения и использования языков народов Российской Федерации // Роль государства и институтов гражданского общества в сохранении родных языков и литератур: материалы Международной научно-

язык изучали практически все учащиеся школ, то в 2018/19 учебном году его в качестве родного для своих детей выбрали 54,9 % родителей (в 2019/20 – 55,8 %), а родной русский – 43,6 % (в 2019/20 – 42,1 %)¹.

Свидетельством непростого отношения к проблеме изучения и использования родных языков являются материалы регулярно проводимых в Чувашии социологических опросов. С 2009 г. Чувашский государственный институт гуманитарных наук проводит ежегодный опрос населения республики по проблемам этнокультурного развития и межнациональных отношений. Кроме того, регулярно опрашиваются учащиеся и студенты, которые высказываются в числе других и по вопросам изучения и использования языков. Но предварительно приведем пример неквалифицированного подхода в освещении языковой ситуации в СМИ, что способствует обостренному восприятию описываемых проблем. Речь идет о неординарной ситуации, сложившейся в начале 2020 г. после отрешения от должности ее главы М.В. Игнатьева. Эта новость заняла определенную нишу в информационном пространстве, в том числе и на центральных телеканалах. Корреспондент НТВ попытался взять интервью у жительницы родной деревни бывшего руководителя республики, но та уклонилась от вопроса, сказав на чувашском языке, мол, не понимает его. Молодой человек, в свою очередь, обращаясь к зрителям, спрашивает: «Как же получается, что мы живем в одной стране, а говорим на разных языках?». Комментировать в данном случае можно только непонимание человека, работающего на одном из центральных телеканалов страны, что наши сограждане имеют право разговаривать не только на русском языке. Кроме того, с большой долей вероятности можно предположить, что женщина, живущая в пригороде Чебоксар, понимает русский язык и говорит на нем, но неожиданное предложение высказаться по «политическому» вопросу вызвало у нее вполне понятное желание «закрыться» таким способом от незнакомого человека с микрофоном. В комментариях на ресурсе «Яндекс.Дзен», где был помещен сюжет, буквально началась перепалка по данной ситуации, переросшая в дискуссию о системе

практической конференции (Чебоксары, 22–23 октября) / сост. А.С. Егорова. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 211.

¹ Ядранская И.В. Ресурсное обеспечение преподавания родного (чувашского языка) и родной (чувашской) литературы // Роль государства и институтов гражданского общества в сохранении родных языков и литератур: материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 22–23 октября) / сост. А.С. Егорова. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 224.

образования, месте в нем родных языков, и речь шла уже не только о конкретной республике, подключившиеся к спору приводили не совсем корректные примеры, передергивания и т.д.¹ Подобные примеры некавалифицированного освещения языковых проблем в республиках встречаются, хотя и нечасто. Словом, ситуация с родными языками, прежде всего с преподаванием их, остается если не конфликтогенной, то по крайней мере далекой от спокойной. Причиной же такого положения зачастую является недостаточность объективной информации в обществе². Что касается Чувашии, обеспокоенность, прежде всего, части местной интеллигенции, проблемами сохранения и развития родного языка действительно не лишена серьезных оснований.

Обратимся далее к материалам опросов. Напомним, что в республике свыше 90% населения представляют два этноса: чувашаи (две трети населения) и русские (немногом свыше четверти). При проведении обследований в выборку попадает незначительное число татар, мордвы, марийцев, украинцев, других народов, но их доля слишком мала для фиксации их этнокультурных особенностей, поэтому ниже мы будем использовать данные по чувашам и русским. Кроме того, достаточно устойчивая часть респондентов, определяя свою этническую принадлежность, не ограничивается одной национальностью, чаще всего считая себя русскими и чувашами (чувашами и русскими). При опросе всего населения республики лиц с такой сложной этнокультурной идентичностью насчитывается около 5–8%, среди молодежи этот показатель достигает 25–30%. Более выражена такая тенденция по отношению к родному языку: остановились на выборе в пользу не одного, а двух (в редких случаях трех) родных языков в составе всего населения около 12–15%, среди молодежи – до 40%.

Остановимся на элементах повседневной социальной категоризации, служащих основой для определения и поддержки этнической идентичности. По данным опросов населения республики в 2017–2020 гг. (объем выборки составлял чуть более 600 чел. в возрасте от 18 лет) на первом месте среди таких факторов находится

---

¹ Проблемы русского языка в национальных республиках // Яндекс.Дзен (05.02.2020). URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d6293e435ca3100ad26b6bc/problema-russkogoiazyka-v-nacionalnyh-respublikah-5e3956b1071f436fc905af90> (дата обращения: 31.05.2021).

² Долгова А.П. Об изменениях ситуации с родными языками в школах Чувашии: взгляд из региона // Родной язык: лингвистический журнал. 2020. № 1. С. 29–41.

национальный (родной)¹ язык (частота выбора от 59 до 64%). Далее следуют: общая земля, территория (45–56%), национальные обычаи, привычки, обряды (31–32%). Значимым был выбор исторической судьбы, прошлого (29–36%). Эти данные находятся в русле общероссийской тенденции, в то же время между русскими и представителями других этнических групп имеются некоторые отличия².

Обратимся для сравнения к данным опроса 2020 г. и отметим, что значение родного языка как фактора сближения с людьми своей национальности для чувашей заметно важнее (67%), чем для русских (47%). Более заметными в этой связи для чувашей являются такие культурные характеристики, как национальные обычаи, привычки, обряды (38%), в то время как среди русских этот вариант предпочитают только 18% опрошенных. Для последних более значимым в данной категоризации был фактор общей земли, территории (58% и 47% у чувашей), исторической судьбы, прошлого (40 и 30% у чувашей). В этническом самосознании чувашей преобладают признаки культурного единства, язык, для русских более характерно восприятие «своей этнокультурной общности в общероссийских, статусных, национально-гражданских масштабах»³. При этом следует подчеркнуть, что для многих респондентов-чувашей признаки общей земли, территории, а также исторической судьбы, прошлого имеют как этническое, так и общероссийское содержание.

Вполне объяснимы и разные уровни озабоченности чувашей и русских воспринимаемой опасностью для своей национальной самобытности (см. табл.1).

---

¹ Следует иметь в виду, что понятия «родной язык» и «национальный язык», по мнению части респондентов, является синонимами, иногда высказываются иные мнения в пользу коммуникационных и др. его качеств, но в данном опросе они использовались в первом варианте.

² Рыжова С.В. Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А.Тишкова, В.В.Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 110–135.

³ Рыжова С.В. Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А.Тишкова, В.В.Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 130.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Существует ли в Чувашии опасность для представителей Вашей национальности утратить национальную самобытность (язык, культура)?» (%)

Варианты ответов	2018		2019		2020	
	чуваши	русские	чуваши	русские	чуваши	русские
Существует реальная опасность	19,4	4,4	19,0	5,9	19,7	6,4
Опасность существует, но не стоит ее преувеличивать	34,0	11,8	32,3	8,1	34,2	12,0
Никакой опасности нет	19,9	58,8	25,6	56,6	21,8	50,4
Никогда не задумывался об этом	26,6	25,0	23,2	29,4	24,3	31,2

Для чувашей основой этнического самосознания является язык, и ситуация с ним достаточно сложная, что, на наш взгляд, вынуждает около пятой части чувашей заявлять о реальной опасности для национальной самобытности. Для русских проблема языка не служит причиной для беспокойства, что, впрочем, характерно и для других факторов их этнического самоопределения. В целом, в составе чувашей тот или иной уровень обеспокоенности перспективами утраты черт национальной самобытности выражают 51–54%, среди русских – 14–18%.

Далее – о выборе родных языков в зависимости от этнической идентичности респондентов и о практике использования языков в различных жизненных ситуациях (табл. 2). Отметим, что в 2020 г. среди 625 опрошенных 6% отметили, что они одновременно являются русскими и чувашами, их выбор родных языков имеет отчетливо выраженные особенности с точки зрения частоты определенных предпочтений. Более подробно о сложных этнических и языковых идентичностях в Чувашии изложено в нашей статье¹.

¹ Бойко И.И., Долгова А.П., Харитоновна В.Г. О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 104–120.

Таблица 2

Родные языки респондентов в зависимости от их этнической принадлежности, 2020 (%)

	Родные языки			
	русский	чувашский	русский и чувашский	другие
Русские	94,4	4,0	0,8	0,8
Чуваши	8,3	68,5	22,8	0,4
Русские + чувашы	15,6	6,2	75,0	3,2

Опросы населения, этнографические наблюдения, реальный опыт использования языков в различных жизненных ситуациях свидетельствуют, что чувашский язык остается средством коммуникации в основном в семейно-бытовой сфере (табл. 3). Показатели уровня его использования заметно ниже данных о доле чувашей, определивших в качестве родного чувашский язык (их более двух третей). Кроме этого, такое сравнение, пусть косвенным образом, еще раз свидетельствуют, что выбор родного языка не всегда опирается на его реальное знание и использование. Конечно, следует иметь в виду окружение, особенно в городах, в котором доля чувашей хотя и преобладает, но не столь значительно.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«На каком языке Вы обычно говорите?» в зависимости от
национальности опрошенных (2020, %)**

	Используемые языки			
	русский	чувашский	русский и чувашский	другие
Дома				
Чуваши	23,2	36,7	39,8	0,3
Русские	96,8	1,6	2,6	-
Русские+чуваши	32,3	16,1	48,4	3,2
На работе				
Чуваши	37,5	17,6	44,1	0,8
Русские	96,3	0,9	2,8	-
Русские+чуваши	60,2	-	30,8	-
В учебном заведении				
Чуваши	66,7	4,8	28,6	-
Русские	100	-	-	-
Русские+чуваши	94,1	-	5,9	-
На улице, в магазине				
Чуваши	36,6	15,1	48,3	-
Русские	96,8	-	3,2	-
Русские+чуваши	56,2	-	43,8	-

Семеро из десяти респондентов считают, что властные структуры должны принимать меры по сохранению и развитию родных языков (табл. 4). Отрицающих необходимость действий властей в этом направлении немного, кроме того, пятая часть опрошенных не знает определенного ответа на данный вопрос. Иначе говоря, общественное мнение в целом настроено весьма положительно на подобные решения управленческих структур. Ожидаемо, что в значительной мере это присуще чувашам, среди которых за активную позицию властей высказались более трех четвертей респондентов. Несколько большей оказалась доля поддерживающих подобные действия со стороны государственных органов власти в составе лиц со сложной этнической идентичностью. Предсказуемой оказалась реакция русских – в их составе не возражают против проективных действий властей в этом направлении немногим более половины (55,2%). Если вести речь о тех, кто не видит необходимости в мерах по поддержке родных языков со стороны властей республики, то их доля больше среди русских – так настроен примерно каждый шестой-седьмой респондент из них.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, должны ли государственные органы власти Чувашии принимать меры (организационные, финансовые, разъяснительные и др.) по сохранению, изучению и развитию родных языков в республике?», 2020 (%)

Варианты ответов	Всего	Чуваши	Русские	Русские + чуваша
Безусловно, да	37,9	46,9	16,8	34,4
Скорее, да	33,2	29,3	38,4	43,8
Скорее, нет	7,4	5,8	13,6	6,2
Безусловно, нет	0,8	0,6	1,6	-
Затрудняюсь ответить	20,6	17,6	28,8	15,6
Другое	0,2	-	0,8	-

Материалы ряда исследований, высказывания учителей чувашского языка, дискуссии в сетевом сообществе достаточно регулярно отражают стремление к решению проблем родных языков с помощью административного ресурса, прослеживается открытое желание части населения вернуться к обязательному изучению родных языков на основе уже имевшегося опыта. В то же время, судя по результатам наших опросов, существует реальное противоречие между

проективными запросами по поддержке родного языка со стороны государства и существующей языковой практикой, которое зафиксированы в показателях таблиц 3 и 4. Только признание своей приверженности родному языку автоматически не расширяет возможности его использования и развития.

Необходимо отметить, что со стороны государственных органов предпринимаются определенные меры по поддержке родных языков, разрабатываются программы, в которых проектируются меры поддержки преподавания чувашского языка в общеобразовательной школе, книгоиздания на чувашском языке и ряд других. Но, как отмечается в исследованиях, запланированные мероприятия не поддерживаются достаточным финансированием и имеют шанс по многим направлениям остаться нереализованными¹. Использование возможностей семьи в сохранении родных языков в программных документах места не находят. Да и в целом в общественном пространстве практически не рассматривается роль семьи, ее возможности в поддержании и развитии языковых традиций. Недостаточно внимания уделяется возможностям гражданского общества, в частности, различных этнокультурных объединений и неформальных сообществ.

На наш взгляд, без объединения усилий всех потенциальных акторов, имеющих непосредственное отношение к сохранению родных языков, задачи языковой политики не могут быть решены. Особое внимание требуется обратить на стимулирование (моральное и материальное) конструктивных общественных объединений и отдельных активистов. В республике недостаточно развита грантовая система подобной поддержки.

---

¹ Долгова А.П. Чувашский язык в условиях изменяющегося мира: проблемы сохранения и развития // Халăх шкулĕ = Народная школа. 2020. № 6. С. 39–40.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Callahan R.M., Gándara P.C. (ed.). The bilingual advantage: Language, literacy and the US labor market. *Multilingual Matters*, 2014. Т. 99.
2. Eastman C.M., Reese T.C. Associated language: How language and ethnic identity are related // *General Linguistics*. 1981. Т. 21. № 2. С. 109.
3. Edwards J. (ed.). *Linguistic Minorities, Policies and Pluralism: Applied Language Studies*. Academic Press, 2014.
4. Fishman J.A., García O. (ed.). *Handbook of language and ethnic identity*. Oxford University Press, USA, 2010.
5. Gans H.J. Another look at symbolic ethnicity // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Т. 40. № 9. P. 1410-1417.
6. Gazzola M., Wickström B.A. (ed.). *The economics of language policy*. MIT Press, 2016.
7. Giles H., Bourhis R.Y., Taylor D.M. Towards a theory of language in ethnic group relations // *Language, ethnicity and intergroup relations*. 1977. Т. 307348.
8. Grin F., Vaillancourt F. *The Economics of Language Policy: An Introduction to Evaluation Work // Research Methods in Language Policy and Planning: A Practical Guide*. 2015. Т. 4. С. 118.
9. Gudykunst W.B., Ting-Toomey S. *Ethnic identity, language and communication breakdowns*. 1990.
10. Ha S.E., Jang S.J. National identity, national pride, and happiness: The case of South Korea // *Social Indicators Research*. 2015. Т. 121. № 2. С. 471-482.
11. Haarmann H. *Language in ethnicity: A view of basic ecological relations*. Walter de Gruyter, 1986. Т. 44.
12. Heller M. The role of language in the formation of ethnic identity // *Children's ethnic socialization*. 1987. С. 180-200.
13. Hirschfeld L.A. Children's developing conceptions of race // *Handbook of race, racism, and the developing child*. 2008. С. 37-54.
14. Hocevar E.F., De Zolt E.M. Theoretical claims and ethnic identity formation: interpretations from a slovenian-american community // *Discourse on Applied Sociology: Practising perspective*. 2007. Т. 2. С. 179.
15. Joseph J. *Language and identity: National, ethnic, religious*. Springer, 2004.
16. Kim S., Yang J., Noh M. What Made the Civic Type of National Identity More Important among Koreans? A Comparison between

- 2003 and 2010 // *Development and Society*. 2015. Т. 44. № 3. С. 535-563.
17. Krauss M. The world's languages in crisis // *Language*. – 1992. – Vol. 68, No 1. – P. 4–10.
  18. Kymlicka, W. *Multicultural citizenship: A liberal theory of minority rights*. Oxford: Clarendon, 1995.
  19. Liebkind K. Social psychology and contact linguistics // *Goeblua*. 1996. С. 41-48.
  20. Miller P.J., Hoogstra L. Language as tool in the socialization and apprehension of cultural meanings // *New directions in psychological anthropology*. 1992. Т. 3. P. 83-101.
  21. Phinney J.S. et al. The role of language, parents, and peers in ethnic identity among adolescents in immigrant families // *Journal of youth and Adolescence*. 2001. Т. 30. № 2. P. 135-153.
  22. Piller I. Naturalization language testing and its basis in ideologies of national identity and citizenship // *International Journal of Bilingualism*. 2001. Т. 5. № 3. С. 259-277.
  23. Shogan Colleen J. *Defining Americans: The Presidency and National Identity*. 2015.
  24. Stone J., Harris K. Symbolic ethnicity and Herbert Gans: race, religion, and politics in the twenty-first century // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Т. 40. №. 9. С. 1397-1409.
  25. Ting-Toomey S. Identity negotiation theory // *The International Encyclopedia of Interpersonal Communication*. 2015.
  26. Watson, C.W. *Multiculturalism*. Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 2000.
  27. Zhang W., Grenier G. How can language be linked to economics?: A survey of two strands of research // *Language Problems and Language Planning*. 2013. Т. 37. № 3. С. 203-226.
  28. Адиев А.З. Этнически маркируемые социальные протесты в Дагестане // *Вестник Института социологии*. 2018. № 26. С. 10-30.
  29. Алос-и-Фонт Э. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике: сборник статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 324 с.
  30. Арутюнова Е.М. Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст // *Социологическая наука и социальная практика*. 2021. Т. 9. № 1. С. 111–123.
  31. Арутюнова Е.М. Языковые аспекты в идентичностях: массовые представления и некоторые проблемы // *ИНАБ. Межнациональные отношения и российская идентичность в сложных условиях пандемии COVID–19*. 2021. № 1. С. 25–31.

32. Арутюнова Е.М. Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. – 2018. – № 4. – С. 25–35.
33. Атаев Б.М. Миноритарные языки Дагестана: состояние и перспективы. Махачкала, 2020. 290 с.
34. Атаев Б.М. Миноритарные языки Северного Кавказа // Закономерности социокультурного развития языков в полиэтническом государстве: Россия-Вьетнам. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 162-179. Соавт.: Биткеева А.Н., Михальченко В.Ю., Кондрашкина Е.А., Кожемякина В.А., Каплунова М.Я., Казакевич О.А., Агранат Т.Б., Кириленко С.В., и др. <https://istina.msu.ru/publications/book/332071626/>.
35. Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Национально-языковая политика в Дагестане: современное состояние и перспективы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3 (32). С. 126-132.
36. Биллиг М. Нации и языки // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 60–86.
37. Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонов В.Г. О сложной этнической и языковой идентичности населения Чувашии // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 104–120.
38. Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонов В.Г. Реализация языковой политики в школьном образовании Чувашской Республики (конец 1980-х – 2019 гг.) // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 56–75.
39. Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонов В.Г. Этнокультурные предпочтения, родные языки населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 31–39.
40. Боргояков С.А. Состояние и перспективы родных языков в российской системе образования // Наука и школа. – 2017. – № 6. – С. 20–30.
41. Бречалов А. «Удивлять знанием удмуртского – какой смысл?» // URL: <https://realnoevremya.ru/society/authorities/82281-intervyu-s-glavoy-udmurtii-aleksandrom-brechalovym> (дата обращения: 25.08.2021).
42. Буттаева А. Межэтнические отношения в Дагестане: специфика и текущие проблемы // Центральная Азия и Кавказ. 2012. № 2. Том 15. С. 72-83.
43. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языков. – Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия, 2004. - 335 с.

44. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 25.08.2021).
45. Воевода Е.В. Контактные языки как лингвокультурная доминанта на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6.
46. Воронцов В. Реализация языковой политики в Удмуртии и общественные инициативы // Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов / ред. Зорин В.Ю., Степанов В.В. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 157–168.
47. Воронцов В.С. Этнолингвистические характеристики жителей Удмуртии (по данным переписей населения) // Вестник Удмуртского университета. Серия: «Социология. Политология. Международные отношения». 2019. Т. 3. Вып. 4. С. 516–522.
48. Воронцов В.С., Черниенко Д.А. Этнокультурное образование в восприятии учащихся и родителей: опыт Удмуртской Республики // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2017. № 4. С. 3–8.
49. Глава Удмуртии: нужно создавать условия для изучения родного языка, но на добровольной основе // URL: <https://udm-info.ru/news/society/14-12-2017/glava-udmurtii-nuzhno-sozdavat-usloviya-dlya-izucheniya-rodnogo-yazyka-no-na-dobrovolnoy-osnove> (дата обращения: 25.08.2021).
50. Государственная программа Республики Дагестан «Реализация государственной национальной политики в Республике Дагестан на 2018-2020 годы.
51. Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве (материалы социологического исследования в Республике Марий Эл 2018 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И. Шабьков. Йошкар-Ола, 2018. 185 с.
52. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра // Отв. ред. Л. М. Дробижева. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.
53. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: РОССПЭН, 2013. 485 с.
54. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. – Москва: Наука, 2003. – 764 с.

55. Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Т. 9. Траектория деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. М.-Ижевск: Удмуртия, 2006. 720 с.
56. Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 20–48.
57. Долгова А.П. Об изменениях ситуации с родными языками в школах Чувашии: взгляд из региона // Родной язык: лингвистический журнал. 2020. № 1. С. 25–48.
58. Долгова А.П. Чувашский язык в условиях изменяющегося мира: проблемы сохранения и развития // Халӑх шкулӗ = Народная школа. 2020. № 6. С. 39–41.
59. Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 214–227.
60. Замахина Т. Путин потребовал не сокращать изучение русского языка в республиках РФ // Российская газета. 20.07.2017. URL: <https://rg.ru/2017/07/20/putin-potreboval-ne-sokrashchat-izuchenie-russkogo-iazuka-v-respublikah-rf.html> (дата обращения 20.09.2021).
61. Иванова С.В. О гражданственности, национальной идентичности, безопасности // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21).
62. Исаев Ю.Н. Обеспечение условий для изучения и использования языков народов Российской Федерации // Роль государства и институтов гражданского общества в сохранении родных языков и литератур: материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 22–23 октября) / сост. А.С. Егорова. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 210–216.
63. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Удмуртской Республике // URL: https://udmstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-01_Терр=94000000.pdf (дата обращения: 25.08.2021).
64. Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000. 178 с.
65. Камалова Г.Р. Языковая идентичность современной молодежи (по материалам этносоциологических исследований в Республике Башкортостан) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №3-2 (41). С.103-105.
66. Конституция Республики Марий Эл (1995). Йошкар-Ола // <http://parliament.mari.ru/title/const.html> (дата обр. 20.02.2017).
67. Лаллукка С. Восточно-финские народы. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. 392 с.

68. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И. Шабыков, О.В. Орлова. Йошкар-Ола, 2018. 192 с.
69. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2020 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. Г.С. Зеленева, О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2021. 202 с.
70. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2011 года): науч.-статист. бюллетень / В.И. Шабыков, О.В. Орлова, Г.С. Зеленева и др. // Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений / МарНИИЯЛИ; науч. ред. О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2013. С. 163–431.
71. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2015 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И. Шабыков, О.В. Орлова, Г.С. Зеленева и др. Йошкар-Ола, 2016. 181 с.
72. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-статист. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. В.И. Шабыков, О.В. Орлова. Йошкар-Ола, 2018. 192 с.
73. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: монография / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2018. – 552 с.
74. Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2001 года): науч.-статист. бюллетень / сост., предисл. В.И. Шабыков. Йошкар-Ола. 2002. 153 с.
75. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад по итогам специсследования / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.-Ижевск, 2016. 148 с.

76. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
77. Муха В.Н., Мельситов В.В., Сергиенко Н.Л. Система социальной идентификации населения Краснодарского края: по материалам эмпирического исследования // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 104.
78. Нагорный О.С. Репрезентация этничностей в русскоязычных социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 165—184. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.11.
79. Наказ Бречалову: обязательное изучение удмуртского языка в школах, резерв национальных кадров, этнопарк, площадки для народных игр // URL: <https://izhevsk.mk.ru/articles/2017/10/18/obyazatelnoe-izuchenie-udmurtского-yazyka-v-shkolakh-etnopark-ploshhadki-dlya-narodnykh-igr-chto-stareyshiny-ot-glavy-udmurtii.html> (дата обращения: 25.08.2021).
80. Национальная принадлежность и владение языками. Итоги микропереписи 2015 г. по Удмуртской Республике // URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/44287> (дата обращения: 25.08.2021).
81. Национальный состав Республики Марий Эл: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сб. / Территор. орган ФСГС по РМЭ: предс. ред. коллегии А.В. Целищев. Йошкар-Ола, 2012. 137 с.
82. Образовательный портал Республики Марий Эл. Сведения по изучению марийского языка // <http://edu.mari.ru/school/DocLib5/Forms/AllItems.aspx?RootFolder=%2fschool%2fDocLib5%2fСтатистика> (дата обращения: 10.10.2021).
83. Образовательный портал Республики Марий Эл. Сведения по изучению родных языков в 2020-2021 учебном году // <http://edu.mari.ru/school/DocLib5/Статистика/Сведения%20по%20изучению%20родных%20языков%20в%202020-2021учебном%20году.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).
84. Овчарова А.И. Особенности политики идентичности в России // Философия права. 2013. № 6. С. 102-105.
85. Родной язык в системе образования: современное состояние и перспективы развития. Сб. ст. Ижевск, 2021. 204 с.
86. Рыжова С.В. Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие России / под

- ред. В.А.Тишкова, В.В.Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 110–135.
87. Садретдинова Э.В. Отношение к родному языку в представлениях студенческой молодежи полиэтничного региона // Поколение Z: социальный характер, идентичность и ориентации современных подростков: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием. Уфа, 2019. С. 182-200.
  88. Санина А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 57-65.
  89. Тимощук А.С. Проблемы развития культуры и культурной идентичности в современном мире // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Екатеринбург, 2015.
  90. Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 127–144.
  91. Тишков В.А., Акбаев Х.М. «Народ не умирает с языком» или «язык не живет без народа»? // Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / Отв. ред. Е.И. Филиппова и С.В. Соколовский. – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия — Телеком, 2020. – С. 19–39.
  92. Тишков В.А., Степанов В.А. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 10. С. 879-890.
  93. Тишков В.А., Степанов В.В. Национальные языки и этнокультурное образование в регионах России // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – С. 3–19.
  94. Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я., Асылгужин Р.Р. Этническое сознание и этническая идентичность. – Уфа: Гилем, 2009. – 249 с.
  95. Фишман Дж.А. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 132–140.
  96. Хайруллина Н.Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2000. 466 с.
  97. Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г. Изучение социально-этнической ситуации Ханты–Мансийского автономного округа как этап

- разработки социологического мониторинга. Тюмень, Ханты-Мансийск, 1995. 48 с.
98. Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г. Мониторинг социального самочувствия обских угров. СПб.: ООО «Миралл», 2006. 200 с.
  99. Харамзин Т.Г., Хайруллина Н.Г. Традиционный уклад и образ жизни обских угров (по материалам социологических исследований). М.: «Издательство ИКАР», 2002. 296 с.
  100. Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. – 2005. – Вып. 4, № 49. – С. 49–59.
  101. Цапиева О. Муслимов Т. Этнополитическая и этносоциальная ситуация в республике Дагестан и новейшие конфликты // Россия и мусульманский мир: бюллетень реферативно-аналитической информации. 2008. № 2 (188). С. 77-93.
  102. Цветков В.А. Место и роль России на постсоветском пространстве // Пространственная экономика. 2011. № 1.
  103. Чибисов О.В. Интеграция российской диаспоры в политический процесс стран СНГ. 2009.
  104. Чупров Л.Ф. Исследование степени владения родным языком и осознания его социальной ценности родителями-хакасами // Scientific e-journal «РЕМ: Psychology. Educology. Medicine». 2013. – № 1–1. – С. 137–140.
  105. Шабыков В.И. Ценностная парадигма общественного сознания в Республике Марий Эл (на материале социологических исследований): монография / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, 2016. 176 с.
  106. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве (на материале Республики Марий Эл): монография / МарНИИЯЛИ, Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2020. 183 с.
  107. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. СМИ и художественная литература на марийском языке в информационно-коммуникационной среде Республики Марий Эл // Социодинамика. 2016. № 11. С. 53–60. URL: http://enotabene.ru/pr/article_19056.html
  108. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл (на материале социологических исследований 2012 и 2015 годов) // Вопросы филологии. 2018. № 1(61). С. 74–85.
  109. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл в начале 2010-х годов: социолингвистический анализ // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 214–235.

110. Шабыхов В.И., Кудрявцева Р.А., Казанцев Д.Е. Проблема «государственного» двуязычия в восприятии обучающейся молодежи Республики Марий Эл // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2. Ч. I. С. 204–207.
111. Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В. Родной язык и отношение к культуре // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. № 3. С. 74–84.
112. Шайхисламов Р.Б., Садретдинова Э.В., Асадуллина Г.Р. Конструкты «родной язык» в представлениях жителей мегаполиса (на примере г. Уфы) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2020. № 3. С. 35–46.
113. Этническое и языковое возрождение в Удмуртии: от политики к культурному многообразию: коллективная монография / Под науч. ред. К. Уильямса, А. Баранова, В. Воронцова, Л. Федоровой. Ижевск, 2008. 252 с.
114. Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: информационный бюллетень. (1994). М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
115. Ядранская И.В. Ресурсное обеспечение преподавания родного (чувашского языка) и родной (чувашской) литературы // Роль государства и институтов гражданского общества в сохранении родных языков и литератур: материалы Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 22–23 октября) / сост. А.С. Егорова. Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 223–227.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асадуллина Гузелия Рауфовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, старший научный сотрудник Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Атаев Борис Махачевич – доктор филологических наук, профессор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, Россия

Бойко Иван Иванович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия

Большаков Андрей Георгиевич – доктор политических наук, профессор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Воронцов Владимир Степанович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, г. Ижевск, Россия

Долгова Алевтина Петровна - кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия

Ефлова Мария Юрьевна - доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия

Ибрагимова Мариза Оглановна – доктор филологических наук, доцент Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Махачкала, Россия

Кудрявцева Раисия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия

Максимова Светлана Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия

Максимова Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета; г. Казань Россия;

старший научный сотрудник Башкирского государственного университета

Минзарипов Рияз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия

Ноянзина Оксана Евгеньевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия

Озерова Карина Адгамовна - кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета; г. Казань, Россия
старший научный сотрудник Башкирского государственного университета

Омельченко Дарья Алексеевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия

Садретдинова Эвеллина Винеровна - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, старший научный сотрудник Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Субботин Владимир Яковлевич – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физического воспитания Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, Россия

Хайруллина Нурсафа Гафуровна – доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, Россия; ведущий научный сотрудник Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Харитонов Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары, Россия

Храмова Евгения Валерьевна – кандидат политических наук, доцент Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

Шабьков Виталий Иванович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник ГБНУ при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», г. Йошкар-Ола, Россия

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с

молодежью, главный научный сотрудник Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Шаяхметова Римма Рафаэлевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Научное издание

**ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ
В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ:
ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ**

Коллективная монография

*Под общей редакцией
доктора социологических наук, профессора
Шайхисламова Рафаэля Бадретдиновича*

*За достоверность информации, изложенной в монографии,
ответственность несут авторы*

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 30.12.2021 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 11,27. Уч.-изд. л. 11,76.
Тираж 500 экз. (1-й завод 28 экз.). Изд. № 157. Заказ 497.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*